

'Gripping and heart-rending.' — *The Mail on Sunday*

ACROSS AN ANGRY SEA THE SAS IN THE FALKLANDS WAR

LIEUTENANT GENERAL SIR CEDRIC DELVES

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ СЭР СЕДРИК ДЕЛВЕС

Сквозь разгневанное море

SAS в Фолклендской войне

ХЕРСТ И КОМПАНИЯ, ЛОНДОН

Впервые опубликовано в Великобритании в 2018 году издательством C. Hurst & Co. (Publishers) Ltd.,

41 Great Russell Street, London, WC1B 3PL

© Cedric Delves, 2018

Предисловие © Max Hastings, 2018

Все права защищены.

Распространено в США, Канаде и Латинской Америке издательством Oxford University Press, 198 Madison Avenue, New York, NY 10016, United States of America

Право Седрика Делвеса на идентификацию в качестве автора данной публикации заявлено им в соответствии с Законом об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года.

Каталогизационная запись об этой книге доступна в Британской библиотеке.

ISBN: 978-1-7873-8181-0

www.hurstpublishers.com

"Мы - пилигримы, учитель; мы пойдем
всегда немного дальше; может быть,
за последнюю синюю гору, укрытую снегом,
за то сердитое или сверкающее море".

Джеймс Элрой Флекер

Посвящается «веселым людям» из эскадрона D 22 полка SAS, Южная Атлантика, 1982 год, и всем нашим близким.

Оглавление

<i>Примечание автора</i>	7
<i>Предисловие</i>	10
<i>Словарь</i>	14
<i>Благодарности</i>	18
<i>Карты</i>	21
<i>Пролог</i>	23
ЧАСТЬ I: ЮЖНАЯ ГЕОРГИЯ	26
С оперативной группой: Нащупываем свой путь	26
1. Преодоление кризиса	26
2. Выдвижение вперед	42
3. В залив Стромнесс	67
4. Поиск до уничтожения	96
5. Вход	108

Примечание автора

Захват Фолклендских островов в 1982 году Аргентиной, которой в то время управляла военная хунта, стал глубоким шоком практически для всех британцев. Осознание того, что Великобритания настолько упала в глазах другой нации, что даже государство-изгой, каким в те годы была Аргентина, может использовать военную силу для захвата одной из зависимых от нее территорий и ее народа и думать, что это сойдет им с рук, было слишком сильным, чтобы принять это. Но тогда страна действительно чувствовала себя на грани, ее граждане враждовали друг с другом, она находилась в состоянии, похожем на неизбежный экономический упадок, была слаба и не уверена в своем месте в мире. Последовавшая война, казалось, прекратила все это, подвела черту под одной эпохой и создала условия для другой, чтобы вновь зажечь наш национальный оптимизм и веру в себя.

Многие историки и аналитики говорили и писали о природе Фолклендского конфликта, его целях и последствиях. Главной среди их мнений является идея о том, что мы вступили в войну, чтобы отстоять важный принцип, более важный, чем просто исправление ошибки, более важный, чем Фолкленды или даже жители Фолклендских островов. Они отмечают, что мы воевали за право всех людей, где бы они ни находились, на самоопределение и использование силы для достижения этой цели, особенно в тех случаях, когда осуществление этого права было попрано агрессией. Это была причина, которую практически невозможно опровергнуть. Они добавили бы, что это заставило мир прислушаться и вновь воспринимать нас всерьез, что это показало, что мы не пали духом, что мы осознаём нашу стратегическую мощь и то, как её использовать, и всё это в рамках глубоко прочувствованной, общепризнанной цели.

Все складывалось против нас. Война должна была вестись в Южной Атлантике, у самых ворот в Антарктику, в глубине Западного полушария. Сейчас легко упустить из виду, что тогда в администрации США были те, кто сомневался в надобности поддержки нашего предприятия, но гораздо больше тех, кто ясно видел, что стоит на кону, а также понимал необходимость поддержать верного друга. Погода, расстояние,

локальный баланс сил - все говорило о том, что Аргентина победит. В конечном итоге успех наших вооруженных сил удивил большинство, если не всех информированных наблюдателей, включая многих людей в военной форме. Он заставил Советский Союз пересмотреть свои предположения о решимости и боеспособности Запада. Спустя годы президент Горбачев признает, что действия Великобритании в Южной Атлантике сыграли свою роль в убеждении советского руководства в том, что СССР никогда не сможет победить в Холодной войне.

Что касается национального упадка, то те же историки могут сказать, что Оперативная группа продемонстрировала, что Британия была не только территорией, но и идеей: отдельной, заслуживающей доверия и означающей нечто большее, чем износившаяся имперская эпоха. Мы все еще могли отличить добро от зла, что было важно, а что нет, и у нас были инициатива и средства что-то с этим сделать. Операция показала, что нас еще многое ждет, что мы готовы двигаться дальше, чтобы достичь новой формы величия.

Короче говоря, историки, аналитики и многие другие отмечают, что в те южные, ранние зимние месяцы 1982 года мы показали миру и, наверное, прежде всего самим себе, что у нас все еще есть то, что нужно: способность достигать цели, руководствуясь здравым смыслом и практичностью. Это работало раньше, это работает и сейчас, это достигло великих высот однажды, и это может быть сделано снова.

Тем, кто участвовал в войне, кто пережил неутешительные годы непосредственно перед ней, сейчас может показаться, что мы утратили большую часть единства, сплоченности и оптимизма, которые последовали сразу после нашего успеха в Южной Атлантике. Похоже, что мы снова в смятении и дрейфуем.

Это рассказ о тех ста днях, которые пережил эскадрон D, 22 полка SAS. Я считаю, что мы сражались так хорошо, как могли, достойно, в соответствии с нашими общими национальными ценностями. Я считаю, что мы помогли добиться успеха, внесли свою лепту в отстаивание принципов, за которые страна должна была сражаться. Тем самым, возможно, мы также помогли привести Соединенное Королевство в

порядок после многих лет относительного упадка. За это пришлось заплатить такую цену, о которой никогда нельзя забывать.

Хотелось бы, чтобы была возможность упомянуть всех бойцов эскадрона и приданный ему персонал. По тем или иным причинам это оказалось невозможным. Тем не менее, это рассказ об их участии в историческом событии, увиденном моими глазами. Я надеюсь, что этот рассказ хотя бы в какой-то мере отметит их достижения и благородство их духа, принесет определенный комфорт и гордость, особенно нашим семьям и близким. И я верю, что этот рассказ сможет успокоить британскую общественность, во имя которой, во имя чьих ценностей и с помощью чьих ресурсов мы стремились сделать все возможное.

Предисловие

Я впервые встретил майора Седрика Делвеса (тогда он был в таком звании) ранней июньской ночью 1982 года, когда вместе с командующим 22-го полка SAS Майклом Роузом высадился на вертолете Sea King под вершиной горы Кент в Восточном Фолкленде. Бойцы эскадрона D Седрика вели перестрелку с аргентинскими войсками, трассеры рассекали темноту и пугали меня до смерти. SAS, конечно же, выглядели совершенно невозмутимыми. Когда мы подлетали к зоне высадки, заваленные по пояс горой оружия, снаряжения и минометных снарядов, я крикнул Майку, перекрикивая шум двигателя: «Что будет, если аргентинцы начнут обстреливать зону высадки?». Бесстрашный подполковник пожал плечами и бесстрастно ответил: «Что ж, кто рискует - побеждает!». Эти люди были, а их преемники остаются и по сей день, одними из лучших профессиональных воинов в мире, среди которых Седрик является выдающимся примером. Ни один человек не видел больше, чем он, на острие событий 1982 года в Южной Атлантике. Теперь он составил необычайно яркий рассказ об опыте его эскадрона. В ней я, как и многие другие читатели, узнаю о войне и о выдающемся вкладе SAS в британскую победу все подробности, которые до сих пор были неизвестны.

Фолклендская кампания была причудой истории, анахронизмом, подобного которому мир больше никогда не увидит. Я всегда сожалел, что не был в том возрасте, чтобы сопровождать экспедицию Китченера в 1898 году по Нилу для того чтобы уничтожить дервишей. Следующим лучшим вариантом было, конечно, отправиться вместе с Маргарет Тэтчер, по крайней мере, по доверенности, в Южную Атлантику, чтобы победить аргентинцев. Эта безумная экспедиция дала вооруженным силам Британии возможность продемонстрировать свои навыки в самом лучшем виде до того, как сокращение расходов на оборону и наступление нового века лишили их как средств, с помощью которых можно было совершать подобные действия, так и условий, в которых они могли происходить. Седрик рассказывает, как на пороге битвы он обнаружил, что воскрешает в памяти старые фильмы о войне, на которых он, как и я, вырос: «Жестокое море», «Потопить «Бисмарк»!», «Битва при Ривер Плейт». На юге меня поразила манера, в которой

многие офицеры и мужчины, казалось, сочиняли свои собственные сценарии по шаблону Второй мировой войны, как, например, капитан фрегата, который, как я слышал, вещал своей команде, когда аргентинская воздушная атака приближалась к Сан-Карлосу: «Помните, парни, когда они придут: устройте им ад!». А Джереми Ларкен, капитан флагманского корабля *Fearless*, сказал своей команде на мостике после того, как аргентинская бомба упала рядом: «В этом деле можно сказать только одно. Когда все закончится, и они снимут фильм, Роберту Редфорду не достанется ни одной роли». При этом его канадский штурман воскликнул: «А что насчет меня?!».¹

Выдающимся элементом этой прекрасной книги является ее честность в отношении слабостей и неудач SAS, а также их огромных достоинств и успехов. Полк опирается на устоявшуюся уверенность в своих силах, которая в 1982 году была подкреплена недавним штурмом иранского посольства в Лондоне - достижением, принесшим ему мировую известность. Седрик пишет: «SAS может вызывать почти физическую неприязнь у некоторых военных профессионалов, что отчасти, возможно, связано с недоверием британской культуры к элитарности, усугубляемым предположением, что нам потакают». Это правда. Полк обвиняют, иногда справедливо, в том, что он ведет себя как частная армия, его операции не имеют ничего общего с остальной частью кампании или развернутыми силами и не имеют никакого отношения к текущим делам их командующих. Во время перехода в Южную Атлантику Майкл Роуз, относительно молодой офицер, открыто заявил всем и каждому, включая таких корреспондентов, как я, о своем недовольстве адмиралом Сэнди Вудвордом, командующим военно-морской оперативной группой, а также о своей вере в то, что аргентинская армия - это сброд, который рассыплется «при одном хорошем толчке».

События доказали, что Роуз был в основном прав, но бригадный генерал Джулиан Томпсон, в высшей степени здравомыслящий офицер, командовавший 3-ей бригадой коммандос, часто говорил мне: «Майк не

¹ Прим. перев. – Роберт Редфорд американец, на первых стадиях многие военнослужащие и общественность считали, что США от них отвернулись.

хотел соглашаться с тем, что мы - одномоментная сила, что мы должны правильно выполнить каждый шаг штурма островов. Если мы пробовали что-то рискованное и терпели неудачу, мы не могли просто вернуться и повторить попытку через месяц, как во Второй мировой войне». Британские войска, отвоевавшие Фолкленды, действовали великолепно, но им также необычайно везло. Здесь автор рассказывает ужасную историю подготовительной операции на Южной Георгии, когда разведгруппы SAS, действовавшие с помощью вертолетов и с моря были близки к потере всего эскадрона в метели на леднике Фортуна и о череде трагикомичных неудач при высадке на берег с лодок. Эти проблемы были устранены, когда все потерявшиеся были чудесным образом найдены, а аргентинский гарнизон капитулировал. Но, как с горечью пишет Седрик, «базовые навыки управления лодками... были подвергнуты серьезному испытанию в «дальнем конце» Антарктики и оказались недостаточными».

Он дает великолепный рассказ о своем опыте руководства последующим ночным рейдом на аргентинский аэродром на острове Пембл, в ходе которого было уничтожено одиннадцать вражеских самолетов без потерь в живой силе. Эта операция была столь же блестящей, как и все те, которые SAS проводили в Северной Африке в начале Второй мировой войны. Вместе со своими коллегами из SBS (Специальной лодочной службы) Делвес и его люди действовали в качестве поддержки основной британской высадки в Сан-Карлосе 21 мая. После этого он возглавил первоначальную атаку на ключевую стратегическую высоту, гору Кент. Он пишет, что с учетом всего этого опыта, в манере, присущей всем воинам во всех конфликтах, «война по-прежнему остается на девять десятых устранением проёбов». На Фолклендских островах SAS воспользовалась преимуществами владения различными инновационными технологиями. Один из его людей сбил аргентинский штурмовик Pucara, что стало первым боевым применением американского ПЗРК Stinger. У них также были спутниковые радиостанции UHF-частоты, которые, по его словам, были «чудом для нас», контрастирующим с неуклюжей морзянкой. Благодаря щедрости Майкла Роуза, я надиктовал депешу напрямую со скованной льдом горы Кент в штаб SAS в Херефорде по голосовой связи, которая

была лучше, чем обычный телефонный звонок из Ньюбери в Лондон. Мое появление в сети связи SAS привело в восторг меня и моих читателей, но взбесило Министерство обороны.

Последняя операция SAS в этой войне, намеченная для отвлечения внимания атака на холм Кортли, что под Порт-Стэнли, с треском провалилась, что заставило Седрика думать тогда и писать сейчас: «Твою мать, твою мать, твою мать». Штурмовой отряд оказался прижат сильным огнем противника. Автор признает, что операция «была проведена не так, как нам хотелось бы». По памяtnому выражению Артура Теддера, летчика, который в 1944-45 годах был заместителем Эйзенхауэра в Северо-Западной Европе, «война - это организованный бардак».

Операции SAS в двадцать первом веке по-прежнему окутаны официальной тайной, и на то есть веские причины. Отрадно, что Седрик Делвес, выдающийся офицер спецназа с огромным опытом, смог рассказать эту замечательную историю об одном из лучших часов его полка, восхищенным (а иногда и потрясенным) зрителем которого я был. Его книга - это прекрасная дань памяти его товарищам, погибшим в Южной Атлантике, и захватывающее повествование о необыкновенной кампании.

МАКС ГАСТИНГС

август 2018-го года

Словарь

AAR - Заправка топливом по воздуху

AAWC - Управление противовоздушной обороной

AOA - Амфибийный оперативный район

ASW - Противолодочная борьба

AVTUR - Авиационное турбинное топливо

BAS - Британская антарктическая служба

Bergen - Рюкзак

C2 - Командование и управление

CAP - Боевой воздушный патруль

CASEVAC - Эвакуация раненых

CLFFI - Командующий сухопутными войсками Фолклендских островов

CO - Командир

COA - План действий

COMAW - Командующий амфибийной группой

COMCEN - Центр связи

COMMS - Коммуникации

CT - Контртеррористическая деятельность

Direct Action - Прямое действие

DZ - Зона высадки

ETA - Расчетное время прибытия

FARP - Передовой пункт вооружения и дозаправки

FCS - Система управления полётами

FIGAS - Государственная авиационная служба Фолклендских островов

FLEET - Штаб флота, Нортвуд

FLIR - Тепловизор

FMA - Зона обслуживания сил

FOB - Передовая оперативная база

HE - Взрывчатое вещество

IED - Самодельное взрывное устройство

ILLUM - Освещение

K - Километр

LAW - Легкое противотанковое оружие

LPD - Посадочный платформенный док

LS - Посадочная площадка

LSL - Десантный корабль логистики

LUP - Лежачее положение

LZ - Зона высадки

MFC - Наводчик минометного огня

MHE - Механическое погрузочно-разгрузочное оборудование

MILAN - Противотанковая ракета

MPA - Морской патрульный самолет

NBC - Ядерная биологическая химическая

NOTICAS - Сообщение о потерях

NVG - Очки ночного видения

OMG - Группа оперативного маневрирования

OP - Наблюдательный пост

ORBAT - Боевой порядок

OTX - Зарубежные учебные

PAX - Пассажиры

PTSD - Посттравматическое стрессовое расстройство

PW - Военнопленный

QRF - Силы быстрого реагирования

R&R - Отдых и восстановление

RAS - Пополнение запасов в море

RFA - Королевский вспомогательный флот

RHQ - Штаб полка

ROE - Правила ведения боя

SACLOS - Полуавтоматическое управление линии прицела

SAS - Специальная воздушная служба

SBS - Специальная лодочная служба

SEP - Сдавшийся персонал противника

SF - Спецназ

SHAR - Sea Harrier

SHQ - Штаб эскадрона

SITREP - Ситуационный отчет

SLR - Самозарядная винтовка

SSM - Старшина эскадрона

SSN - Атомная подводная лодка

STOL - Короткий взлет и посадка

STUFT - Корабли, изъятые из торгового флота

TACSAT - Тактический спутник [радио]

TEZ - Зона полного отчуждения

TFR - Радар слежения за рельефом местности

VERTREP - Вертикальное пополнение запасов судов с помощью вертолетов

WETREP - Отчет о погоде

WILCO - Будет выполнять требования

Благодарности

Идея книги была впервые подана Сюзи, моей любимой женой, которая умерла слишком молодой. У нее не было времени на фальшь, и ее никогда особо не волновала мистика, особенно когда она так явно была просто раздутым бредом. Идея обрела форму совсем недавно, после разговора с генералом сэром Майклом Роузом, моим командиром во время войны. Мы увидели, что история конфликта, мастерски написанная сэром Лоуренсом Фридманом уже раскрыла роль полка, но воспоминания из первых рук, опирающиеся на его записи, должны иметь свое место. Я признаю свой долг перед обоими: перед Сюзи - за оригинальную мысль и здравый смысл, перед Майком - за продвижение проекта, а также за его проницательность и воспоминания, на которые он опирается. А также дорогой Анне, без постоянной поддержки которой мало что было бы достигнуто. И Дэвиду Лайону, большому другу, который в этом проекте и на протяжении многих лет давал мудрые советы, мягко выявляя любые слабости и ошибки.

Для создания сюжета книги я опираюсь на мнения многих историков и аналитиков, писавших и говоривших о войне; среди них следует отметить Джулиана Линдси-Френча, который запомнился своей выразительной речью на ужине в честь 30-летия войны в Пэнгборне. Что касается высшего руководства кампании, то в повествовании использованы знания и впечатления, полученные в то время, а также беседы с Майком и многими другими людьми впоследствии. В остальном я опирался на «Официальную историю Фолклендской кампании, Том II» сэра Лоуренса Фридмана, как на признанный, авторитетный отчет.

Мало кто из нас вел дневник: это противоречило нашим боевым инструкциям. Поэтому рассказ опирается в основном на наши угасающие воспоминания; что касается Южной Георгии, то там, где это было необходимо, я дополнял свои воспоминания, обращаясь к исчерпывающе подробной книге Роджера Перкинса «Операция «Paraquet», бесценному отчету, написанному вскоре после событий. Крис Пэрри предоставил больше информации об эпических деяниях легендарного вертолета «Хамфри», включая полеты на ледник Фортуна.

Кроме того, он держал меня в курсе широкого круга вопросов, касающихся военно-морского флота. Я также благодарю его за то, что он пригласил нас с Дэнни Уэстом на ужин «Выжившие в кают-компании HMS *Antrim*», чтобы встретиться со старыми товарищами по кораблю. Я позволил себе записать пару из их историй.

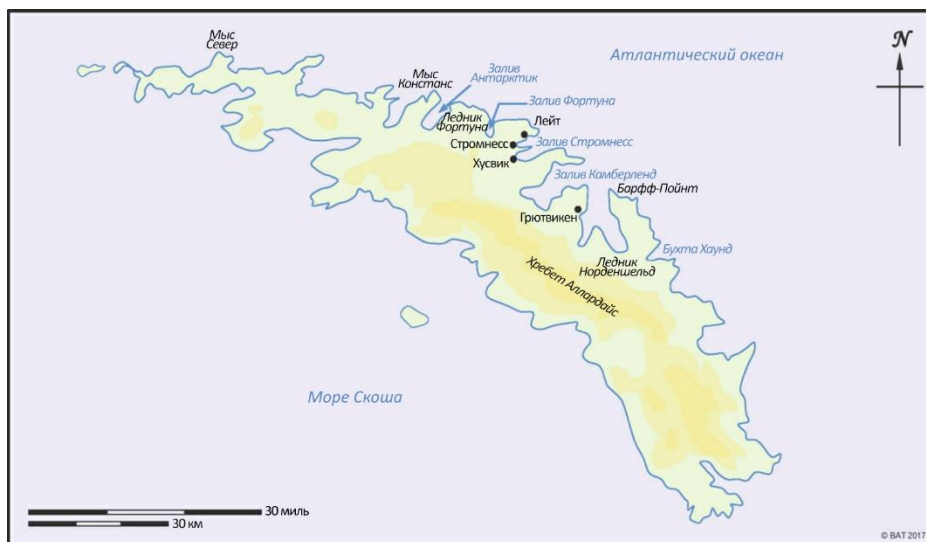
Многие члены эскадрона также оказали помощь. Главным среди них был Дэнни Уэст. Он всегда был готов дать совет, не в последнюю очередь по полковым вопросам, и в остальном поддерживал работу - так же, как он делал это во время войны. Джорди Вудс также не жалел сил, помогал составлять карту книги, используя свою феноменальную память. Бедняга Джорди умер, не дождавшись завершения. Грэм Коллинз, еще один член «головного звена» эскадрона, предложил типично недооцененный рассказ о своей и Нобби Кларка роли в поддержании нашего материально-технического обеспечения. Я прошу прощения у обоих за неадекватно слабое описание их невероятных усилий; это заняло бы целую книгу. Этот неисправимый свободный дух Карл Родс заставил меня всесторонне объяснить кажущуюся загадочную последовательность стрельбы из ПЗРК *Stinger*. Я не включил его в книгу, но беспрекословно воспользовался другими его воспоминаниями и предложениями о помощи. Рой Фонсека очень выразительно рассказал о событиях, связанных с его пленением. К счастью, аргентинцы вели себя достойно. С тех пор Рой встречался с некоторыми из своих похитителей, что является ярким примером примирения. Рою и всем «Веселым людям», каждый из которых с такой готовностью и щедростью предоставил не только эту книгу, но и все остальное, я выражаю свою благодарность, слова не могут передать моего восхищения их духом и бескорыстным чувством долга.

Мне посчастливилось получить руководство и поддержку от профессора Майкла Берли, выдающегося ученого и аналитика, еще одного свободного духа. Именно он познакомил меня с издательством *Hurst Publishers*. Майкл Дуайер из издательства *Hurst* взял книгу на себя, оказывая мне всевозможную помощь. Я не могу выразить ему степень своей благодарности за доверие к работе и практическую поддержку в доведении ее до зрелости. И сэр Макс Гастингс, в некотором смысле еще один соратник, мы вместе отважились на благое дело; я благодарю его

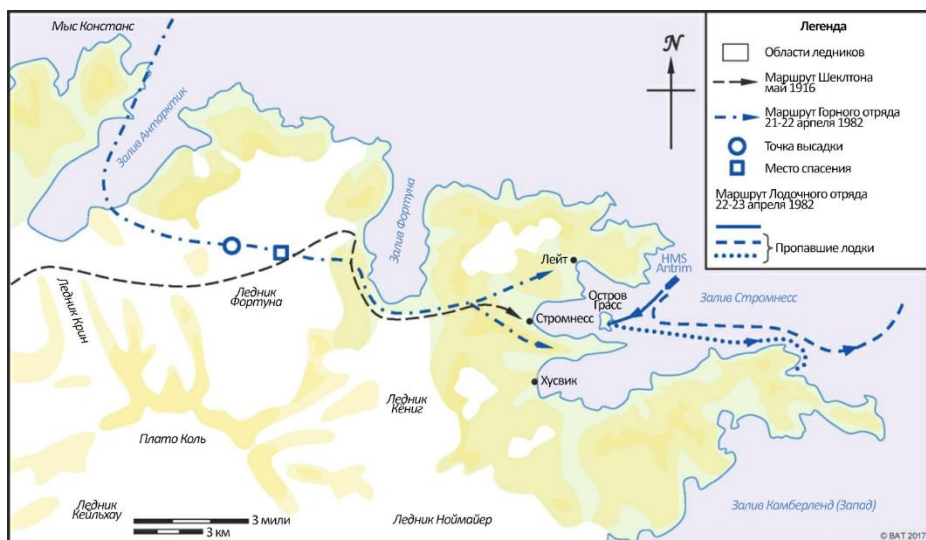
за самое пронизательное предисловие. Если с таким объемом помощи что-то в книге не получилось, то виноват может быть только один человек - я принимаю на себя всю ответственность.

Карты

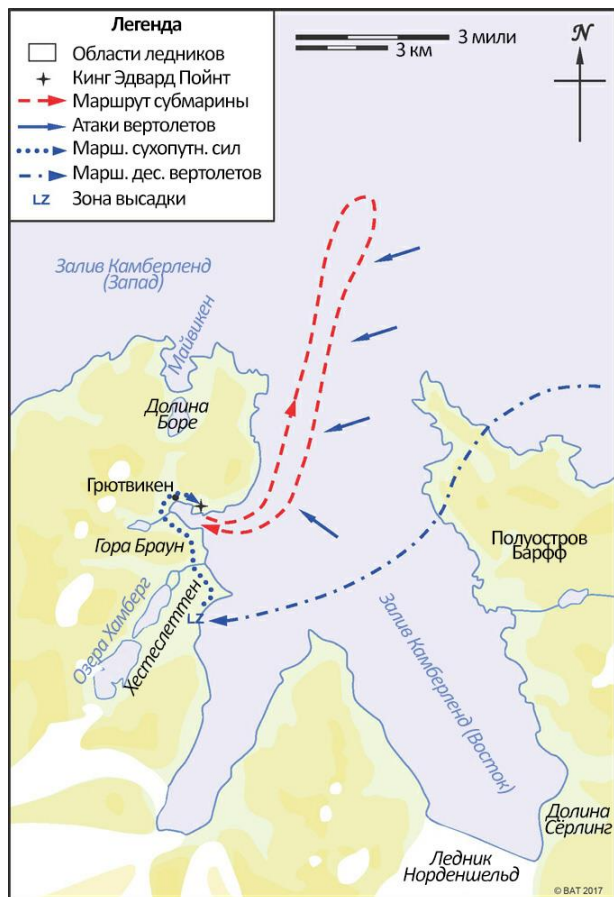
1: Южная Георгия, район операций, 21-27 апреля 1982 года.

2: Разведка залива Стромнесс, 21-25 апреля 1982 года.

3: Штурм Грютвикена, 25 апреля 1982 года.

Пролог

Свет постепенно меркнет, серость переходит в темноту, когда авианосец HMS² *Hermes* начинает движение. Выйдя в открытое море, он и два корабля сопровождения вышли из-под защиты Оперативной группы, чтобы прорваться через зону патрулирования вражеских подводных лодок. Они направлялись к точке у северного побережья Фолклендских островов.

Это было 14 мая 1982 года. За месяц до этого Аргентина в результате неспровоцированного нападения захватила зависимые территории Великобритании в Южной Атлантике. В ответ Великобритания направила военные силы, чтобы освободить свой народ и вернуть свои острова.

Эскадрон SAS, которым я командовал, находился на борту авианосца. После того, как несколько дней назад эсминец HMS *Sheffield* был потерян в результате вражеской воздушной атаки, одна из наших разведывательных групп отправилась на берег, чтобы обнаружить одиннадцать вражеских самолетов на взлетно-посадочной полосе на острове Пибл. Патруль предоставил нам всю необходимую информацию для нанесения ответного удара. Авианосец передислоцировался, чтобы наши вертолеты оказались в пределах досягаемости. Провести рейд было нелегко. Одна только погода грозила превысить возможности людей и машин.

Штормовой ветер усилился с момента нашего отплытия, замедляя ход кораблей. Еще больше времени было потеряно, когда фрегат HMS *Broadsword*, один из кораблей сопровождения, был вынужден замедлиться еще больше, чтобы провести ремонт своего жизненно важного зенитно-ракетного комплекса, поврежденного бушующими волнами.

Мы ждали под палубой, курия и потягивая пиво. Я курил уже третью сигарету за час, чувствуя беспокойство и слабость. Оглядываясь по

² Прим. перев. - Расшифровывается как «Корабль Её Величества» (англ. Her Majesty's Ship) или «Корабль Его Величества» (англ. His Majesty's Ship) — префикс судов, используемый в названиях судов Королевского военно-морского флота Великобритании.

сторонам, я чувствовал такое же напряжение у всех остальных, они разговаривали тихим тоном или сидели в стороне, погруженные в свои мысли. Я был близок к тому, чтобы все отменить. Тщательно рассчитанные границы допустимости ошибок постепенно уменьшались, пока почти ничего не осталось, а мы еще не ступили на берег. В этот момент мы все почувствовали, что корабль замедлил ход. Дверь открылась, морской офицер высунул голову и, кивнув в мою сторону, сказал: «Всем на верхнюю палубу, пожалуйста».

Военно-морской флот сохранил некоторые несколько устаревшие обычаи, вежливое «пожалуйста» было замечено и оценено.

Холод был лютый, ночь была густо-черной после ярких огней внизу. Летная палуба ритмично качалась вверх и вниз, ветер завывал, высасывая воздух из наших легких, и решительно толкал нас, словно желая перебросить через открытый край палубы в смертоносное море за бортом. Граница между жизнью и смертью казалась такой абсурдно тонкой.

Мы собрались на заранее намеченных вертолетных платформах, там, куда нас направили помощники, примерно напротив самолета, прикрепленного к палубе. Ветер, брызги и дождь заливали наши глаза. Порывы ветра рвали бергены на наших спинах. Мы удивлялись, как персонал летных палуб справляется со своими обязанностями, ведь их чувства одеревенели от жестокости ветра, дождя, соленых брызг и сильного холода.

Затем, когда мы уже собирались грузиться, нам сказали вернуться вниз; что-то связанное с топливом. Мы сделали то, что нам сказали, и задраили люки. Когда мы уходили, вертолеты начали оживать. Они поднимались и кружили над авианосцем, чтобы сбросить топливо. Пилоты и экипажи не могли подготовить воздушные суда во время перехода; летная палуба была закрыта, слишком опасно для работы. Любой, кто ступил бы на нее, мог быть сметен.

Вернувшись вниз, мы снова собрались со смесью смирения и неверия. Мы с трудом могли поверить в это. Это должно было случиться, но время вышло, отмена. Мы провели еще несколько быстрых подсчетов. Дело

выглядело не очень хорошо. Но, возможно, все еще может получиться, если все пойдет гладко, без задержек и заминок. Вскоре раздался вызов с предложением вернуться. Мы поднялись, чтобы встретить все, что Южная Атлантика и противник могут бросить на нас. Мы, вероятно, не успевали, но мы должны были попробовать.

ЧАСТЬ I: ЮЖНАЯ ГЕОРГИЯ

С оперативной группой: нащупываем свой путь

1. Преодоление кризиса

В начале 1982 года я командовал эскадром D 22-го полка SAS не более года. Ничто не предвещало, что через несколько месяцев мы будем воевать, и уж точно не в Южной Атлантике. Поэтому, как обычно, не имея войны, которую нужно было вести, эскадрон занялся подготовкой к войне. Для большинства военнослужащих британской армии того времени это означало подготовку к защите от Третьей ударной армии Советского Союза, угрожавшей тогда Центральной Европе. Но не для нас. Конечно, мы должны были предусмотреть возможность сражаться вместе с союзниками по НАТО, если Холодная война разгорится, но была большая вероятность того, что до этого нам придется выполнять другие задачи в других местах. Мы понятия не имели, где и что. Поэтому мы отправились в Кению, зная, что все навыки, которые мы там оттачивали, нужно будет скорректировать в случае необходимости использования в других местах.

Лоуренс Галлахер, старшина (SSM) эскадрона D, и я спланировали подготовку за шесть месяцев до этого. Мы полностью учли программу на оставшуюся часть года и характер военнослужащих. Она могла быть требовательной, граничащей с неудобностью, а иногда и просто кровожадной. Это было связано с «неустанным стремлением полка к совершенству», стремлением «всегда пройти немного дальше».³ Мы должны были вечно стремиться к вершинам, достигая одной цели, возможно, только для того, чтобы сразу перейти к следующей. Военнослужащие были полностью захвачены этой философией. И если этого давления было недостаточно, мы не ставили монополию на хорошую идею. Всех поощряли высказывать свои мысли, независимо от звания; любое сомнительное на первый взгляд решение можно было

³ Взято из стихотворения «Золотая дорога в Самарканд» Джеймса Элроя Флекера и принято послевоенной SAS для воплощения ее философии.

оспорить. Действительно, иногда казалось, что все и вся оспаривается как само собой разумеющееся или из чистой вредности. Солдаты хотели только лучшего, а компромисс SAS не устраивал. Неустанные стремления заставляли всех нас быть в напряжении, особенно офицеров, а у старшего сержантского состава были дополнительные, менее формальные способы удержать инакомыслие на комфортном уровне. В этом плане очень помогло то, что именно Лоуренс был старшиной.

Он пришел в полк пятнадцать лет назад из 9-го парашютного эскадрона Королевских инженеров. Это будет иметь значение для всех, кто знаком с британской армией, поскольку 9-й эскадрон имеет репутацию. Инженеры парашютного эскадрона, они жесткие, трудные, ими немного тяжело командовать, но на операциях они просто вдохновляют. Лоуренс тоже был жестким, но в своем роде покладистым гигантом. Человек с мягким, солнечным нравом, он любил американскую музыку кантри и большую часть времени напевал ее. Он обладал авторитетом. Бесконечно справедливый, он всегда видел в людях хорошее, что проистекало из его природного обаяния и оптимизма. Все относились к нему с большим уважением. Он им нравился, и они принимали то, что он говорил, но не из-за его звания. В SAS такого никогда не было. Они действовали в соответствии с тем, что он говорил, потому что это исходило от него, человека с большим авторитетом в более широком, полковом смысле. Его поддержка была очень полезной. Он с нетерпением ждал наступления года, который начинался в Кении. Ему это особенно нравилось - начинать новый год в теплом климате. К сожалению, это мероприятие оказалось не таким эффективным и не таким веселым, как мы предполагали.

Эскадрон недавно завершил период выполнения обязательств перед НАТО, перейдя к периоду «ожидания» для операций по всему миру. К концу года мы должны были принять на себя высокую роль по борьбе с терроризмом. Террористическая угроза имела тенденцию усиливаться. Требовались решительные усилия, чтобы переключить наше внимание на что-то другое. Зарубежные учения в Кении были призваны помочь отточить ряд навыков, которые можно было бы приспособить в случае возникновения кризиса и выяснения его специфики. Однако учения

никогда не были разделены на части. Оперативные навыки перетекают из одной области и дисциплины в другую.

Все четыре отряда эскадрона специализировались на определенном способе проникновения в оперативный район. Они были названы соответствующим образом: воздушный, лодочный, горный и мобильный (по сути, специализирующийся на транспортных средствах).

Существовала определенная степень оперативной совместимости.

Например, лодочный отряд лазил по горам вместе с горным, чтобы они могли преодолевать скалы. Мобильный отряд поддерживал некоторые навыки воздушного, и наоборот. А условно смежные вопросы могли быть переданы тому отряду, который предположительно лучше или наиболее подходящий: например, воздушный отряд обладал определенным опытом в области зенитного оружия, а лодочный - способностью к подводному плаванию. Естественно, была и общая для всех воздушно-десантная подготовка, включая столь нелюбимые всеми прыжки с принудительным раскрытием.

Учения начнутся со специализации на уровне отрядов, чтобы вывести их на хороший рабочий уровень. После этого будет отработано обращение с более тяжелым оружием, с которым работают в парах и более, прежде чем приступить к расширенным боевым стрельбам. Кульминацией подготовки станут изнурительные двусторонние учения. Основное внимание должно было быть уделено прочному усвоению основ, без которых будет практически невозможно приспособиться к непредвиденным обстоятельствам.

Все шло достаточно хорошо до последнего упражнения. Проблема возникла из-за моего решения. В ходе учений эскадрон должен был выдвинуться на местность двумя отрядами по обе стороны от предполагаемого района действий партизан; для этого мы использовали отдаленный племенной район. Это нагружало оба отряда приличным марш-броском на расстояние около двадцати миль, и давало много возможностей для отработки навыков патрулирования и выслеживания. Ошибка заключалась в том, что нужно было прыгать с принудительным раскрытием - способ, который мы должны были поддерживать на должном уровне. Но зона высадки находилась на высоте около 5000-

6000 футов над уровнем моря, температура воздуха была около 70 градусов по Фаренгейту.

Жара и высота плохо сочетались с используемыми в то время парашютами, которые были ненамного лучше тех, на которых прыгали наши основатели в 1940-х годах. Несмотря на это, я чувствовал себя обязанным выполнить десантирование с воздуха, не в последнюю очередь потому, что ВВС предоставили нам C130 именно для этой цели. Я видел, что Лоуренс был недоволен, но он тоже понимал, что время от времени мы должны это делать. Результаты были катастрофическими, потери превысили 33 процента. К счастью, ничто не угрожало жизни, но, тем не менее, несколько травм были серьезными: один солдат угодил в куст верблюжьей колючки, а затем его вытащили из него, причем колючки были от двух до трех дюймов, похожие на стальные шипы.

Мне также удалось получить травму обеих лодыжек. Рентгеновский снимок, сделанный много лет спустя, показал мелкие наросты на кости. Они уже никогда не были прежними. Из-за этого я пролежал около недели и прихрамывал большую часть начального периода предстоящей войны. Никто из нас не сообщал о травмах, предпочитая оставаться в строю, не желая пропустить что-либо, если оно появится во время нашего пребывания в резерве. Кроме того, у нас в эскадроне было много патрульных медиков, большинство из которых очень хотели попрактиковаться в своих сомнительных медицинских навыках. Одним из их любимых лекарств в то время был «Тигровый бальзам» - удивительно эффективная мазь для снятия боли в мышцах, которую полк приобрел на Дальнем востоке во время службы на Борнео. Если дела шли совсем плохо, можно было опереться на персонал полкового медицинского центра. Они знали, что нужно делать, когда настаивать, а когда позволить нам заниматься самолечением.

Что касается развлечений, то постоянные стычки с командиром британского вспомогательного персонала учебного центра, базирующегося в Найроби, подпортили их. Он не столько отказывал в помощи, сколько оказывал ее неохотно. Его люди были готовы, но он задавал недоброжелательный тон, его враждебность порождала неуверенность среди них. Выявить его недовольство оказалось

непросто. Возможно, он просто пришел таким - человеком с занозой в плече. Конечно, мы ему сразу же разонравились. Так и случилось.

SAS может вызвать почти физическую неприязнь у некоторых военных профессионалов, возможно, отчасти из-за недоверия британской культуры к элитарности, усугубляемого ощущением, что нам потакают, что нам сходит с рук то, чего не сходит другим, что нам дают оборудование, которого у них не было и которому они завидовали. Возможно, их неприязнь имела под собой некоторые основания, которые, по иронии судьбы, перекликались с нашими собственными чувствами. С тех пор как два года назад полк стал известен общественности во время осады⁴ иранского посольства, он подвергался всевозможной раздутой, гипертрофированной героизации. Можно было ожидать, что это плохо отразится на коллегах, чье собственное место и вклад могут быть упущены или уменьшены в сравнении. Хуже того, постоянное мельтешение могло подточить нашу собственную предпочтительную скромность, нашу потребность в некоторой неизвестности.

К счастью, более мудрое руководство полка продолжало считать, что в идеальных обстоятельствах не должно быть необходимости в спецназе; регулярные силы должны были все перекрыть. Но всегда существовали пробелы в охвате, и тогда SAS приходилось заниматься тем, что входило в сферу его компетенции. Среди этого можно отметить сбор информации, атаки как на физическую, так и на психологическую «глубину», а также действия на периферии, где обычные военные возможности уступают возможностям других регулярных и нерегулярных служб безопасности.

Действительно, можно сказать, что одной из основных, не оговоренных официально обязанностей SAS является поиск и устранение пробелов в наших обычных возможностях. Но высокомерие, реальное или мнимое, могло помешать достижению этой цели, ослепляя нас самих и отговаривая других от обращения к нам. Это требовало постоянной

⁴ В мае 1980 года SAS при поддержке городской полиции успешно штурмовали посольство Ирана в Лондоне, чтобы освободить заложников, захваченных шестью вооруженными террористами.

бдительности, поскольку даже вполне респектабельные уверенность в себе и чувство собственного достоинства могли быть неправильно истолкованы. Чтобы все шло хорошо, мы должны были «вписаться», быть терпимыми, если не принимаемыми: нелегкое дело, когда смысл существования полка заключался в оспаривании ортодоксальности, поиске того, что другие могли упустить или не обратить на это внимание. Должное смирение помогало.

Всегда будет трудно предсказать будущие пробелы в возможностях. Принимая это, а также то, что наше дальнейшее существование зависело от способности быстро удовлетворять неожиданные потребности, SAS была настроена на перемены. По замыслу или бездействию, в то время мы находились в «состоянии постоянного непостоянства», как мне нравилось об этом думать. Полк действовал с большой свободой действий. Тогда у него было довольно чистое поле, не было других сил специальных операций ни справа, ни слева. Он мог свободно перемещаться, не ограничиваясь организационными рамками. Действуя практически в одиночку в пределах широкой зоны интересов, он мог отслеживать риски и угрозы, корректируя свои действия по мере необходимости.

Так, одно поколение SAS могло действовать в джунглях Малайзии и Борнео более или менее независимо, другое - в Дофаре, тесно сотрудничая с иррегулярными силами султана Омана, основанными на племенах, с акцентом на гражданские вопросы, а поколение 1980-х - на борьбу с терроризмом, в основном в поддержку полиции и других гражданских сил. Естественно, задачи были более многослойными, особенно с учетом наших обязательств перед НАТО. SAS могла так быстро реагировать на изменения, что иногда казалось, что она опережает события. Это требовало определенного оппортунизма со стороны спецназа и активной поддержки со стороны верховного командования, способного выделять ресурсы, терпеть и даже поощрять необходимые и часто неудобные отступления от нормы. Это была неопределенность по замыслу, поощрение подлинной оригинальности, истинного несоответствия, далекого от противопоставления. Лучшими операторами SAS были те, кто основывался на дисциплинах традиционной военной службы или других вооруженных сил, способные

определить, когда, где и как отступить от стандартной практики. Руководство полка должно было уметь читать общую стратегическую и оперативную картину, видеть, как спецназ может адаптироваться, чтобы расширить возможности обычных войск.

По мере того, как разворачивалась грядущая война, этот необходимый оппортунизм и сопутствующая ему легкость в исполнении задач порождали трения. Определенному типу солдат и морской пехоте было некомфортно, что, вероятно, было неизбежно. Морская пехота, естественно, с подозрением относится к «свободному оружию». Их воспитывали в духе того, что «развязанности» не место на борту кораблей Ее Величества. Возможно, этим отчасти объясняется их глубоко укоренившаяся дисциплина, терпение и феноменальная стойкость. В отличие от них, наши постоянные, срочные перестановки, чтобы выйти из догм и заняться поисками других способов внести свой вклад, должно быть, вызывали у некоторых из них глубокое беспокойство, слишком легко воспринимаемое как самозабвенная недисциплинированность. По иронии судьбы, это не беспокоило ВМС - ту самую службу, которая на протяжении сотен лет прикладывала руку к формированию морской пехоты. Флот просто принимал нас такими, какими мы были, особенно это касалось подводников. Им, похоже, было вполне комфортно с ответственными «частниками» рядом, помогающими общим усилиям.

Все это возможно. Однако, мы так и не узнали, что конкретно беспокоило командира учебного центра в Найроби. Он не был подводником; и уж точно не имел ни малейшего представления о спецназе. Но он знал, что мы ему не нравимся; возможно, это был конкретно я. Однажды я спросил, хорошо ли он себя чувствует, не сходит ли с ума, не слишком ли долго находится на «солнце». Это произошло в тот памятный случай, когда он бросился ко мне через стол, схватившись за голову, и прорывал, что это проблема армии: «неповиновение», а затем стал объяснять, что мы все должны быть больше похожи на Императорскую японскую армию 1930-1940-х годов, «послушную до последнего приказа». Что ж, обычный японский имперский солдат мог быть страшно храбрым, но я не хотел, чтобы меня причисляли к их командному духу, и вежливо сказал ему об этом. Кроме того, мне не было известно, что я не выполнил ни одного его банзай-приказа.

Возможно, он не был в восторге от относительно недавнего интереса британской армии к «управлению операциями», которое подразумевало не то, как выполнить задание, а то, чего нужно достичь, оставляя их самих решать, как это сделать, используя имеющиеся возможности. Это основывалось на том, что война нечистоплотна, что все редко идет по плану, и в конечном итоге все зависит от отдельных лиц и групп на местах, проявляющих собственную инициативу для решения вопросов. По сути, «управление операциями», или *Auftragstaktik* (эта техника была центральной в немецком способе ведения войны с XIX века), стремилось поощрить инициативу как организационный подход к «хаосу», целенаправленно используя его для достижения высоких целей. Метод требует, чтобы люди были готовы принять на себя ответственность, даже стремились к ней, при необходимости разбирались сами и всегда шли к общей цели. В ближайшие месяцы будет много *Auftragstaktik*.

Во время первого эфира 19-го марта мы, как и большинство других людей, не очень понимали значение высадки аргентинских сброщиков металлолома на Южную Георгию без лицензии. В какой-то степени дипломатические тонкости и юридические последствия прошли мимо нас. Все это выглядело как пустяк. Мы не придали этому значения, обратив внимание на приближающийся тур по борьбе с терроризмом. Вторжение на Фолкленды 2-го апреля было совсем другим делом. Это действительно сильно поразило. Вместе с большей частью страны мы были потрясены кадрами, пришедшими из Стэнли. Вид бойцов Королевской морской пехоты, лежащих на земле, над которыми возвышались те, кого мы приняли за аргентинский спецназ, был почти невыносим. Мы не могли не заметить, что у аргентинцев было какое-то удобное на вид снаряжение. Но, несмотря на беспристрастный профессиональный интерес, самой сильной реакцией было возмущение. Может быть, у нас и не все гладко, но это было уже слишком.

Вернувшись в Херефорд, Ян Крук, или «Жулик», офицер оперативного отдела полка, и я стояли под моросящим дождем, обсуждая ситуацию и наше возможное место во всем этом. Мы и не думали уходить в тепло. У нас были мысли только о том, как мы можем внести свой вклад в отпор, который обязательно нужно дать. Командир делал все, что мог, но до

нашей базы в Херефорде доходило мало указаний. Что же делать? Сидеть сложа руки не представлялось правильным. Поэтому мы начали делать то, что любой человек, находящийся в оперативной готовности, сделал бы в критической ситуации. Мы начали доставать нужные карты и аэрофотоснимки, сортировать снаряжение и заполнять все пробелы в нашем боевом порядке (ORBAT).⁵ Это включало возвращение Дэнни Уэста в эскадрон. Многие члены эскадрона D находились в отставке - обычная ситуация, например, в резерве, или в НАТО, или на длительных карьерных курсах. Все они хотели вернуться. Несколько человек получили место, и мы довели наши четыре отряда до полной численности. Но, если я имел к этому какое-то отношение, Дэнни всегда приходил в качестве второго командира эскадрона, чтобы подменить меня, если это станет необходимым.

Дэнни был мудрым, здравомыслящим, очень сообразительным, серьезным и опытным офицером SAS. Он родился и вырос в Глазго, начал свою карьеру в SAS, служа в 264-м сигнальном эскадроне, а затем был переведен в эскадрон D, где проявил себя как первоклассный арабист. Он владел не только арабским языком, но и местным диалектом Дофар. Именно там я впервые встретил его, восемь лет назад в Дофаре, самой южной провинции Омана, граничащей с Йеменом. Мы вели там войну против коммунистических повстанцев. Операция «STORM» была вкладом SAS в то, что стало считаться образцом борьбы с повстанцами. Наша роль заключалась в работе с иррегулярными силами султана. Многие из них ранее сражались на стороне противника. Сдавшийся вражеский персонал, мы знали их как «фиркуат», каждая группа базировалась в своем племенном районе. Мы хорошо ладили, SAS и «фиркуат», разделяя глубоко укоренившиеся черты характера. Они были жесткими, храбрыми, независимо мыслящими, иногда с ними было трудно обращаться, но они были верны нам и абсолютно преданны султану, которого все мы считали «боссом».

⁵ Произносится как «or bat» и означает иерархическую организацию, командную структуру, численность, расположение личного состава и оснащение частей и соединений вооруженных сил.

Дэнни всегда знал, как извлечь максимум пользы из своих «фиркуат». Он восхищался благородством их духа. Они отвечали ему взаимностью, уважая его за открытость, честность и очевидную преданность им. Он разряжал любую ситуацию с помощью мудрости и хорошего юмора. Я чувствовал, что мы можем ввязаться в еще одну тяжелую битву, которая может стать ужасной. Многие обладали необходимыми боевыми навыками, но у Дэнни было нечто большее. У него было то духовное дополнение, которое показывает разницу: отлаженный моральный компас. Кроме того, они с Лоуренсом были близки, мы трое были друзьями. Добавьте сюда еще двоих друзей: Грэма Коллинза, который заботился о нашем материально-техническом обеспечении, Джорди Вудса, который занимался связью, и «головное звено» эскадрона было очень надежным.

Тем временем «Жулик» тоже занимался своими делами. Насколько нам было известно, он взял на себя обязанность организовать наше раннее выдвижение к острову Вознесения, очевидному перевалочному пункту на полпути через Атлантику. Майк Роуз, наш командир, еще не определил нам конкретную роль, проводя большую часть времени в дороге, объезжая такие места, как Плимут, посещая 3 бригаду коммандос⁶, чтобы не упустить нас из виду при формировании оперативной группы. Но всем было очевидно, что если будет война, то SAS должны быть там, чтобы служить в качестве «множителей силы», как американцы из НАТО тогда любили называть спецназ. Это было полезное выражение, вполне подходящий способ рассматривать наше место в крупных операциях. Это означало, что от «поддерживаемых» регулярных войск ожидалось, что они будут выигрывать войны, не заканчивающиеся тотальным ядерным конфликтом, но разумное использование «поддерживающих» сил спецназначения может помочь. Мы понимали и полностью принимали смысл того, что наша функция заключалась в дополнении, расширении возможностей других.

⁶ Прим. перев. - 3 бригада специального назначения (англ. 3 Commando Brigade) — воинское формирование специального назначения Королевской морской пехоты Великобритании.

Таким образом, Ян, вероятно, был скорее прав, чем виноват, что выдернул нас как можно скорее. Ибо, каким бы ни был конечный план более высокого уровня, он, несомненно, должен был включать в себя какую-то форму передовых сил спецназа. Кроме того, по мере развертывания кампании должны были появиться и другие вещи, выявляющие «пробелы» в охвате регулярных войск. Непосредственный приоритет казался ясным: продвинуться как можно дальше вперед, как можно скорее, чтобы помочь подготовить путь.

Тем не менее, меньшая поспешность могла бы привести к тому, что война для эскадрона сложилась бы по-другому. Эскадрон G был официально введен в строй вскоре после нашего отъезда, после более взвешенного, исчерпывающего процесса формирования и планирования сил, чем наш. G регулярно тренировались в Норвегии в течение зимних месяцев, их роль в НАТО приводила их в эти северные регионы вместе с Королевской морской пехотой. Они были экспертами по Арктике, горному холодному климату и были знакомы с работой 3 бригады коммандос. Эскадрон D был ориентирован на Средиземноморье, на южный фланг НАТО, и это было совершенно другое направление.

D, возможно, придется справляться с горами и холодной погодой. И у нас были наши эксперты по горам, среди которых Лофти Арти, недавно вернувшийся из успешного путешествия на Эверест. Были и другие, в том числе выпускники знаменитого немецкого курса горных гидов. В целом, из всех имеющихся эскадронов SAS, G, вероятно, был лучше подготовлен, чем D, к предстоящим испытаниям в непосредственной близости от Антарктики. Но судьба может распорядиться по своему усмотрению, что и произошло с нами.

Мне удалось поймать Майка Роуза перед нашим отъездом, за мгновение до того, как автобусы должны были отправиться на базу BBC Бриз Нортон. Он был в своем кабинете, разговаривал по телефону. Дела у нас не могли идти хорошо, совсем нет. Что-то происходило, что-то, что его взволновало. В конце концов, он закончил разговор. Это была его жена Анжела; речь шла об офицерской столовой. Вскоре он ввел меня в курс дела, рассказав о дизайнере интерьера из непонятного центрального департамента общественных работ, который настаивал на

«неподходящем ковре» для этого места. Он и Анжела были правы. Ковер, в конце концов, появился в здании, и оказался поистине ужасным, с аляповатым, пестрым узором, призванный скрыть следы интенсивного пешеходного движения, что он и делал с ужасающей эффективностью. Он был положен во время войны, потому что, когда определенные организационные механизмы приходят в движение, их уже не остановить. Он оставался там во всей своей захватывающей, визуальной силе в течение многих, многих лет; пока 22 полк SAS не переехал на другой конец города, оставив его позади.

В конце концов, мне удалось вклиниться, объяснив, что мне пора, если мы хотим успеть вылететь из Бриза на остров Вознесения.

- О, да. Конечно, идите. - Я дошел до двери, но не далеко.

- Подождите. Я лучше расскажу вам, что делать, на что обратить внимание.

Это было не так просто, как может показаться, поскольку, как мне было известно, не существовало разработанных или отрепетированных планов более высокого уровня на этот случай. Крупномасштабное национальное планирование на случай непредвиденных обстоятельств было сосредоточено на НАТО, поддержании открытых североатлантических линий связи и борьбе вместе с союзниками на Центральном фронте. Наша подготовка трех служб отражала эту давнюю стратегическую позицию. Предстоящая кампания должна была подвергнуть серьезному давлению наши оборонные предположения: сухопутная армия была оптимизирована для континентальной, бронетанковой войны, флот - для поддержания открытых морских путей в Северной Атлантике, ВВС - для операций с укрепленных, стационарных баз, и все мы находились в непосредственной близости от национальных линий снабжения. Вместо этого на всех уровнях три службы будут бороться с неопределенностью, связанной с проецированием сил на 8000 миль вниз по Атлантике, через суровую южную зиму, только для того, чтобы начать атаку с моря на противника на суше, находящегося на полностью подготовленных позициях.

Если бы все это не было достаточно сложным, у нас также практически не сохранилось информации о крупных десантных операциях, которую можно было бы использовать. То, что когда-то было известно, поблекло, было утеряно или забыто. Но мы все держались за одну уверенность: необходимость продемонстрировать национальную решимость. В тот момент мы, возможно, не были полностью готовы физически или концептуально, но моральный дух был именно там, где нужно. Мы бешено рвались в бой. Да, я осознавал важность момента, был заинтригован и взволнован тем, что может произойти. Действительно было ощущение истории, предчувствие того, что мы стоим на пороге важных событий.

- Есть блокнот?

- Ага.

- А карандаш? - Я кивнул.

Он начал с «Прямых действий». Я даже записал.

Так получилось, что это была первая из трех наших общих ролей. Эти слова написаны в верхней части первого слайда диафильма, который показывают для объяснения роли 22 полка SAS посетителям. Они касались спектра деструктивной деятельности, которой может заниматься полк: саботаж, подрыв, налеты и тому подобное. Ниже шла «Информационная отчетность», уже наоборот: скрытое наблюдение, разведка и тому подобное. Конечно, я это знал. Я не стал записывать. Что дальше?

Я знал, что третья, стандартная роль будет сложной, поскольку она предполагала операции с местными и иррегулярными силами, партизанами, подобную работу мы проводили в Дофаре с «фиркуат». На наших южноатлантических территориях, где жили целых три тысячи выносливых людей, находящихся под оккупацией, и бесчисленная армия пингвинов, которым было все равно на наши дела и в основном уходящими на зиму в море, таких возможностей было не так много, если они вообще были. Но Майка было не остановить. Мой карандаш застыл в напряженном ожидании. На этот раз, это должен быть тот самый,

уникальный, определяющий «множитель силы». Вклад, за который нас запомнят, возможно, прославят. Перед тем, как это произошло, возникло микроскопическая заминка:

- Специализированная помощь в амфибийных операциях! - произнесено с пышным торжеством и широкой ухмылкой «попадания в точку».

Я затолкал поглубже все мысли о ковре в офицерской столовой. Эскадрон руководствовался «управлением операциями» в чистом виде. И с этим эскадрон отправился на войну. Кто может просить о большем?

Девятичасовой полет до острова Вознесения на самолете VC10 прошел без происшествий, это дало время подвести итоги. Мы были в полном составе, в основном здоровы, за исключением случайных травм, полученных в Кении. Отсутствие оперативной ясности не вызывало особого беспокойства. Это были первые дни. У нас было достаточно дел, чтобы начать действовать. Что-нибудь да найдется. Командир работал над этим на своем уровне. А мы должны были искать возможности на своем уровне. Мы получили практически свободный доступ к оружию и снаряжению: все привычное и знакомое оружие и снаряжение, а также горстка того, что не было ранее, включая ПТРК MILAN. Я записал, чтобы мы нашли время потренироваться с плохо знакомым вооружением, желательно на острове Вознесения, перед отправкой. Помимо нашего собственного снаряжения и боеприпасов, наши американские друзья из спецназа, среди которых особо выделялся отважный Баки Буррусс, уже предоставили кое-что самое современное, в частности, четыре или пять тактических спутниковых радиостанций (TACSAT).

Для нас UHF TACSAT был чем-то удивительным, но не для BMC, они скорее забеспокоились, когда узнали, что у нас он есть. Они знали, как легко можно засечь UHF-комплекты при передаче. И они также понимали, что это может помешать корабельному оружию и сенсорным системам. Неудивительно, что они поставили разумные условия для его использования. TACSAT позволяла нам общаться в режиме реального времени на расстоянии тысяч миль, причем разговор велся по мере того, как человек говорил. Это был почти непостижимый прогресс по сравнению с нашей стандартной патрульной связью, которая полагалась

на автономное шифрование сообщений, передаваемых по HF-связи с использованием ручного ключа Морзе. Нам пришлось бы продолжать использовать HF-связь до конца войны, поскольку у нас было слишком мало TACSAT для других, кроме основных командных узлов. Но это предвещало будущее.

Возможность передавать речь из одной точки земного шара в другую с помощью портативного устройства стала настолько обыденной, что вызывает лишь раздражение, когда прием может прерваться. В те времена нам пришлось научиться использовать эту разработку с предельной осторожностью, чтобы, например, не обойти формальную систему командования ВМС, которую мы могли легко опередить. Бывали моменты, когда Херефорд и наш штаб в Лондоне узнавали о потере корабля за много часов до самого главнокомандующего флотом. Часто мы сидели на такой информации. Аналогичным образом, это позволяло высшему командованию напрямую обращаться к подчиненным, что грозило ослаблением инициативы на более низких уровнях. Мы научились уменьшать и эти риски.

В течение войны я старался быть недоступным для многих рутинных вызовов TACSAT. Командующий, большую часть времени находившийся на HMS *Fearless*, и оперативный офицер в Херефорде все равно сами вели большую часть переговоров. Они обсуждали вопросы, представляющие значительный интерес, но не имеющие прямого отношения к нам. Поскольку мне предстояло сойти на берег в тылу врага и, возможно, попасть в плен, я решил, что чем меньше я буду знать, тем лучше. Трудно раскрыть то, чего не знаешь. Не думаю, что они замечали мое отсутствие. Они никогда не упоминали об этом.

Мы предполагали, что американцы должны были прослушивать наши конференции TACSAT. Доступ к трафику спецназа мог дать представление о мышлении и деятельности Великобритании на уровне кампании. Мы делали все возможное, чтобы защитить наши разговоры, маскируя их завуалированной речью. По мере развития войны и все более открытой поддержки со стороны США мы становились соответственно менее обеспокоенными, но никогда не теряли бдительности.

Когда мы вылетали на остров Вознесения, по бортовой громкоговорящей связи самолета раздался голос канадца, капитана VC10. Он пожелал нам всем добра, успехов и благополучного возвращения. Это был удивительно трогательный момент. Он дал нам понять, что мы не одни. Все хорошие люди должны быть с нами. Была совершена ужасная вещь, и ее необходимо исправить. Эта уверенность несколько ослаблялась по мере того, как Соединенные Штаты предпринимали свои дипломатические усилия. Некоторые ошибочно усматривали параллели с Суэцем, когда США по понятным причинам выступили против нас. Но мы все знали, что все должно быть по-другому, что причина совершенно благородная. Администрация президента Рональда Рейгана, вероятно, должна была убедиться, что США исчерпали все возможности, прежде чем открыто поддержать применение нами силы.

В конце концов, из арсенала США стали поступать всевозможные полезные вещи, некоторые из которых были доставлены нам через Херефорд благодаря нашим близким и дорогим друзьям из спецназа. Это было одобрено на высшем уровне самим министром обороны, Каспаром Уайнбергером. Год или более спустя у меня была возможность проинформировать его о нашем опыте. В то время вооруженные силы США приступили к реализации всеобъемлющей программы «возрождения» - их термин. Это включало и Силы специальных операций, и они были заинтересованы в изучении нашего опыта. Я воспользовался случаем, чтобы поблагодарить его в конце брифинга. Он одарил меня одной из своих лукавых, слегка застенчивых улыбок, не придавая этому значения. Он был настоящим джентльменом, верным другом Соединенного Королевства.

2. Выдвижение вперед

Остров Вознесения был жарким, солнечным и ярким до рези в глазах. В нем ощущалось присутствие воды. Тяжелую тишину разбавлял слабый шепот ровного, нежного бриза, отягощенного теплой влажностью окружающего синего океана. Сквозь знойную дымку по мерцающей взлетно-посадочной полосе аэродрома изредка проносился приглушенный звук автомобиля или аэродромной техники. Мало что двигалось. Это было не совсем то, чего мы ожидали, но тогда мы и не знали, чего ожидать. «Жулик» сказал нам, что мы должны добраться до острова, чтобы дожидаться военно-морского корабля типа *RFA Fort Austin* и подняться на его борт. Вскоре мы научились ценить Королевский вспомогательный флот и его корабли. Они делали все возможным тем самым негласным способом, который присущ лучшим логистическим организациям. Они были незаменимы, казалось, всегда оказывались в нужном месте в нужное время, оказывая жизненно важную поддержку: топливо, продовольствие, боеприпасы; то, без чего все дело могло бы встать.

Нас с Дэнни направили к ангару, расположенному сбоку от ВПП. Там мы обнаружили лейтенант-коммандера Королевского флота, сидящего за важнейшим элементом британского военного экспедиционного оборудования - шестифутовым разборным столом. Он выглядел так, словно в любой момент может рухнуть, несмотря на то, что на нем помещалось не более чем почти пустой поднос с парой листов бумаги, придавленных куском местного лавового камня. Это был он, самый передовой элемент нашего военного ответа на подлый акт агрессии Аргентины, самое острие наших сил возмездия, выходящих из Великобритании: складной стол, установленный так, чтобы на него попадало солнце, но не слишком много, и обдувал ветерок, но не самый сильный.

Мы объяснились с невозмутимым, приветливым морским офицером, который, очевидно, регистрировал прибывающих и убывающих людей, вручную, пером и чернилами в журнале. Мы упомянули, что нам нужно попасть на судно *RFA Fort Austin*. Он терпеливо и снисходительно выслушал нас, видя, что мы пытаемся разобраться в незнакомом

вопросе. Он объяснил, что *Fort Austin* находится в море, по его мнению, на расстоянии нескольких дней пути, а затем рассказал о капканах для добычи пушнины. Нет, судно точно не было в гавани. На острове Вознесения нет гавани. Это, похоже, заставило его вернуться к теме капканов. Мы с Дэнни напряглись и долго не могли понять, в чем дело. Он заметил это и предложил, что, возможно, нам лучше пойти и найти место для ночлега, а потом время от времени заглядывать сюда за новостями. Почему бы нам не попробовать место под названием «Две лодки»?

- Вон там, - ответил он, указывая на крутой зеленый холм, выступающий из бурого ландшафта и мерцающий на жаре, - Там школа, возможно, еще пустая. Вы первые, кому я о ней упомянул.

Это прозвучало как хороший совет. Мы его приняли. Когда мы отъезжали, я спросил Дэнни о капканах для добычи пушнины.

- Без понятия, - признался он, - Не хотел спрашивать.

Мы узнали, что VERTREP означает «вертикальное пополнение запасов», на военно-морском жаргоне, сокращенное обозначение для переброски людей и имущества с одного корабля на другой или в другое место с помощью вертолета. В течение следующих недель мы освоили этот метод очень хорошо, так как мы грузились и высаживались с семи кораблей в общей сложности, и всегда вертолетом.

«Две лодки» оказалось удачным местом. Там действительно была пустая школа. Мы устроились. Грэм воспользовался возможностью разобраться с нашими пятнадцатью тоннами припасов. Могло быть и больше - так казалось, и уж точно не меньше. Наш подход к логистике был основателен. Прежде всего, мы стремились к самодостаточности, держали при себе специализированное оборудование и запасы материальных средств и боеприпасов, куда бы мы ни направлялись. Грэм намеревался управлять всем централизованно, за исключением личных вещей, включая стрелковое оружие. При необходимости каждому человеку будет выдаваться именно то, что ему необходимо для той или иной миссии. В противном случае мы будем выкраивать

расходные материалы общего назначения у тех, кто будет принимать нас в тот или иной момент.

Насколько мне известно, мы не получали никаких исчерпывающих инструкций относительно пополнения запасов, обращения с боеприпасами на борту корабля и контроля за ними; но по сути наша автономия сработала, хотя и потребовала поистине героических усилий со стороны Грэма и его помощников. Во время операции, с учетом количества перебросок между кораблями, они должны были поднять оборудование и запасы, равные 150 тоннам. Многие из этого было упаковано в плетеные корзины больших размеров. Все предметы поднимались на вертолеты и спускались с них, входили и выходили из недр кораблей, проходили по узким коридорам, через люки, без использования механического оборудования, облегчающего задачу. Сюда входили лодки, подвесные моторы, каноэ, горное снаряжение, ПТРК, ракеты ПВО, боеприпасы для минометов - все, что могло понадобиться эскадрону. Грэм предусмотрел все возможные варианты. Мы ни в чем не нуждались благодаря его дарам.

Единственное, что мы регулярно брали с кораблей, это свежие продукты, табак, ореховые батончики и тому подобные галантерейные товары, включая пиво. Слава богу, мы не воевали всухомятку, а пиво творило чудеса с боевым духом и в какой-то момент, возможно, спасло мне жизнь.

Пока Грэм разбирался с нашим материально-техническим обеспечением, остальные проверяли личное снаряжение. Мы устроили полигон для пристрелки оружия, пользуясь возможностью познакомиться с ПТРК MILAN, а также другим недавно приобретенным оружием и предметами. Мне никогда не нравилась стандартная самозарядная винтовка (SLR), которая казалась мне большой и громоздкой, а ее боеприпасы - тяжелыми. Из нее можно было стрелять только одиночными: одно нажатие на спусковой крючок - один выстрел. Я предпочитал что-то более легкое в обращении, с более эффективными по весу боеприпасами, оружие, из которого можно было бы вести автоматический огонь в ограниченном пространстве. Американская M16 была бы идеальным вариантом. У нас их не было, но у нас было

несколько ранних моделей, AR15 Armalites времен противостояния на Борнео 1960-х годов. Мне удалось раздобыть себе одну. Она вроде бы работала, но, почистив ее после пробной стрельбы, я обнаружил, что за десятилетия большая часть нарезов была стерта, и в первой трети ствола почти ничего не осталось. Но это неважно, на расстоянии ста ярдов она посылала пивные банки в полет. Кроме того, если я все делал правильно, мне не нужно было стрелять. Моя работа заключалась в том, чтобы довести бойцов до точки соприкосновения, чтобы они занимались своей работой. Если бы мне пришлось стрелять, мы бы попали в беду, дальность стрельбы была бы небольшой, а мой ствол не имел бы никакого значения для результата.

Через несколько дней появился RFA *Fort Austin*. Как всегда услужливый морской офицер, у которого к тому времени было уже два шестифутовых стола, организовал необходимую «добычу пушнины». И вскоре все мы были на борту, почти сразу же отправившись на RAS⁷ (Resupply At Sea) - ледовый патрульный корабль HMS *Endurance* в тот момент приближался к острову Вознесения с юга, успешно уклонившись от аргентинских войск у Южной Георгии.

В то время *Fort Austin* был флагманом Королевского вспомогательного флота, и это проявлялось в его красивых пропорциях и безупречном внешнем виде. Его командир коммодор Сэм Данлоп и его команда оказали нам самый радушный прием, а еда стала настоящим праздником после вполне приличных и удобоваримых стараний Грэма в «Двух лодках». Мы воспользовались возможностью разобраться со снаряжением, успев протестировать наши лодки с пугающими результатами. Подвесные моторы оказались нестабильными. 16-му отряду даже удалось совершить несколько прыжков с парашютом в свободном падении, я надеюсь, не только для того, чтобы вписать «Южную Атлантику» в свои книжки, но и для подготовки к войне. Мы все

⁷ Как часть флотского жаргона, RAS, по-видимому, имел широкий смысл и относился к любой форме приобретения, санкционированной или иной. Например, наш услужливый морской офицер мог «родить» (RASed) свои шестифутовые столы, позаимствовав их у RAF (Royal Air Force), у которых, казалось, их всегда было много.

занимались фитнесом, пробегая мили по палубам *Fort Austin*. Физические упражнения (ФУ) станут проблемой по мере продолжения войны, поскольку палубное пространство на военном корабле было ограничено, да и вообще пространства было крайне мало. Дальше на юг моря делали палубы небезопасными. А в непосредственной близости от противника нам нужно было держаться подальше, чтобы флот мог вести боевые действия на кораблях. В тропиках, на борту *Fort Austin*, таких сложностей не было, за исключением одной вещи.

Мы находились на борту уже несколько дней, совершая спокойный, комфортный переход на юг по ласковым водам средней Атлантики, наслаждаясь солнцем, когда Сэм Данлоп позвал меня к себе в каюту. Меня провели в восхитительно просторную и освещенную солнцем комнату. Теплый, влажный тропический воздух проникал внутрь через открытые окна большого размера. Со вкусом подобранные ситцевые свободные покрывала и подходящие шторы дополняли лакированный блеск деревянной отделки, создавая ощущение спокойной, комфортной изысканности. Он предложил мне чашку чая и пригласил сесть в кресло. Я согласился, опустившись в удивительно глубокое кресло, каким-то образом умудрившись не пролить чай вместе с печеньем, лежащим в блюде. «Я перейду прямо к делу», - сказал он с обезоруживающим блеском в глазах, - «Не стесняйтесь, конечно, упражняться на палубе, но не могли бы вы попросить своих людей прикрыться, надевать майки или что-нибудь еще в дополнение к ботинкам и шортам?» Должно быть, я выглядел немного озадаченным, поэтому он поспешил объяснять. «Это беспокоит экипаж. Ну, некоторых из них». Теперь я впал в ступор. «Кое-кто возбудился», - добавил он, - «это вызвало конфликты и много расстройств». Все стало ясно. Я сразу же нашел Лоуренса.

Мы с нетерпением ждали нашего корабля *HMS Endurance*. Он и его воинственный командир, капитан Ник Баркер, завоевали неплохую репутацию. Получив приказ оказать демонстративное сопротивление вторгшимся аргентинцам, его небольшой отряд королевской морской пехоты сумел повредить вражеский фрегат и сбить вертолет. Неплохие результаты для исследовательского судна с красным корпусом, которое, должно быть, отправилось из Великобритании в Антарктику, не ожидая вступить в войну. Он и его команда служили ярким примером для всех

нас и, возможно, тревожным предвестником для нашего врага. Мы надеялись приумножить его достижения, но пока не получали известий о том, что нам предстоит выполнить какое-либо задание.

Ответ пришел довольно скоро. Мы узнали, что оперативная группа военных кораблей с бригадой морской пехоты и небольшой группой SBS была направлена для захвата Южной Георгии. На мгновение нам пришла в голову мысль, что это не основные усилия.⁸ Однако, после дальнейших размышлений, политический смысл заключался в том, чтобы продемонстрировать решимость с помощью быстрого, элегантного ответа. Своевременный успех должен был помочь нашей дипломатии. Но стратегия принадлежала другим, а не нам, чтобы терять сон из-за нее, хотя всегда полезно иметь надежную цель, к которой можно двигаться. Мы просто жаждали драки, искали возможность нанести ответный удар - и, да, доказать свою правоту. Мы были молоды, здоровы и полны сил и бодрости. Если верховное командование хотело вернуть Южную Георгию, нам этого было более чем достаточно.

Я получил инструкции усилить оперативную группу горным отрядом. Они должны были подняться на борт *Endurance*. Он тоже должен был присоединиться к группе, чтобы поделиться своим опытом, и повернуть на юг, как только закончит RAS. К разочарованию, для остальных из нас ничего не было. Мы должны были оставаться на *Fort Austin*.

Я отреагировал плохо. Мы знали, что был мобилизован эскадрон G. Они все еще находились в Великобритании в пределах досягаемости планировщиков государственного уровня и уровня кампании; в силу этого, они, вероятно, были в состоянии удовлетворить потребности в качестве разведки передовых сил по мере того, как они появлялись в ходе планирования. Это должно было оставить эскадрон D для других задач, прямых действий, рейдов и тому подобного. Мы могли бы действовать в составе эскадрона. Такое разделение обязанностей в

⁸ Основное усилие имеет конкретное военное значение, относящееся к физическим элементам или действию (действиям), которые считаются наиболее важными для общего успеха миссии. Как таковые, они должны получать необходимые ресурсы по мере необходимости. Его обозначение концентрирует усилия.

конце концов появилось, возможно, не столько по плану, сколько в результате нашего быстрого отъезда. Но так или иначе, в тот момент не казалось хорошей идеей разбивать эскадрон на слишком много RFA, боевых кораблей и оперативных групп, любая из которых могла уйти в другую часть этого огромного океана.

Пока все только зарождалось, я чувствовал, что, насколько это возможно, эскадрон должен оставаться единым, готовым к выполнению задач более высокого уровня, которые в конечном итоге должны были спуститься к нам и, вероятно, в больших масштабах. И я начал беспокоиться о самом *Fort Austin*: корабле с боеприпасами, который, по слухам, перевозил ядерные боеприпасы. Он не был похож на то судно, которое ВМФ будет продвигать далеко вперед, а ведь дальше вперед - это то место, куда мы должны стремиться, это наша естественная среда обитания.⁹ Все начинало казаться беспорядочным. Непосредственным приоритетом должна была стать целостность подразделения, возвращение к совместной работе. Что дальше? Откровенно говоря, переброска к Южной Георгии сулила соблазнительную перспективу скорых действий, но в конечном итоге мы должны были добраться до базы или тесной группы кораблей, способных доставить нас всех в район основных действий. Плавание в тропиках в середине цепи снабжения с разбросанным эскадром не казалось правильным, с какой стороны ни посмотреть.

Через четыре дня плавания мы встретились с *HMS Endurance*. Он проводил RAS, пока мы «переправляли» 19 (горный) отряд, как было приказано. Вскоре, покачиваясь и подпрыгивая, ярко-красный *Endurance* повернул обратно на юг и вскоре скрылся с наших тоскливых глаз вместе с четвертью моих боевых сил, большинство из которых должны были

⁹ Я не мог ошибиться, он действительно шел вперед, прямо в оперативный район Сан-Карлос в разгар аргентинских воздушных налетов (21-25 мая), неся несколько сотен тонн боеприпасов. Сэма Данлопа цитируют, когда он сказал одному из своих младших офицеров во время особенно сильного налета: «Вам не нужно беспокоиться о том, что вы пойдёте ко дну с этим кораблём, вы сможете только взлететь».

чувствовать себя явно неважно после спокойного, величавого продвижения *Fort Austin*.

Мои опасения усилились. Мы с Дэнни все обсудили. Кроме развертывания 19-го отряда, из Херефорда не пришло ничего серьезного для остальных. Казалось, что настал момент начать определять нашу собственную судьбу. На следующий день RFA должен был забрать остатки оперативной группы Южной Георгии. Это давало нам возможность принять на борт остальную часть эскадрона. Это должно было не только улучшить нашу способность реагировать на последующие задания, снова собраться вместе, но и еще больше укрепить экспедицию на Южную Георгию, повысить ее боеспособность, что, несомненно, было бы очень приятно.

Существовала вероятность того, что дело в Южной Георгии может затянуться, что поставит под угрозу нашу готовность к другой работе, как я предполагал. Это казалось маловероятным, поскольку вся основа операции «Paraquet», как она называлась, заключалась в том, чтобы быстро и сильно нанести удар по врагу там, где он был наиболее слаб. Люди искали быстрой победы. Риск казался приемлемым, и было правильно принять участие в операции. Мы попытаем счастья.

Убеждать нужно было двух человек: Капитана Брайана Янга, командующего HMS *Antrim*, и командира оперативной группы, майора Гая Шеридана, Королевская морская пехота, командира сухопутных сил. Очевидно, что у них обоих был приказ, включавший участие 19-го отряда. Это говорило о том, что планировщики где-то начали брать ситуацию в свои руки. Следовательно, это не было «само собой разумеющимся» - убедить оперативную группу взять остальных без явного указания вышестоящего руководства. И я не хотел усугублять наши проблемы, поощряя очередной раунд «сбора вишенки»,¹⁰ раздробляя эскадрон еще больше, чем он уже был. Это должны были быть все мы или никто больше. Сложно. Но оперативная группа должна была спешить. А у *Fort Austin* был приказ повернуть на север сразу после

¹⁰ англ. cherry picking, досл. «сбор вишенки», или, в данной ситуации, избирательный подход, выбор самых подходящих, игнорируя остальных. - прим. перев.

RAS. Никто не захочет тратить время на путаницу. Если я смогу правильно подать предложение, Янг и Шеридан могут просто проявить инициативу и принять его, закрыв глаза на нельсоновский вопрос об утверждениях, протоколах и прочем. При всей неопределенности, должен был быть реальный шанс выйти сухим из воды. Я должен был быть полностью убедителен, казаться более осведомленным о ситуации, чем это было на самом деле, иметь полномочия отправить эскадрон и поступить со своим командованием так, как сочту нужным.

Вопрос о полномочиях полка должен был быть более или менее решен, учитывая инструкции, которые я получил в офисе командира, и дух, в котором они были даны. С тех пор мы не получали ничего более конкретного, за исключением инструкции для горного отряда; я также не чувствовал сильного желания добиваться большей ясности. На протяжении всей войны я редко это делал. У меня было достаточно указаний. В данном случае указание оперативного офицера погрузиться на борт *Fort Austin* звучало как целесообразность; не было никаких указаний на то, зачем, кроме продвижения вперед, и на какой срок. Когда нужно было использовать мимолетный шанс, у «Жулика» была голова; он понял бы наш шаг, несомненно, поддержал бы его, если бы потребовалось согласовать его с командиром. И я знал, что, если у Майка не будет для нас ничего, он будет ожидать, что мы сами найдем себе работу: Южная Георгия должна подойти для начала.

В итоге, выступление перед оперативной группой прошло легче, чем ожидалось. Брайан Янг был очень порядочным, скромным человеком, спокойным по натуре. Гай Шеридан был таким же практичным, взвешенным и вдумчивым. В них обоих чувствовалась уравновешенная надежность. Казалось, что управление находится в надежных руках. Они позволили мне выступить со своим предложением. Я действовал нагло, как мы с Дэнни репетировали предыдущим вечером, намереваясь взять и удержать инициативу, сделать предложение, от которого они действительно не должны были отказаться. Я начал с того, что обратился к ним за помощью. Я попросил их рассказать мне, что они могут держать для нас, прежде чем я высажу эскадрон, потому что нельзя было ожидать, что я выделю все свое подразделение без полного на то основания. Помимо того, что я сначала напугал их, прежде чем

предложить им некоторую определенность, я надеялся, что они сделают из этого вывод, что у меня есть некоторые условные полномочия, даже инструкция, чтобы предоставить всю «энчиладу».¹¹ Похоже, это сработало, так как они оба, казалось, на мгновение растерялись и посмотрели друг на друга, не зная, как реагировать. Я пошел дальше, предлагая помочь им принять решение, рассказав о наших возможностях. Я изложил все в деталях: мы были в полном составе, только что после тренировок, с разнообразным оружием и навыками; у нас были люди, только что вернувшиеся с Эвереста, другие умели работать на малых судах и так далее. Мы могли вести разведку, возглавлять тайные нападения и выполнять множество других задач одновременно или последовательно. Все это было действительно в избытке.

Вскоре они были убеждены, увидев, что предлагается нечто очень полезное, что может повысить гибкость Оперативной группы. Но Янг, будучи человеком осторожным и тщательным, все же посоветовался с Нортвудом; как оказалось, убедительно, так как вскоре мы все были приглашены на борт. Я вернулся на *Fort Austin* с теплым, радужным чувством, что мы только что ввязались в операцию. Вскоре мы завершили VERTREP, большинство из нас отправились на флагманский корабль *HMS Antrim*, остальные - на *HMS Plymouth*, и все мы теперь выполняли общую миссию в одном и том же районе океана. Наше участие в операции, не имеющей аналогов, обернулось к лучшему, дополнительные войска оказались полезными, когда наступил решающий момент.

HMS Antrim был хорошим большим военным кораблем, чистокровным даже для наших необученных глаз. У него была двухорудийная башня там, где должна быть одна; блок ракет EXOCET; большая летная палуба с вертолетом; и множество других штук, навешанных на его многочисленные надстройки. Он просто выглядел и чувствовал себя частью Большого флота: мощный, внушительный, красивый, слегка имперский. Нам предстояло развить утонченное чувство к кораблям. Как

¹¹ whole enchilada – поговорка, означающая «целиком, все сразу», прим. перев.

только мы ступали на¹² один из них, мы каким-то образом узнавали: счастливый, не очень счастливый, приветливый, готовый к работе, эффективный, и тому подобное. Что касается морских возможностей и функций военно-морского подразделения, то они оставались для меня совершенно непонятными. Я никогда не был уверен в этих аспектах. Я рассматривал корабли скорее с точки зрения того, могут ли они поддерживать наши операции: есть ли на них пушки, насколько велика летная палуба и тому подобное.

HMS *Antrim* производил впечатление целеустремленного, надежного, высокопрофессионального, но в то же время дружелюбного и непринужденного судна. Он был построен в Говане судостроителями Верхнего Клайда двадцать или более лет назад: об этом свидетельствовала табличка над центральной лестницей. Оборудованная как потенциальный флагман, она располагала внушительными адмиральскими каютами. Поскольку адмирал не занимал их, капитан Янг предоставил помещение в распоряжение прибывших сил, а дневная каюта служила совместным оперативным залом, где мы вскоре расположились, чтобы приступить к планированию.

Мы с Гаем Шериданом были в одном звании: оба майоры. Я достаточно знал о Королевской морской пехоте, чтобы понимать, что они могут считать своих майоров эквивалентом армейских подполковников, аномалией, которую один или двое из них могут использовать время от времени, если это будет нужно. Гай никогда не упоминал об этом. Да ему и не нужно было. Он был назначенным командующим сухопутными войсками, а Брайан Янг - нашим боссом: обе эти вещи были неоспоримо ясны.

Никакой путаницы в субординации оперативной группы никогда не было. И в основном она функционировала так, как и должна, эффективно и корректно. Я пережил одну заметную неприятность - незначительный тактический инцидент, в котором не участвовали ни

¹² В Королевском военно-морском флоте говорят, что они находятся «на» кораблях, а не «в» них, живут и действуют как сообщество.

Гай, ни «босс». Для защиты от таких проблем, как неправильная постановка задач, неадекватная боевая поддержка и тому подобных трудностей, в те дни в полку существовала своя собственная дискретная система командования, позволявшая нам передавать любые вопросы вверх и вниз для решения, при необходимости привлекая вышестоящие инстанции. Эта возможность использовалась редко, предпочтение всегда отдавалось согласованным действиям в рамках поддерживаемых командных структур. Таким образом, в любой ситуации мы всегда старались позиционировать себя рядом с высшими уровнями оперативного командования. В данном случае я считал, что наши принципы были соблюдены: я находился рядом с общим командиром и его заместителем, а мои люди находились под командованием своих собственных офицеров. И Янг, и Шеридан все понимали и, похоже, были не против. И я убедился, что в эскадроне знают, на чем мы все остановились.

Я осознавал культурные различия, которые могли испортить отношения при работе бок о бок с регулярными войсками: наше явно непринужденное отношение к званиям и использование имен между собой были очевидными, внешними социальными проявлениями. Были и другие вещи, которые раздражали, в частности, «китайский парламент», который собирал людей на ранних этапах процесса оценки, чтобы убедиться, что ни одна важная мысль не осталась без внимания. Если у вас было предложение, идея, независимо от вашего звания, мы считали, что оно должно быть услышано. Парламент стремился использовать силу коллективной мудрости, одновременно защищаясь от шаблонных решений. Мы знали об опасностях «группового мышления»; парламент, состоящий из сильных личностей, способных к независимому мышлению, вряд ли совершит эту ошибку. Это могло выйти из-под контроля, и уж точно выглядело бы по-большевистски, если смотреть со стороны. Для оптимальной работы все участники процесса должны были проявлять определенную самодисциплину, а начальник должен был знать, когда свести все нити воедино и принять решение. Как только процесс был завершен, все должны были замолчать и приступить к выполнению принятого решения. Если Гай и находил это странным, он

никогда об этом не говорил, а капитану Янгу не довелось увидеть это в действии.

Более важными были наши соответствующие философские подходы к фактической операции. SAS, SBS и морская пехота были очень близки друг другу, а ВМС находились в другом месте, и любые различия были основаны не столько на контрасте дисциплин наших оперативных сред, сколько на соответствующих уровнях оперативного опыта на этой начальной стадии конфликта. ВМС уже некоторое время не участвовали в боевых действиях. Гай, его люди и мы сами так или иначе занимались этим некоторое время. Мы, безусловно, уважали врага на берегу, а ВМС, возможно, чуть меньше.

Полк почти непрерывно участвовал в операциях с 1950-х годов. Мы научились никогда не недооценивать человеческое стремление к насилию. Возможно, это сделало нас немного осторожными, склонными к осмотрительности. Мы были особенно осторожны, когда вступали в новые отношения с противником. С самого начала часто одна или другая сторона получала преимущество. Но по мере того, как противники узнавали друг друга, могла возникнуть динамика «пилы» или «скачка», когда один из противников вырывался вперед, а другой его обгонял, и так далее, по возрастающей траектории изоэнтальпии. Этот процесс продолжается до тех пор, пока один или другой не перестанет успевать.¹³ Мы испытали это в Дофаре, где оказались на высоте. А армия почувствовала это в Северной Ирландии, ИРА оказалась изобретательным противником.

Наши отношения с вооруженными силами Аргентины развивались полным ходом. Что касается операций в Южной Георгии, то все мы

¹³ Мой друг из американского спецназа Пит Шумейкер однажды продолжил эту тему, отметив, что она может получить дополнительный, часто напряженный, разочаровывающий поворот, когда политическое руководство совершенно справедливо стремится контролировать любую эскалацию, наложить ограничения на конфликт, особенно когда ситуация считается не угрожающей жизни на национальном уровне. Кажется, он называл это «достаточным». Он всегда отличался ясным мышлением и в конце концов возглавил Силы специальных операций США, а затем стал начальником штаба армии США.

знали о героическом выступлении лейтенанта Кита Миллса в Грютвикене (Карта 1). Он и его крошечный отряд морских пехотинцев нанесли существенный урон вторгшейся аргентинской оперативной группе.¹⁴ Были те, кто считал это подтверждением нашего врожденного превосходства; мы же, напротив, придерживались мнения, что аргентинцы, вероятно, извлекли бы из этого урок. Мы столкнулись с явным изменением роли. На этот раз захватом должна была заниматься оперативная группа Королевского флота, а обороной - противник. Оказавшись в неловком положении в ходе наступления, аргентинцы, несомненно, должны были понять, как оказать ответную услугу и даже больше.

Противник начал первый раунд с фрегата, более чем подходящего для *Endurance*, на борту которого было достаточно войск, чтобы перегрузить его морскую пехоту. Укрепились ли они после этого, зная, что мы вернемся, по крайней мере, с одним военным кораблем, а возможно, и больше? Как они собираются с этим бороться, если не могут превзойти нас в количестве кораблей? У флота должна быть идея, но в наших неосведомленных в этом деле умах всплыли мины, подводные лодки, боевые вертолеты и противокорабельные ракеты наземного базирования. На суше можно было ожидать оборонительные силы численностью от взвода до роты. Мы были уверены, что для выполнения столь важной, независимой и изолированной задачи британский командир, скорее всего, использует не менее чем роту. Нам было бы разумно действовать, исходя из предположения, что наш противник поступит так же, будет обороняться, по крайней мере, ротой, и что у него будут способы противодействия нашим военным кораблям и вертолетам.

¹⁴ Лейтенант Кит Миллс, Королевская морская пехота, был высажен с корабля HMS *Endurance* с приказом оказать символическое сопротивление аргентинскому вторжению в Южную Георгию. В течение двух часов он повредил корвет ARA *Guerrico*, который больше не принимал участия в войне, сбил вертолет Puma и вывел из строя нескольких бойцов из живой силы противника. В его группе был один раненый. Они были возвращены в Великобританию, а Миллс получил заслуженный Крест за выдающиеся заслуги в знак признания превосходного примера его и его людей.

Традиционная мудрость гласила, что атакующий должен иметь преимущество три к одному, чтобы обеспечить победу над противником в подготовленной обороне; если у них была рота, мы должны были атаковать группой из трех рот. У нас не было ничего, приближающегося к этой норме. У нас была одна рота Королевской морской пехоты, подходящий тип войск для драки накоротке, и эскадрон SAS, более подходящий для тайных операций, действующий небольшими группами против слабости, а не силы противника. Мы должны были найти способ обойти предполагаемый численный дефицит.

Очевидная недостаточность нас не слишком беспокоила; в конце концов, у нас было несколько мощных средств, чтобы переломить ситуацию в нашу пользу: два боевых корабля с пушками и три боевых вертолета для «начала». И в большинстве случаев боевой дух полка исходил из предполагаемого численного неравенства, превращая «малочисленность» в преимущество. Вместо масштаба мы стремились использовать другие факторы для получения преимущества, главными из которых были точность, внезапность и смелость. В нападении это означало поиск уязвимых мест противника, скрытное проникновение в них, а затем нанесение удара с подавляющим локальным, физическим и психологическим превосходством. Желательно, чтобы мы наносили удар с неожиданного направления, прежде чем цель успевала среагировать. Это был наш способ соотношения массы и скорости, когда небольшая масса умножается на высокую скорость, что еще больше подчеркивается точностью, энергичностью и быстротечностью применения. Это было главным в подходе полка с самого его основания, определенном нашим основателем Дэвидом Стирлингом и усовершенствованном с тех пор. Таким образом, численное превосходство было естественным, если это было то, с чем мы столкнулись. Нам просто нужно было знать, где, когда и как применить нашу смесь сил в достаточно неожиданном «высокоскоростном» и, возможно, неортодоксальном стиле.

Применение этого метода может занять время, поскольку почти всегда перед нанесением удара по цели необходимо собрать подробную информацию путем разведки. Это требует терпения. Для тех, кто придерживается позиции больших масс, все это может показаться утомительным и излишне осторожным. В данном случае и со временем

ВМС склонились в эту сторону, имея большие платформы, которые быстро перемещались и были достаточно велики, чтобы сломить сопротивление. Но в конечном итоге именно нам предстояло сойти на берег, чтобы сблизиться с противником. Мы придерживались наших предпочтительных методов действий, давая врагу преимущество в этом плане. ВМС приняли это.

Детальное планирование началось с тщательной оценки миссии, изложенной в директиве штаба флота в Нортвуде. Это был внушительный документ, но, тем не менее, его цель была предельно ясна: реоккупация Южной Георгии с минимальными человеческими жертвами и минимальным ущербом для имущества. И мы так же четко понимали необходимость держать операцию в тайне как можно дольше, желательно вплоть до того момента, когда мы сделаем наш решающий шаг. Прежде чем приступить к планированию, я подчеркнул, что эскадрон не может рассматриваться как оккупационные силы. Мы должны помочь отбить Южную Георгию. После этого мы, несомненно, понадобится в других местах, если возникнет более масштабный конфликт. Все поняли.

Строгость директивы в отношении пропорциональности во многом определила ход наших мыслей, а два ограничения в любом случае перекликаются с нашими инстинктами и практикой. Великобритания, очевидно, с самого начала стремилась принять определенную модель поведения. Операция в Южной Георгии, скорее всего, могла задать тон всем последующим боевым действиям на Фолклендах, а уважение к военным конвенциям и цивилизованному поведению имело первостепенное значение. Мне хотелось бы думать, что это пришло само собой ко всем нам в группе планирования независимо от направления движения флота: необходимость поддержания морального авторитета путем ведения тяжелых, но чистых боевых действий без причинения ненужного вреда. Более прозаично, возможно, отражая наши контртеррористические инстинкты и наш опыт борьбы с захватом заложников, мы видели, что ненужное использование силы может плохо сказаться на Фолклендах, где фактически мы имели три тысячи наших собственных граждан, взятых в заложники военными, склонными к применению чрезмерной и незаконной силы к своим гражданам. Бог

знает, что они могут сделать с нашими людьми там, если их спровоцировать. Подавать и поддерживать хороший пример имеет смысл во многих отношениях.

Что касается секретности, то она тоже была бы на первом месте в наших размышлениях, причем исключительно по тактическим соображениям. Но пока мы приближались к Южной Георгии, челночная дипломатия между Лондоном, Вашингтоном и Нью-Йорком достигла высокого уровня. Ее цель - найти решение кризиса без войны - не сочеталась с нашей миссией. Если новости о наших действиях просочатся преждевременно, это может привести к затруднениям. По этой причине, очевидно, даже Министерство иностранных дел и по делам Содружества оставалось в неведении относительно намерений военного кабинета в отношении Южной Георгии.

Я не знал, как много Гай Шеридан и Брайан Янг получают информации с более высокого уровня, но мы получали достаточное представление через нашу тыловую связь TACSAT. Помимо политики, росли и военные сомнения. В ближайшие дни беспокойство по поводу Южной Георгии будет нарастать; на одном из этапов Майк Роуз памятно заметил, что операцию «Paraquet» (схоже с паракватом, очень токсичным гербицидом) нужно уничтожить, пока она не уничтожила нас - под этим он подразумевал срыв всей операции на Фолклендах, самой операции «Corporate».

Со стратегической точки зрения, операция, вероятно, была организована потому, что в ней могло быть задействовано относительно небольшое количество военных кораблей и мало войск. Это сулило скорую победу, что способствовало укреплению дипломатических позиций страны.

С другой стороны, это можно рассматривать как отвлечение от основных усилий, Фолклендов и их населения, отвлечение ресурсов, создание ряда нежелательных и ненужных рисков. Неудача могла нанести ущерб нашему моральному духу и, соответственно, поднять моральный дух нашего противника. И риски были серьезными. Временами разница между успехом и катастрофой зависела от тончайших пределов. Это было испытанием для нервов вплоть до самых высоких уровней. После

войны я встретился с премьер-министром Маргарет Тэтчер. Она расспрашивала меня о Южной Георгии, не считая всего остального; очевидно, она была поражена тем, насколько на грани все это происходило.

В любом случае, разговоры по TACSAT усилили давление. Я, возможно, больше других стал отвлекаться на «секретность», твердо решив, что эскадрон не должен стать причиной раннего срыва операции. По сравнению с этим «пропорциональность» имела меньший вес, будучи почти второй натурой для морпеха и солдата, воспитанных годами службы в Северной Ирландии, где ограничения и строгое следование закону были обычным делом. Оперативная группа, вероятно, в любом случае была бы осторожна в отношении обоих аспектов. Только привилегированная информация, поступавшая по тыловому каналу SAS, окрашивала мои мысли, поднимая секретность, в частности, на необычную высоту. Я не чувствовал себя в состоянии поделиться большей частью этой информации, не в явном виде. Это было неудобно, результатом чего стало не столько различие подходов, сколько противопоставление акцентов в рамках широко согласованной стратегии, флот нетерпеливо относился ко всему, что могло показаться излишней осторожностью.

Проанализировав задание, мы ознакомились с имеющейся информацией. У нас были карты, схемы, несколько старых аэрофотоснимков и хорошая, но устаревшая военная информация о противнике, полученная в результате первых контактов. Кроме того, у *Endurance* были бесценные локальные данные. Разведка полагала, что аргентинцы еще не получили значительного подкрепления, и оценивала общую численность противника примерно в сто человек, мало что говоря о качестве защитников. Мы знали, что будет достаточно трудно противостоять новобранцам на хорошо подготовленных позициях, но если их качество хоть немного приближалось к качеству наших войск, Милса и его маленькой группы решительных морпехов, то мы могли встретить серьезное сопротивление. Представлялось важным получить представление не только о количестве, но и о качестве. Херефорд безуспешно прочесывал более широкие источники. Мы должны были пойти и убедиться в этом сами.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы разработать примерный план действий. Мы начали с отказа от грубого использования нашей военно-морской мощи, т.е. подойти, разнести с моря аргентинский гарнизон в пух и прах, а затем высадить войска для «уборки мусора». Это не совсем соответствовало указаниям Нортвуда. И по тем же причинам мы отвергли его очевидную разновидность - амфибийный десант, высаживающийся на «пляж» во всеоружии. Штурм был отвергнут из-за опасения, что он приведет к длительному и сложному противостоянию, во время которого Аргентина сможет проводить дипломатию, которая позволит подвести военно-морские и воздушные средства, способные нанести потери, даже поражение. Мы бы отказались от тактической неожиданности ради неопределенной выгоды.

Вместо этого мы приняли простой, двухэтапный план действий. Во-первых, мы проводили разведку, чтобы точно определить, где и что находится у противника. После этого, используя разведывательные данные, мы должны были направить подготовленные силы на выявленные слабые места противника, чтобы нанести ему поражение. Просто, банально, без фантазии, но этот обдуманый и взвешенный подход должен был позволить нам создать тонкости и тактические сюрпризы в деталях, где, как оказалось, таилось почти смертельное количество «дьявола».

Переходя к выполнению выбранного плана, мы договорились, что SBS проведет разведку в Грютвикене, административном центре территории и базе Британской антарктической службы (BAS). По этому поводу не было никаких разногласий. Грютвикен, скорее всего, будет основным местом дислокации противника, и имело смысл сделать это, насколько это возможно, делом исключительно Королевской морской пехоты, чтобы уменьшить неопределенность, присущую использованию смешанных сил, не знакомых друг с другом. Кроме того, если дело доходило до затяжного боя на узком фронте, рота «М» имела и численность, и необходимые навыки для выполнения задачи. Рота коммандос предназначена для смешанных действий, именно поэтому она была добавлена в оперативную группу в первую очередь. Мы сосредоточимся на старой китобойной станции в Лейте, где, по последним данным, находились сборщики металлолома, а также

проведем разведку на наличие других аргентинцев в районе залива Стромнесс (Карта 2). Мы должны быть готовы к любой возможной атаке.

Несмотря на то, что мы исходили из вероятного разделения задач, ничего не было исключено, кроме ограничений, предусмотренных директивой. Все было не так однозначно, как могло показаться на первый взгляд. Если бы рота «М» взялась за самое сильное место, ей, вероятно, потребовалась бы поддержка, почти наверняка приоритетный вызов всех имеющихся морских орудий. И если бы эскадрон усилил роту «М», а пушки были бы недоступны, как бы это повлияло на нашу способность провести собственную, одновременную атаку в другом месте? Придется ли нам проводить последовательные атаки, теряя тем самым тактическую неожиданность для той цели, которая считалась меньшей из двух? Если, конечно, их было всего две.

Опять же, если результаты разведки поддерживают идею одновременности, то как именно она должна была быть достигнута на вероятных расстояниях и с учетом требований предварительного размещения разделенных сил, предпочтительно скрытно? Могли ли мы предотвратить связь между вражескими позициями во время нападения, что сделало бы тактическую внезапность менее зависимой от достижения абсолютной одновременности? Хватит ли у нас сил и средств для одновременного нанесения ударов более чем по одному или двум объектам? Так все и продолжалось, идя по кругу, кажущееся бесконечным сочетание переменных. Нам нужно было срочно «увидеть цель». Пока мы этого не сделали, мало что прояснится.

В Южной Георгии есть первозданное начало, ее дикая, необузданная красота притягивает. Жестоко суровая, она не место для наивности или легкомыслия. Стихийная, даже духовная, одновременно манящая и неумолимая, она может безжалостно обнажить слабость. Из моря резко вздымаются горы, их настроение меняется в одно мгновение. В один момент во фьордах царит ровный штиль, в другой - бушуют кататические ветры. Одна из самых свирепых и изменчивых сред на земле, и нам предстояло узнать, что она не так-то легко выдает секреты - ни свои, ни своих жителей.

У нас было два способа попасть на остров: на лодках или на вертолетах. Мне не очень нравился вариант с лодками, и, несмотря на его стремление возглавить десант, Теду Иншоу, командиру лодочного отряда, тоже. Мы поддерживали навыки управления лодками, но на относительно базовом уровне по сравнению с SBS. SBS из группы планирования, в основном опытные и зрелые операторы, советовали быть предельно осторожными. Честно говоря, я не был склонен проверять наше мореходство на практике. Южная Георгия представлялась мне не самым лучшим местом для этого, особенно в начале зимы.

Была и другая, конкретная, более прозаическая причина, по которой не стоило начинать с лодочного отряда и их Gemini: подвесные моторы. Несмотря на неоднократные попытки модернизировать свое имущество, полк все еще был оснащен моторами, приобретенными в 1960-х годах для использования на Дальнем Востоке. Прошло двадцать с лишним лет, и моторы изнашивались и стали ненадежными, склонными выходить из строя даже в самых лучших условиях, а это были не самые лучшие условия. Они неоднократно выходили из строя, когда мы испытывали их на *Fort Austin*, несколько дней назад, в бальзамическом тепле экваториальных вод у острова Вознесения. Тед подумал, что ему удастся позаимствовать у корабля парочку двигателей. Но достаточно было просмотреть на угрожающее море вокруг нас, чтобы понять, что от плавания вокруг Южной Георгии на чем-то чуть лучшем, чем удлинённая резиновая лодка, лучше отказаться, если есть выбор. Логичнее было отправиться горному отряду и добираться вертолетом. Военно-морской флот был согласен по обоим пунктам: избегать лодок и использовать вертолеты. На борту *Tidespring*, нашего сопровождающего танкера, находились два вертолета Wessex Mk V, а на *Antrim* - Wessex Mk III.

В горном отряде эскадрона были опытные альпинисты, некоторые из которых недавно вернулись из Гималаев. Во всех отношениях имело смысл начать наземные операции с ними. Они все еще находились на *Endurance*. Несмотря на то, что рядом с ними находились люди, обладающие лучшими знаниями местных условий, этот отряд был отделен от группы планирования на *Antrim*. Рассеивание сухопутных сил по кораблям, пожалуй, является неизбежной особенностью амфибийной

войны и может серьезно осложнить ситуацию для любых десантированных сил. Окончательный исход операции может быть определен на суше, но пока силы не высажены на берег, морские императивы, скорее всего, будут преобладать. Корабли будут перемещаться, вступать в бой, группироваться и перегруппировываться на расстояниях, которые могут смутить солдата. В один момент десант может быть вместе, а в одночасье рассеяться, разделенный десятками, а то и сотнями миль. Так будет и в случае с операцией «Paraquet».

Чтобы избежать неудобств, которые могут возникнуть в результате такой нестабильности, я решил объединить горный отряд со штабом эскадрона (SHQ) на *Antrim*. Это позволило бы нам быть вместе на протяжении всего процесса планирования и принятия решений, но обратной стороной стало бы отделение горного отряда от локальных знаний, доступных на *Endurance*. Лишенные возможности личного общения, с тех пор мы все должны были использовать знания *Endurance* по защищенной голосовой радиосвязи. Трудно сказать, насколько значимым оказалось это разделение для событий, которые должны были развернуться. Факт остается фактом: рассеивание - это фактор в морской войне, который бойцы должны осознавать и принимать во внимание.

Вскоре VERTREP перетасовал нас: горный отряд отправился на *Antrim*, а воздушный - на *Endurance*, причем замена военнослужащих практически человек на человека была вызвана нехваткой жилого пространства.

С горным отрядом вместе с SHQ, старшим пилотом и его командой мы могли всерьез заняться тактикой разведки. Не преуменьшая трудностей, солдаты в нас знали, что на берегу мы должны быть в состоянии сделать все возможное. Изучив проблему с ног до головы, мы решили, что с помощью оптики можно выполнить работу, не подходя близко. Затем встал вопрос о выборе маршрута от места высадки до установленных наблюдательных пунктов, учитывая, что эскадрон должен был проверить все возможные места нахождения противника в заливе Стромнесс: старые китобойные станции Лейт, последнее известное местонахождение противника, Стромнесс и Хусвик.

Мы должны были подойти к целевому району с максимальной осторожностью, возможно, отслеживая днем каждый основной участок маршрута на предмет активности противника, прежде чем двигаться по нему ночью. Эта тактика сама по себе отодвигала точку входа, достаточную для желаемого продвижения: одна или, может быть, две ночи, чтобы вывести группу в район залива. Если прибавить к этому «нечеткие факторы», включая возможную необходимость проведения разведки на близком расстоянии, то на выполнение задачи могло потребоваться от четырех до пяти дней.

Точка входа будет определяться в основном характеристиками имеющихся вертолетов. Они не были оборудованы для скрытых ночных операций, кроме того, стоял вопрос их шума. Очевидно, что мы не могли приземлиться в пределах прямой видимости от объектов. Мы должны были замаскировать место (места) посадки вертолетов с помощью ландшафта, что исключало большую часть, если не всю бухту Стромнесс, и уж точно береговую линию и прибрежные зоны. Это отодвигало нас назад, что было приемлемо с точки зрения неуклонного продвижения, которое мы хотели осуществить по любому выбранному пути, за исключением того, что это приводило нас в некоторые серьезно сложные места. Побережье к северу от Лейта нас не интересовало: сухопутные маршруты оттуда выглядели одновременно опасными и относительно легкими для контроля противником. Маршруты к югу от залива Стромнесс выглядели не лучше. Вопрос шума усугублял трудности, казалось, что мы уходим дальше, чем того требовала даже маскировка местности, в окружающие горы. По нашей просьбе пилоты составили карту, на которой были указаны «безопасные в шумовом отношении» зоны посадки. Выбор был невелик: как бы мы ни старались увидеть иначе, шум в сочетании с движением заставил нас уйти на восток, к леднику Фортуна.

Это никому не нравилось. Но были и сильные преимущества. Помимо решения проблемы шума вертолетов, Фортуна находилась вне поля зрения бухты Стромнесс и ее китобойных станций, а между ними располагалась проходимая гора. Подход с этого направления должен быть неожиданным и вряд ли окажется под наблюдением. А рельеф местности должен был позволить нам тщательно изучить каждый

участок подхода, прежде чем спускаться по нему. Просто никому из нас не нравилась идея пересечь Фортуну в это время года, в начале зимы.

Гай, очень опытный альпинист, посоветовал нам избегать ледников как чумы. *Endurance* выразил решительное несогласие выходу на ледник, ссылаясь на то, что непредсказуемая погода ставит кости против успеха. На заднем плане, неизвестно для меня, Британская антарктическая служба также инструктировала против выхода на ледники, указывая, что даже их эксперты подчиняются жестким правилам безопасности при выходе в горы Южной Георгии. Маршрут Фортуны можно было бы отклонить, если бы не постоянная необходимость избежать преждевременной компрометации миссии. Кроме того, для горного отряда и вертолетов не было других вариантов. Поэтому мы продолжали рассматривать этот вариант.

Вопрос о трещинах и практичности безопасного и своевременного перехода через ледник поднимался снова и снова. По иронии судьбы, этот вопрос доминировал в дискуссии почти без учета всего остального, включая погоду. Там, где Фортуна спускается к морю, она действительно представляла собой ужасное месиво из торосов под давлением и глубоких трещин; определенно, это место следует избегать. Но на ее вершине все выглядело более благостно. Там, где мы намеревались сойти с ледника в сторону залива Стромнесс, было много трещин, но ничего непроходимого, довольно мягкий переход ото льда к голой скале.

Советы против Фортуны давались в общих чертах, а советы в пользу касались конкретных деталей. Вернувшись в Херефорд, наши успешные восходители на Эверест, Брумми Стокс и Бронко Лейн, изучили имеющиеся снимки фактического маршрута и обратились к другим национальным источникам. При условии, что мы будем придерживаться гладкой куполообразной вершины, в точности как предполагалось, они решили, что все будет в порядке. Они искали подтверждения, консультируясь с другими людьми, имеющими непосредственный опыт прохождения этого маршрута. Среди них был Джон Пикок, который в 1964 году сам прошел по нему, успешно повторив путешествие Эрнеста

Шеклтону через Южную Георгию в 1916 году. «Фортуна проходима» - сказал он.

Пример Шеклтону не давал покоя. Он прошел почти точно по этому маршруту, будучи слабым от голода и не имея альпинистского снаряжения, кроме веревки. На это ему потребовалось тридцать шесть часов, чтобы пересечь Южную Георгию от северного побережья до залива Стромнесс, что составляет около тридцати миль. Мы планировали потратить от двух до трех дней, чтобы пройти пять миль, из которых только пара будет по льду.

Я выслушал разные мнения. Я обсудил их с Джоном Гамильтоном, командиром горного отряда, и его людьми - командой, которой предстояло это сделать. Десант был доволен, его беспокоила в первую очередь погода. Посоветовались с Яном Стэнли, старшим пилотом, и его командой. Они внимательно расспросили нас, помня об опасностях, связанных с подъемом на 1000 футов над Фортуной: обледенение, плохая видимость, низкая облачность, сильный ветер со шквалистыми порывами. Они тоже считали, что это выполнимо, если будет хоть немного приличной погоды. Янг, сам авиатор, и Шеридан, альпинист, подтвердили, что они поддержат любой наш курс. В конце концов, решение мог принять только один человек: я. Я выбрал Фортуну.

3. В залив Стромнесс

День высадки наступил 21 апреля, через две недели после нашего отъезда из Херефорда, через неделю после присоединения к оперативной группе. Время летело быстро. Погода выглядела угрожающе. За ночь барометрическое давление резко упало. К рассвету у нас на руках был шторм с перспективой ухудшения. Море росло, его поверхность взбивалась штормовым ветром, большие корабли качало, а *Endurance* даже подпрыгивал. На высоте 400 футов висело сплошное серое облако, мрачное от перспективы снегопада; нужно было быть намного выше этого уровня, ведь место высадки находилось на высоте около 1000 футов. Обжигающий, сырой холод почти наверняка грозил обледенением корпусов вертолетов. Впрочем, видимость была неплохой – около двух миль.

Не зная, что мы переживаем первые признаки нарастающего шторма ошеломляющих масштабов, мы шли вперед, трогательно уверенные в своих силах, не зная о степени нашей слабости. Эскадрон утешался мыслью, что для флота все должно быть в норме, моряки и летный состав воспринимали происходящее спокойно. Если бы мы все знали, что приближается к нам из Антарктики, вся операция была бы приостановлена. Даже по меркам Южной Георгии нас ждал феноменальный удар, жестокое избиение безжалостной свирепости.

Ян Стэнли, его команда и их почтенный вертолет Wessex III, ласково называемый «Хамфри»¹⁵, должны были стать предметом легенды. В течение следующих дней их неоднократно вызывали на помощь, и они ни разу не дрогнули.

¹⁵ В Королевском флоте принято называть корабль «она», а вертолет – «он», что, конечно же, приводит к грубым комментариям. Летные палубы располагаются в кормовой части большинства кораблей.

Яну понадобились все три имеющихся Wessex, чтобы поднять группу разведчиков. Его собственный, одномоторный «диппер», не подходил для этой цели, так как был маломощным и имел малую вместимость. Однако, оптимизированный для противолодочной борьбы (ASW), летательный аппарат обладал возможностями, которых не было у двух Wessex V, перевозивших войска. Для начала, экипаж состоял из четырех человек: двух пилотов, наблюдателя и члена экипажа. Крис Пэрри, наблюдатель, был как часть системы вооружения корабля, отвечая за точную навигацию, работу радара и управление другими вертолетами поддержки. В помощь ему был радар, обеспечивающий широкий обзор и ограниченную возможность предотвращения столкновений; однако его эффективность сильно снижалась, когда он находился среди крупных топографических объектов, таких как горы и ледники. Крис также пользовался так называемой системой управления полетом (FCS) - компьютеризированным устройством, которое помогало летательному аппарату удерживать определенное положение на заданной высоте. Эти вспомогательные средства и функции, предназначенные для использования над морем, а не над сушей, были использованы для преодоления гор Южной Георгии в условиях облачности, плохой видимости и сильной турбулентности. Творческое использование оборудования «Хамфри» в сочетании с великолепной командной работой его экипажа оказалось спасительным.

Два других Wessex V были двухмоторными вертолетами общего назначения. Они имели радиовысотомеры и оборудование для стабилизации, но в основном ими управлял один пилот, которому помогал летчик, наблюдающий за полетами из двери в задней части; оборудования для «слепого» полета не было. Wessex V должен был быть ведомым с Wessex III при любой видимости, кроме хорошей.

После отсрочки примерно на час погода показала слабые признаки улучшения. Ян получил разрешение посмотреть на условия на берегу и на вершине ледника. Он поднялся над *Antrim*, чтобы быстро и низко пролететь в направлении залива Поссешен, а затем зайти на мыс Констанс. Оттуда он снизил скорость, осторожно двигаясь в поисках аргентинцев. Войдя в залив Антарктик, он впервые увидел Фортуна с ее обрывистыми ледопадами, скалами и возвышающимися над ними

горами. Он и его экипаж разговаривали с *Endurance*, но ничто не подготовило их к беспощадной, пугающей природе этого места, надвигающегося на них со всех сторон. Здесь было величие, запретная, суровая, бесплодная красота. Непредсказуемо свистели жестокие ветры, налетая на «Хамфри», словно желая сбросить его в море или на окружающие горы. Из-за этого экипаж чувствовал себя маленьким, вторгшимся туда, куда не следовало, зажатым мокрыми ледяными скалами вокруг, темными рваными водами внизу, серыми клубящимися облаками вверх.

Ян совершил тщательный облет залива: противника не было. Он и Стюарт Купер, второй пилот, наметили маршрут вверх по леднику. По обе стороны были отвесные скалы и скалистые выступы, периодически скрываемые кучевыми облаками. Путь будет трудным: возможности повернуть назад практически нет. То, что они могли видеть с вершины, выглядело более обнадеживающе, открывая пространство для маневра. Убедившись, что противника нет, а маршрут жизнеспособный, хотя и сложный, Ян повернул назад на *Antrim*, чтобы собрать группу.

Спустя час или более, следующая вылазка прошла не так удачно. «Хамфри» возглавил ее, он и два *Wessex V* с десантом вошли в залив Поссешен, где их встретила стена густого снегопада. Ян и Стюарт знали, где они находятся, но согласились, что было бы глупо продолжать движение. Они повернули назад. На борту *Antrim* последовало тревожное совещание в оперативном отсеке. День проходил незаметно. Хуже того, вся затея начинала казаться непрактичной, просчетом.

Скрывая свое волнение, я попросил, чтобы меня пропустили вперед, вместе с Джоном Гамильтоном. Я хотел, чтобы мы вдвоем увидели то, что видел и пережил Ян. В противном случае Ян сам бы принимал решение о проведении операции, а это казалось ему не совсем справедливым и правильным. Если от операции придется отказаться, то эскадрон должен быть частью процесса принятия решения, причем знающей, полностью информированной частью.

Мы получили разрешение на проведение еще одной разведки. В тот день «Хамфри» отправился в свою третью вылазку на берег. Все прошло

достаточно хорошо. Погода улучшилась. Ян добрался до подножия Фортуны и оттуда поднял вертолет вверх по отвесному склону в условиях почти идеальной видимости. Ветер не слишком сильно трепал вертолет, и на вершине купол ледника расстился ровно, как ожидалось и хотелось. Ян воспользовался возможностью облететь вокруг купола, стараясь не подвергать аппарат возможному наблюдению из района Стромнесс.

Но что-то гложет Джона. Я спросил его, что он думает. Он колебался. Через некоторое время я снова указал через шум, через интерком, что мы должны принять решение здесь и сейчас. Возможно, мы находимся в благоприятном положении, но все может измениться в любой момент. Мы не могли оставаться здесь до бесконечности. Я хотел, чтобы это было решение отряда, чтобы он сам принял решение «идти или не идти». К сожалению, из-за неудачного выбора слов, по несовершенному, потрескивающему переговорному устройству, я выразился не так, как хотел, а совершенно иначе. Я сказал: «Ты должен идти, Джон», имея в виду, что он должен был принять решение немедленно, так или иначе.

Решение должен был принять он сам, поскольку, несмотря на то, что высадка вертолетом выглядела вполне реальной, ему и его отряду придется сделать все остальное. Следовательно, это должно быть его решение - идти или нет. Но Джон, понятное дело, воспринял мои слова как настоятельную просьбу спуститься на ледник, вместо того, чтобы принять решение. Я бы согласился на «нет». Но при такой неосторожной формулировке события могут пойти по-другому, и это один из таких случаев. И вот мы пришли к решению: Джон согласился высадиться на ледник!

Мои неудачные слова стали крылатой фразой на *Antrim*, которую неоднократно использовали члены экипажа «Хамфри» и корабельный экипаж в течение следующих бурных дней и недель. Столкнувшись с проблемой, без которой они, вероятно, могли бы обойтись, они воспаряли духом и снова шли вперед, говоря: «Ты должен идти, Джон».

Мы вернулись для переброски десанта, в итоге Джон и его люди высадились на ледник в быстро ухудшающихся летных условиях,

вертолеты попали в череду снежных и снежно-ледовых шквалов. Пилоты страдали от периодов оледенения. «Хамфри», имея двух пилотов и наблюдателя с FCS сзади, смог избежать дезориентации и благополучно провел вертолеты вверх и вниз по Фортуне. Вернувшись на *Antrim*, Ян и его команда выразили облегчение, что все закончилось и им больше не придется туда подниматься.

Было похоже, что Южная Георгия ждала нас, не то чтобы она не предупредила. С момента вылета вертолетов погода ухудшилась и обрушилась на десант. «Хамфри» зарегистрировал шквалы в 80 узлов на земле, 90 узлов и более в воздухе, и ветер все усиливался.¹⁶ Люди начали движение, чтобы как можно быстрее покинуть ледник. Они надеялись проследить путь вперед, прежде чем взойти на купол, проверить, нет ли противника за ледником, прикрыть подходы к заливу Стромнесс. Видимости не было никакой, возможно, пара ярдов. Ветер гнал ледяные кристаллы в лицо, делая зрение почти невозможным даже в очках. Пришлось рискнуть, чтобы встретить врага, который в этот момент волновал их меньше всего. Никто бы не вышел на улицу в такую погоду, не так ли? Ситуация свелась к выживанию в условиях стихии. Южная Георгия утверждала себя над нашими делами, какими бы значительными они сейчас ни казались.

Там были трещины. Сперва оторопевший, отряд быстро пришел в себя, вошел в ритм, который пришлось прекратить, когда стало светать. До наступления темноты они прошли около полумили - часы, проведенные за прокладыванием пути, дали о себе знать. Почти перейдя на другую сторону, они, тем не менее, должны были укрыться, насколько это было возможно, на открытой поверхности ледника. Они не могли рисковать, двигаясь в темноте, против всей ярости ветров, несущихся на них.

А ведь все могло бы быть иначе. Если бы не потерянное время, они могли бы добраться до укрытия в скалах, как и планировали. Ветер продолжал усиливаться до невообразимой силы; даже самые опытные из них никогда прежде не сталкивались с ветрами такой, казалось бы, безжалостной, злобной силы. Казалось, будто ревущий, пронзительный

¹⁶ Соответственно: 92 миль/ч и 103 миль/ч.

ветер пытается швырнуть их по поверхности ледника, вниз к обрывистым склонам, расположенным неподалеку, навстречу бурлящему внизу морю. Дыхание вырывалось из их легких, неприкрытая плоть разрывалась снегом и ледяными кристаллами. Измочаленные, почти лишенные чувств, они укрывались, как могли, прижавшись друг к другу. Это была долгая ночь.

В море *Endurance* получил разрешение покинуть оперативную группу, пока все не уляжется. Он лучше многих из нас знал, что происходит и что еще предстоит, где найти укрытие на побережье; он был достаточно мал, чтобы спрятаться в бухте. У остальных не было другого выхода, кроме как спустить вниз все, что можно, задрать люки и стараться держаться друг друга, держа курс на бушующее море. Ветер и море со страшной силой обрушивались на корабли. Волны стали горами, и это на защищенной стороне Южной Георгии! Корабли пронзительно стонали, когда ветер рвал их надстройки. Те из нас на *Antrim*, кто боролся вместе с кораблем, проходя мимо памятной дощечки, могли поднять голову и прочитать ее еще раз, веря, что шотландские клепальщики хорошо поработали, потому что казалось, что нас разрывает на части. Море билось о 6 тысяч тонн стали эсминца, корпус грохотал от каждого удара. Барометр падал с головокружительной скоростью, мы переходили от шторма к ветрам гораздо более сильным. За все годы работы в море мало кто из моряков испытывал нечто подобное. Капитаны оставались на своих мостиках. Экипажи закрылись. Янг опасался за возможный ущерб. К югу от Гибралтара не было ремонтных предприятий Королевского флота.

На летной палубе *Antrim* не удалось загнать «Хамфри» в его ангар. Это достаточно сложная операция и в хорошую погоду, так что Ян сказал своим людям не пытаться. Любая попытка наверняка приведет к травмам, а то и к гибели. Вертолет должен был остаться на палубе. То же самое было и с одним из *Wessex* на *Tidespring*, резервным воздушным судном. Он тоже должен был оставаться на палубе, чтобы выдержать всю мощь наполненного водой шторма. Все, что стояло между их выживанием и гибелью - это цепи и стропы, привязывающие их к открытым полетным палубам. Напряженные до предела, оба аппарата каким-то образом выстояли, чтобы сражаться еще один день.

Ветер поднимался без всякой пощады, достигая, по словам некоторых, скорости более 100 миль в час. Мы достигали верхней границы шкалы Бофорта. Сплошная стена брызг вырывалась из разорванных волн. Корабли содрогались, стонали и завывали, словно в агонии. Капитан Янг пригласил свой экипаж на нижний мостик, если они захотят посмотреть на море, чтобы в один прекрасный день рассказать об этом своим внукам. Я принял предложение. Мы увидели грозные волны, подобные горам. *Antrim* содрогался, когда встречные волны многократно врезались в него, иногда останавливая его на месте, а иногда почти опрокидывая. Волны набегали на нос, погребая под собой орудийную башню и все, что было до нее. Каждый раз корабль должен бороться за возвращение. Мужественно, стойко, он переваливался с боку на бок, избавляясь от тонн зеленой-серой, изорванной ветром воды. Освободившись, он вскакивал на ноги, чтобы снова погрузиться вниз, как будто в самую глубину.

Море вокруг бурлило, воздух был густым от соленых брызг. Ближе к вечеру все это приобрело тусклое, серо-зеленое свечение, угасающий свет усиливался белизной клубящегося шторма. Наступил момент, когда стало необходимо повернуть корабль, чтобы двигаться вместе с морем, если мы хотим оставаться хоть сколько-нибудь близко к нашим объектам. Корабль предупреждался, двигатели выводились на полную мощность, прежде чем он с готовностью входил в поворот, пытаясь завершить движение во впадине между волнами. Это было опасно, выводить корабль боком в такую волну, но, когда это было сделано, наступило облегчение, и корабль лег на обратный курс. Так продолжалось всю ночь, то в море, то вместе с морем, каждый поворот подвергал нас риску поломки.

Если условия были тяжелыми на уровне моря, то какими они должны быть для горного отряда на берегу, на высоте 1000 футов в горах, намного выше уровня замерзания? Удалось ли им найти убежище, как было предусмотрено графиком? Я надеялся на это, но сомневался, как и другие. Так и не дождавшись ответа, мы все занялись подготовкой к следующему дню плохих новостей.

Сообщение пришло в середине утра. Каким-то образом отряд пережил ночь и в течение трех или более часов после рассвета боролся с непогодой в очередной попытке выбраться с ледника; но их одежда промокла, а большая часть снаряжения была потеряна или вышла из строя ночью. У нескольких из них появились первые признаки обморожения, у некоторых гипотермии. Они не видели разумной альтернативы отмене операции, пока не начались массовые потери от холода; ведь если один пойдет ко дну, за ним непременно последуют другие. Джон передал просьбу о возвращении, посоветовав поторопиться.

В SAS существовало неписаное правило: база принимает то, что исходит от патруля на земле. Гай согласился со мной. Мы должны выполнить просьбу Джона. Мы должны уважать его оценку ситуации на месте. Это было то, чего мы все ожидали. Вертолеты были готовы. Они вылетели вскоре после сигнала. Буря немного утихла. Но снежные шквалы продолжали нестись с побережья, на мгновение сокращая видимость до нескольких ярдов. Ян вел их вперед, Крис Пэрри сзади передавал информацию с приборов «Хамфри». Они летели в свободном строю, отстающие Wessex V внимательно следили за своим лидером. Достигнув мыса Констанс, Ян приказал вертолетам приземлиться и ждать, а сам пошел вперед, чтобы поближе рассмотреть маршрут к леднику. Майк Тидд и Ян Джорджсон, пилоты, согласились, приземлившись на мысе в стороне от сильного ветра.

Фортуна была закрыта облаками прямо на куполе или под ним. Ян пытался в течение тридцати минут. Ветер рвал летательный аппарат, бросая его то в одну сторону, то в другую. Временами он терял управление хвостовым винтом. И вертолет начал обледеневать, лететь становилось все труднее. Его высотомер тревожно прыгал, когда он пересекал расщелины, обозначающие обрыв ледника в море. Это было не место для «Хамфри», не говоря уже об утилитарных вертолетах. Он повернул, чтобы двигаться по ветру, подхватив два других вертолета, когда его несло обратно к кораблям. Они дозаправились и стали ждать улучшения погоды.

Вторая и роковая попытка началась примерно через час. Погода немного смягчилась, став менее опасной. Облачный покров поднялся, облака поредели. Иногда даже появлялись короткие лучи солнца, которые своей несочетаемой интенсивностью усиливали контрастную серость моря и суши. Они добавляли ауру мистицизма, ведь Южная Георгия даже в самые тяжелые времена никогда не теряла своей духовности. Ветер оставался сильным, порывистым, непредсказуемым, но определенно ослабевающим. Снежные шквалы были менее частыми. У нас появился соблазн попробовать. «Хамфри» поднялся, собрал двух других и направился прямо к подножию ледника, чтобы начать осторожное восхождение. Ветер трепал вертолеты, но ничего опасного, ничего такого, с чем не могли бы справиться эти опытные морские летчики. Тем не менее, их внимание привлекли скалы, сгрудившиеся по обе стороны.

Бойцы Джона не могли поверить своим ушам. Они не ожидали второй попытки. Услышав приближение вертолетов, один из них дал дым, чтобы обозначить место посадки. Стюарт Купер сразу же заметил его. Они были там, где их ожидал экипаж. Три вертолета приземлились по очереди. Бойцы сразу же начали грузиться, так как погода ухудшилась. Это была гонка на вылет.

Майк Тидд первым закончил погрузку. Посмотрев налево, он заметил надвигающийся снежный шквал на расстоянии около 800 ярдов. Он подал знак Яну, чтобы тот разрешил ему подняться, чтобы опередить его. Ему было хорошо видно, что впереди, примерно в полумиле, находится ряд небольших ледяных торосов, обозначающих путь к морю. «Да, давай», - последовал быстрый ответ.

Все шло хорошо для Майка и его пассажиров - до тех пор, пока их вертолет не настиг очередной снежный шквал, налетевший сбоку, в ярдах от хребтов и спуска в безопасное место. Белая мгла. Ослепленный, Майк потерял все внешние визуальные ориентиры. Он знал, что они в опасности. Он предупредил своего члена экипажа, сидящего сзади; тот тоже уставился на небо, ища хоть что-нибудь, что могло бы помочь его пилоту сохранить ровный полет. Ничего. Майк знал, что где-то в 700 футах слева от него находится скала, а справа - еще одна, возможно, в

полумиле. Непосредственно перед появлением белого пятна он пролетал над скальным выступом. Если он сможет найти эти скалы, они должны дать ему столь необходимые ориентиры. Следя одним глазом за приборами, другим - за ветровым стеклом, он вдруг заметил, что высотомер показывает приближение - слишком быстро. Он знал, что должно произойти. Он увеличил тягу, чтобы подняться. Это смягчило удар. Вертолет вздрогнул, неохотно завалился на бок, затем дернулся и подпрыгнул, когда винты врезались в поверхность ледника, и падение еще больше смягчилось снегом, когда они скатились во впадину. Пострадавших нет, благодаря молниеносной реакции Майка, его хладнокровию в чрезвычайных ситуациях и навыкам пилотирования.

Ян Стэнли и Ян Джорджсон были свидетелями того момента, когда Майка накрыл снежный шквал. Времени на предупреждение не было. Он рухнул в нескольких секундах от безопасного места. Пара сразу же отправилась за выжившими, воздух снова стал кристально чистым, видимость - миля или больше. Я сопровождал Яна безо всякой логической причины, сидя на заднем сиденье «Хамфри» и по мере возможности поглядывая на дверь. Это был мрачный, выжимающий все нутро момент. На этой войне будут и другие плохие моменты, но это был первый, и он стал еще хуже, потому что мне нечем было заняться, кроме как наблюдать за разворачивающейся драмой.

Второй неприятный момент быстро приближался. Оставшиеся в живых солдаты бросили все тяжелое и поднялись на борт спасательных вертолетов. Вскоре все были готовы. Ян Стэнли ждал хорошей видимости, когда снежные хлопья снова пронеслись по поверхности ледника: он рассчитывал на 800 ярдов чистого воздуха. Вскоре он дождался его и приказал взлетать. Джорджсон занял позицию позади и по левому борту. Вместе они осторожно подлетели к ледяным торосам - началу пути вниз. Когда «Хамфри» начал подниматься над торосами, налетел очередной шквал. Джорджсон сразу же потерял из виду своего лидера. Как и Майк Тидд, Ян Джорджсон был один в кабине и должен был смотреть не только внутрь, но и наружу. Он пытался поддерживать ровный полет, замедляя скорость. Это было сродни наблюдению через стакан молока. Его глаза то опускались к приборам, то возвращались обратно. Инстинкты говорили одно, органы чувств - другое, приборы -

третье. И тут его высотомер показал приближение: первый из ледяных торосов. Он набрал высоту, пытаясь сохранить вертикальное положение. Первый удар был мягким. Летательный аппарат содрогнулся. Он подумал, что ему удалось избежать наказания. Но Фортуна не собиралась сдаваться. Вертолет мягко накренился. Винты врезались в ледник и бились, пока в конце концов летательный аппарат не замер, лежа на правом борту. Стюарт Купер видел все это в зеркале заднего вида «Хамфри».

- Боже, они врезались! - прокричал он по внутренней связи.

От этих слов кровь застыла в моих жилах. Мой разум замер. Нет, этого не может быть. Мне стало физически плохо. Секунду или около того ничего не было, затем экипаж «Хамфри» размеренным тоном подвел итоги. У них не было четкого представления о выживших. Вертолет лежал на боку более или менее целым. Пожара не было. Удар был растянут по времени, а не катастрофически резким. Крис посоветовал им «вернуться к маме, босс». Они и так были перегружены, а тут еще погода закрыла ледник. Из-под вертолета начали появляться выжившие. Ян принял решение. Они вернутся к «маме», чтобы передать свой груз и вернуться как можно скорее. Он передал это спокойно и по существу. Не было никакого драматизма, только обнадеживающая уверенность, все было сказано в размеренных тонах. Это было лидерство и командная работа в лучшем виде, стабильная, решительная, без эмоций. Со своей стороны, как сторонний наблюдатель, который привел все это в движение, я чувствовал себя серьезно нехорошо: как будто пьяным в стельку, меня тошнило, и я был подавлен.

Достигнув уровня моря, Крис Пэрри нарушил радиомолчание, чтобы передать на корабль сообщение о ситуации (SITREP): «Мы потеряли двух наших птичек». Наступила пауза, прежде чем прозвучало ошеломленное «Roger» от мамы, *Antrim*.

К тому времени, как «Хамфри» вернулся на корабль, погода заметно ухудшилась; это уже не просто порывистый ветер, он усилился и снова превратился в сильный шторм. Основание облаков опустилось, видимость увеличивалась и уменьшалась с нескольких футов до 800

ярдов. Мы загрузили одеяла и медикаменты. Ян почувствовал мое близкое отчаяние. Он держал меня в кабине; якобы для того, чтобы помочь в принятии решения, но в основном для того, чтобы занять меня, поскольку деятельность является эффективной терапией.

Вскоре мы тронулись в путь. Погода стала дикой, безжалостной, злобной. Фортуна предъявила свои права и не собиралась отдавать то, что так безжалостно захватила. Мы все чувствовали, как Ян борется за управление вертолетом. Как ему удалось снова оказаться на вершине Фортуны, никто из нас никогда не узнает. Но он смог, пробивая себе путь когтями, а Крис Пэрри делал все возможное, находясь сзади с FCS. Ян сосредоточился в основном на приборах, Стюарт смотрел вдаль, передавая визуальную информацию непрерывным потоком. Мы с летчиком делали все, что могли, наблюдая через открытую заднюю дверь. Сверху приземлиться было невозможно, любая попытка была самоубийственной. Кроме того, мы не могли найти место крушения, видимость составляла всего несколько ярдов в любом направлении. Но Ян установил радиосвязь. Все выжили, переломов нет, несколько вывихов. Ян сказал им, чтобы они укрывались как можно лучше; он вернется, когда позволит погода, позже в тот же день, как он надеялся.

Вернувшись на *Antrim*, в тишине и тепле оперативной комнаты, мы подвели итоги. Дэнни, не говоря ни слова, протянул мне сигарету. Сигарета в нужный момент помогла. Я обнаружил, что она успокаивает нервы, замедляет ход событий, дает время подумать, приносит комфорт и подобие нормальности. Дела были плохи. Мы переживали драматический и позорный провал. До сих пор наши усилия стоили оперативной группе потери ее штурмовых вертолетов. Но ни тогда, ни во время операции никто открыто не критиковал и не обвинял нас в том, что мы усложнили ситуацию, даже поставили под угрозу успех. Это бы не помогло. Это просто усилило бы давление. Это было излишне. Настало время «ты должен идти, Джон», приобретая опыт. Обвинения могли подождать, если они были желанными или заслуженными, если человек хотел бы их высказать.

Мы вернули едва ли половину отряда. В медпункте сообщалось, что в целом все в нормальном состоянии здоровья, у одного или двух

появились первые признаки обморожения и переохлаждения, но ничего, что нельзя бы исправить. Как хорошо, что мы пошли им на помощь, когда мы это сделали. Заключение медиков подчеркивало безотлагательность ситуации. Еще одна ночь под открытым небом, и мы почти наверняка потеряли бы их из-за обморожения; мы должны были спасти остальных в течение следующих нескольких часов.

Мы потеряли большую часть нашего альпинистского снаряжения, но нам не о чем волноваться. *Endurance* вмешалась, сообщив нам, что у них есть набор альпинистского снаряжения, принадлежащий отмененной экспедиции «Tri-service»; мы могли бы получить все, если бы это помогло. Таков был флот: щедрый и всегда ищущий решения. Тем не менее, горный отряд на время выбыл из игры. У них должен быть день или около того, чтобы прийти в себя.

Поскольку люди все еще находились на леднике, думать наперед было нелегко; но каким-то образом, между нами, SHQ нашел в себе смелость предупредить Теда и его лодочный отряд. Возможно, они все-таки понадобятся. Ибо, что бы еще ни случилось с нами в ближайшие часы, операция должна была продолжаться. Я поручил ему связаться со штурманом корабля, определить варианты высадки и быть готовым обсудить предпочтительные варианты действий с группой планирования позже в течение дня, как только мы освободимся от непосредственного кризиса.

Тем временем погода улучшилась. С Фортуны нужно было забрать семнадцать человек, включая экипаж. Ян посоветовался со своей командой. Все четверо понимали, что шансы на их выживание уменьшаются. Они использовали время ожидания, чтобы подготовиться, каждый по-своему. Крис написал письмо жене, запечатав в конверт обручальное кольцо. Ян еще раз все проверил, подвел итоги, убедился, что все, что можно было сделать, уже сделано. Он, как никто другой, знал, чем они рискуют. Его вертолет был пожилым. Mark III Wessex имел репутацию вертолета с капризным двигателем. Он уже дважды совершал аварийные посадки, один раз в море. «Хамфри» поднимался на Фортуну уже восемь раз. Корпус вертолета испытывал серьезные нагрузки; его инженеры делали все возможное, чтобы он продолжал

летать. Если повезет, можно было успеть сделать еще два полета до наступления ночи. Они планировали спасти выживших, повторив прежний профиль полета: держаться низко, на воздушной подушке-такси до вершины и обратно. Они знали, что это будет не пикник.

Мы все знали, что Ян и его команда испытывают судьбу. Это было видно по тому, как экипаж палубы провожал «Хамфри»; ни намек на притворную беззаботность, только невысказанные пожелания добра и люди, находящие успокоение в выполнении привычных действий. Все знали, что поставлено на карту, чувствовали серьезность ситуации.

Вертолет быстро скрылся во мраке, выглядя решительным, но одиноким, когда он снова устремился вперед. Казалось, что «Хамфри» нес на своих плечах не только нашу судьбу, но и судьбу всей страны. На его плечах лежало благополучие его экипажа, выживание тех, кто все еще находился на леднике, и, возможно, ход всей Фолклендской операции. Если бы он потерпел неудачу, оперативная группа могла бы компенсировать потери в тактическом плане. Но нельзя было сказать, каковы будут более широкие, более высокие национальные последствия такого неудачного начала нашей кампании по возвращению островов. Я чувствовал себя довольно скверно, осознавая почти сокрушительный груз ответственности в самом широком смысле этого слова. Я остался на летной палубе, замкнувшись в себе.

Достигнув побережья, Ян увидел, что погода значительно ухудшилась с тех пор, как он покинул корабль. Быстрый обмен мнениями по внутренней связи, и все согласились на радикальное изменение плана. Отдав предпочтение идее Яна, они решили рискнуть обледенением и подняться на высоту 3 000 футов, чтобы оказаться на вершине облаков. В результате они окажутся на высоте 2 000 футов или около того над самой высокой поверхностью ледника, а вокруг будут возвышаться горы. Оттуда они могли бы дожидаться разрыва в облаках, обнаружить место крушения, пролететь и забрать выживших. Это был смелый вариант, холодно рассчитанный.

«Хамфри» с готовностью откликнулся на побуждение экипажа, поднялся почти вертикально, чтобы держаться подальше от окружающих гор,

скрытых от глаз, там, в клубящейся серости, которая окутывала их. Спустился, казалось, целую вечность, вертолет вырвался на чистый воздух, в мир голубого неба, ослепительного солнечного света и заснеженных гор. Некоторое время они осторожно кружили над сплошной массой облаков внизу, отмечая, как западное солнце начинает заливать все вокруг глубоким золотистым светом. Скоро им придется прервать полет, чтобы как-то спуститься сквозь облака и выйти к морю. Затем облака начали расходиться, разорванные ветром, сначала неясно, потом с отчетливыми, большими разрывами. Навигация Криса была точной. Сквозь разрыв в облаках Ян и Стюарт одновременно увидели разбившийся вертолет. Им повезло. «Хамфри» нырнул, приземлившись в футах от выживших.

Ян знал, что это должен быть последний полет в этот день. В неуклонно угасающем свете он приказал всем выбрасывать все лишнее. Солдаты без колебаний выполнили приказ, сохранив только винтовки. Они не могли от них отказаться. «Хамфри» быстро загрузил двадцать одну душу, включая экипажи упавших вертолетов из четырех человек, руки и ноги были повсюду, некоторые торчали в дверях, Фиц Фицджеральд, летчик, наполовину внутри, наполовину снаружи, был пристегнут ремнем. Ян, при полной поддержке своего экипажа, собирался поднять свой вертолет, одномоторный Wessex III, с ледника, охваченного сильным ветром, вниз к морю, частично скрытому штормовым ветром, к кораблю, затянута штормом, и все это с весом до 2000 фунтов. Порывистый ветер придал ему уверенности в своих силах. Его сила должна была помочь «Хамфри» подняться в воздух.

Он дождался особенно сильного, устойчивого порыва, около 80 узлов, вытянул регулятор, плавно нажал на педаль, чтобы учесть противодействующий крутящий момент. Вертолет зашатался, затрясся, как будто удивленный тем, что от него требовали. Сначала неохотно, но он поднялся, с трудом, но уверенно, ветер помогал. Ян сразу понял, что «Хамфри» не сможет зависнуть: вес был больше, чем тот, на который был рассчитан вертолет. Он осторожно повел машину вверх и вперед, используя попутный ветер. Он искал дополнительную мощность, но «Хамфри» больше нечего было дать. Тогда, все еще используя ветер, он осторожно добавил оборотов, чтобы вертолет развернуло, и они

помчались к краю ледника, чтобы опуститься к морю. Они набирали скорость, и управление стало казаться менее кашеобразным, более отзывчивым. Ветер толкал и тянул их, подталкивая к ожидающему их кораблю и к безопасности.

При приближении к кораблю вертолет обычно заходит с кормы, замирает в воздухе, а затем как бы соскальзывает на полетную палубу. Это гарантирует, что, если что-то пойдет не так, у вертолета будет шанс выбраться, а корабль останется неповрежденным. Это дает возможность выбора.

Я ждал в задней части полетной палубы, в своей тревоге и унынии все еще не желая укрыться. Возможно, я пытался таким образом разделить условия со своими людьми, если это могло бы как-то помочь. Конечно, это была полная чушь, но она показала, как разум может хвататься за соломинку, когда находится в затруднительном положении. Затем, без всякого предупреждения, на фоне быстро уходящего света появился «Хамфри». Что-то случилось. Он выглядел неважно. Направляясь прямо к корме, низко летя с трепещущими от работы дворниками, он начал подниматься.

Ян знал, что здесь, на уровне моря, воздух теплее, что дает ему гораздо меньшую подъемную силу, еще более тонкие границы для работы. И он знал, что не может зависнуть. Он должен пройти прямо над левым бортом, каким-то образом учитывая ритмично поднимающуюся и опускающуюся палубу. Это должно быть сделано одним плавным движением: вверх, внутрь на палубу, как можно точнее, вниз. Если все начнет идти не так, как надо, единственным выходом будет пройти прямо через летную палубу и надеяться, что удастся повторить попытку, не потеряв при этом необходимой скорости. Неудача, и это будет крушение на летную палубу, но скорее всего, в море за ее пределами. Мы все могли видеть, что задумал Ян. Команда летной палубы напряглась.

«Хамфри» появился, выглядел маленьким и странно хрупким, его затмевала серо-зеленая, надвигающаяся темнота и простор вздымающегося моря, покрытого брызгами. И вот он снова с нами, без

церемоний, без маршировки: он зашел, с небольшой высоты, с одной стороны кормы, опустился на качающуюся палубу, удар, еще один, ничего страшного, затем сел. Команда летной палубы бросилась вперед со своими стропами, чтобы закрепить его: все было сделано в считанные секунды. Безопасный дом. Затем появились выжившие, один за другим. Первый человек вывалился на палубу и неуверенно поднялся. Я пересчитал их, все были живы и здоровы. Это казалось невозможным.

Экипажи, все до одного, проявили самоотверженность и отвагу во время эпизода с Фортуной, ни разу не дрогнув. «Хамфри» стал легендой, Ян Стэнли и его экипаж оказали услуги, выдающиеся даже по стандартам Королевского флота. Они действовали с образцовым мастерством и изобретательностью. Мы очень полюбили их. Они неоднократно выходили вперед, каждый раз демонстрируя летное мастерство высшего порядка и спокойное мужество. Они сделали то, что должны были сделать, без потерь и без ущерба для своего бесценного вертолета ПЛО. Это было не самое лучшее начало войны, но Ян и его люди не дали нам выйти из игры. И они подали нам всем пример, с которым трудно сравниться. Со своей стороны, эскадрон продолжал действовать; мы не собирались отступать, не замыкались в себе, не жалели себя. Если что и произошло, то этот опыт укрепил нашу решимость высадиться на землю и вступить в бой.

В ту ночь Джон Гамильтон и его отряд разыскали Яна и его команду. Вооружившись бутылкой виски, они выразили свою благодарность. Тем временем эскадрон приступил к выполнению очередной попытки попасть в цель.

Не так-то просто было сосредоточиться на следующей сессии планирования. Слишком много бесполезного шума продолжало давить. Что, если бы мы сделали это? Что, если бы мы сделали то или другое? Проблема была не в трещинах и не в том, идти или нет. В этом мы были правы. Это была погода, необычная даже по меркам Южной Георгии. Ее жестокость удивила многих из нас. Было чему поучиться и в вертолетных операциях. Неизвестно для нас, но в это самое время ВМС работали над этим вопросом, совершенствуя технику ночных полетов, пока основная оперативная группа продвигалась на юг. В будущем тайные вертолетные

операции должны были проводиться ночью с использованием двухмоторных вертолетов Sea King, оснащенных приборами ночного видения (NVG), и всегда с двумя пилотами в кабине.

Вертолеты для переброски войск были утеряны, горный отряд остался не у дел, следующую попытку пришлось бы предпринимать на лодках. Как именно? С момента получения приказа, предупреждающего о подобном развитии событий, Тед, командир лодочного отряда, и его команда провели большую часть времени, обдумывая ситуацию и готовясь к ней. Действия внутри и вокруг цели будут такими же, как и предполагал Джон Гамильтон; слава богу, мы собрали два наиболее вероятных необходимых отряда вместе на борту флагманского корабля, чтобы иметь возможность проконсультироваться лицом к лицу. Мы сосредоточили наши размышления на фазе внедрения.

Тед просмотрел оценку своего отряда. Сразу стало ясно, что он хочет зайти прямо в устье залива Стромнесс, высадившись с *Antrim* за мысом, в непосредственной близости от Лейта - главной цели. Оттуда он предложил совершить двухмильный переход на *Gemini* к острову Грасс, лежащему на шельфе между Лейтом и Стромнесс. С острова Грасс отряд сможет наблюдать за берегом материка, проверяя его на отсутствие противника перед высадкой.

Мне это не очень нравилось. Шум больше не был проблемой, лодки намного тише вертолетов. Нет, неудачный вариант с Фортунной предлагал подход к объекту с самого маловероятного направления: внутренних районов Южной Георгии. Разве нельзя было достичь чего-то сопоставимого, используя лодки? Предложение Теда заставило нас двигаться прямо по самому очевидному пути. Рассматривал ли он залив Фортуна, который позволил бы им пройти по первоначальному маршруту Джона?

Он рассмотрел и отклонил залив Фортуна, поскольку, согласно картам, он был заросшим ламинарией. Дополнительную сложность мог представлять лед, который скапливался в бухте с ледников, расположенных дальше по побережью. Он грозил повредить лодки. Ламинария и лед в совокупности делали залив Фортуна

проблематичным, чего нельзя было сказать о фронтальном подходе. Убедительно. Мы исключили залив Фортуна. И это исключало вход в бухту Стромнесс, поскольку другого подхода для небольших лодок не было.

Китобои установили посты на большинстве доступных участков, все потенциальные места расположения противника исключали возможность подхода по суше, кроме как со стороны Фортуны. Казалось, ничего другого не оставалось, кроме как войти прямо через «дверь», направиться прямо к острову Грасс, а затем переправиться на материк, предварительно убедившись, что побережье чисто. Это казалось таким тревожно очевидным, хотя и простым и смелым.

Мы изучили оборону противника, в частности, возможность того, что они могли разместить радары и тяжелое вооружение на мысе для защиты от того, что мы могли им предложить. Это выглядело маловероятным, так как береговая линия была обрывистой на большей части своей протяженности. Планировщики сочли риск приемлемым, заверив нас, что корабль будет находиться на боевом посту, затемненный и бесшумный, способный в любом случае проскользнуть и выйти незамеченным. Я отметил их высокую уверенность.

Военно-морской флот, конечно же, отдал предпочтение предложению лодочного отряда. Я догадывался, что они предпочтут сделать акцент на мореходстве, более знакомом им, чем альпинизм, бывший в предшествующем варианте с Фортуной. Я продолжал сомневаться. Неужели это обязательно должны быть Gemini с их ненадежными двигателями? Никто из нас не доверял двигателям, в том числе и Тед. Он позаимствовал все, что мог, у ВМФ, но в основном это будут наши собственные двигатели. А нельзя ли использовать байдарки Klepper? Отклоняется. При сильном ветре их, скорее всего, унесет в море, а при сильном волнении они могут перевернуться. Разве остров Грасс не был достаточно очевиден? Возможно, но какова была альтернатива, если они должны были наблюдать за берегом, прежде чем сделать высадку? Лишь много позже мы узнали, что Кит Миллс использовал остров Грасс при обороне Южной Георгии всего за несколько недель до этого, но аргентинцы его обнаружили.

Мы еще раз обсудили проблему двигателей и другие вопросы. Были приняты все меры предосторожности. *Antrim* одолжит нам один из своих двигателей, единственный запасной. Перед запуском мы прогреем двигатели в баках с водой. Каждый аспект высадки был неоднократно обдуман. План должен был быть максимально защищен от непогоды. Мы усвоили это на собственном опыте.

В конце концов, мы все уладили. Мы должны были действовать так, как хотели и Тед, и корабль: зайти в устье залива Стромнесс, спустить *Gemini* с *Antrim*, чтобы лодочный отряд вышел в целевой район через остров Грасс. Расстояние от точки высадки до острова не могло быть больше мили или около того. И все же я беспокоился. Сколько в этом было шрамов от Фортуны, сказать трудно. Мне определенно не нравилось идти вперед. Это противоречило нашим прежним выводам, не говоря уже об инстинктах. Мы приняли решение в течение часа после эпического возвращения «Хамфри» с ледника. Лодочный отряд пойдет в ту ночь.

Вечер был невероятно тихим, когда *Antrim* скользнул в залив Стромнесс. Шум и ярость предыдущих часов сменились мертвым, ровным спокойствием. Буря прошла, утихла. Вода билась о корпус корабля, воздух был неподвижен, лишь слабый ветерок, создаваемый кораблем, осторожно входил в бухту. Прибрежные воды мягко колыхались с маслянистой медлительностью. Снизу доносился слабый гул механизмов, и время от времени доносились приглушенные звуки подвесных моторов, греющихся в бочках с водой. Это же не могло донестись до Лейта, расположенного в двух милях за мысом? Бесчисленные, незнакомые южные звезды сверкали в безоблачном небе, простираясь от гор до самого горизонта в море. Луны не было, звезды давали мягкий свет. Конечно, не настолько, чтобы выдать присутствие *Antrim* кому-либо на берегу, расположенном совсем рядом.

Мы перешли на холостой ход. Поднялся легкий морской бриз, едва достаточный для того, чтобы незаметно подтолкнуть *Antrim* к мелководью. С войсками на том берегу корабль ничего не мог поделать, только терпеливо ждать, пока вода очистится от лодок, и только потом уйти обратно в море.

Тед и его люди быстро перебрались на лодки, и вот один из подвесных двигателей закапризничал. Экипаж боролся с ним изо всех сил, снова и снова дергая за шнур стартера. Я чувствовал их нарастающее разочарование. Мы занимали слишком много времени. Корабль ждал спокойно, терпеливо, ни разу не показав беспокойства, медленно дрейфуя к мелководью. Как всегда, с *Antrim* не было никакого давления. Она знала, что мы делаем все, что в наших силах. Мы тоже знали: пора «ты должен идти, Джон!». Наконец Тед сказал нам идти.

Он справится. Да, он был уверен. К этому времени еще два подвесных мотора барахлили, но он возьмет их на буксир, если понадобится. Пяти лодок должно было хватить на большинство, если не на все случаи жизни. Шепча «удачи» и «береги себя», они двинулись в путь, может быть, несколько неуверенно с одной лодкой на буксире, но вскоре скрылись в темноте. Сразу же, бесшумно, эсминец повернул в море. Это был чистокровный, морской военный корабль, и, несмотря на его спокойствие, красться в мертвой ночи, близко к берегу, не могло быть естественным делом; ни для него, ни для нас. Все это было далеко от Кении. Я решил остаться на палубе: опять эта нелогичная попытка разделить условий с войсками. Корабль начал набирать ход, стремясь вырваться из пределов залива.

Он появился в виде легчайшего, нежнейшего ветерка, ласкающего мой затылок; его почти не было, но его сразу заметили, потому что он пришел сзади, откуда не следовало, где мы оставили отряд, по крайней мере, с одним неработающим двигателем. Через несколько минут мы вернулись к вздыбленному морю, волнению, ревущему ветру - все, черт возьми, снова! На этот раз на нас обрушился кatabатический ветер - натиск холодного плотного воздуха, ускоряющегося с гор. Он врзался в залив, набирая все большую скорость и устремляясь в море, сбивая все на своем пути. Злобная, коварная, неумолимая Южная Георгия снова была в деле. Я знал, что это предвещает беду, и не сомневался в этом.

Через десять минут после отхода от корабля, еще до того, как поднялся ветер, лодочный отряд начал борьбу. Почти одновременно отказали три из пяти двигателей. Наши опасения относительно возраста и надежности двигателей оправдались. Две лодки с рабочими двигателями взяли

остальные на буксир. Затем налетел ветер. Он врезался в них спереди. От штиля до ярости, рева, ударов в одно мгновение, воздух стал плотным от соленых брызг. Залитые глаза сильно щипало, стало трудно видеть в любом направлении. Волны неумолимо росли, достигая шести и более футов. Вместе с ветром они гнали лодки назад в открытое море. На солдат обрушилось осознание. Это была борьба за выживание против природы, и их физические силы казались совершенно неспособными справиться с этой задачей. Они сгибались под напором ветра и волн, лодки поднимало и крутило, угрожая опрокинуть. Безопасность лежала впереди. Каким-то образом они должны пробиться вперед.

Две лодки достигли места назначения, одна из них буксировала другую. Остановившись только для того, чтобы убедиться, что с командой, доставленной на берег, все в порядке, и не заботясь о собственной безопасности, Томми Трентон и его команда вернулись, чтобы помочь отбуксировать остальных. Когда у них отказал двигатель, их тоже унесло в море. Из пяти *Gemini*, отправившихся в ту ночь с *Antrim*, три добрались до острова Грасс, и две были унесены в море: лодка Томми и вторая, которой командовал Чиппи Карпентер, заместитель Теда.

Тед доложил о ситуации на *Antrim* первым делом на следующее утро, дав пропавшим лодкам время попытаться добраться до цели. Он передал то небольшое, что они знали: шесть человек в двух лодках пропали без вести. Остальная часть отчета Теда указывала на то, что Лейт и Стромнесс находятся под наблюдением с острова Грасс и что противник, похоже, не подозревает об их присутствии. Несмотря на последнее, настроение оставалось подавленным. Мы все знали. Вероятно, *Gemini* были в море, возможно, перевернулись, люди утонули. Мы столкнулись с потерей шести наших друзей и коллег, погибших при ужасающих обстоятельствах. Это казалось неправильным. Мы ожидали, что будем принимать удары. Это было в порядке вещей. Но вот так? И за что? Чего именно мы добились? Чего мы могли достичь, чтобы оправдать такие потери? Наш прежний восторг от участия в операции, юношеский энтузиазм и воодушевление сменились более мрачным настроением. За двадцать четыре часа мы стали опытными солдатами Южной Атлантики, закаленными испытаниями, познавшими неудачи.

Поскольку патрули на берегу не были обнаружены, капитан Янг взял на себя риск организовать поиск пропавших лодок. Эта задача была возложена на «Хамфри». По расчетам, лодки находились далеко от берега и вдоль побережья, почти наверняка вне поля зрения врага на суше. Сводка погоды не внушала оптимизма: штормовой ветер, состояние моря от беспокойного до очень беспокойного, облачность около 200 футов. На самом деле облачность опустилась гораздо ниже, обеспечивая в лучшем случае ограниченную видимость.

Ян поднял «Хамфри» с инструкциями искать пропавших людей в районе Бьюзен Пойнт, примерно в трех милях от устья залива Камберленд. Выглядывая из задней двери вертолета, когда видимость заслоняли густые брызги и время от времени налетающие шквалы снега, Фитц давал большие шансы. Он знал, что они не могут использовать радар, опасаясь предупредить противника о присутствии оперативной группы. Это должен быть «Mark I Eyeball»,¹⁷ в условиях плохой видимости, которая может только ухудшиться. Совсем не многообещающе. Крис Пэрри тоже все подсчитал. Используя собственные наблюдения экипажа за погодой против предположений «встречающих», он посоветовал Яну направиться к побережью на расстояние, превышающее указанное на предполетном инструктаже, и дальше, чем было предписано. Они искали «ящик» в течение часа или более, пока не кончилось топливо. На последнем этапе поисков, за несколько мгновений до возвращения на корабль, Крис уловил слабый стрекот маяка самонаведения.

Чиппи и его команда уже некоторое время улавливали отдаленный звук вертолета. Сначала они подумали, что это, должно быть, противник. Но в конце концов он и его патруль уловили кратчайший проблеск, когда воздушное судно появилось из тумана вдаль, на самом пределе их зрения. Чиппи посоветовался со своей командой. Да, они тоже так думали, совершенно точно: Wessex, кабина пилота на возвышении совершенно отчетливо выделялась. Насколько им было известно, у противника не было Wessex. Это должен быть наш, снова «Хамфри». Уверенный в своей оценке, что они точно отделили друга от врага,

¹⁷ Mark I Eyeball – прибор визуального наблюдения, он же человеческий глаз, прим. перев.

только тогда Чиппи обратился за помощью, включив свой поисково-спасательный маяк SARBE. До этого момента он сохранял радиомолчание, опасаясь выдать присутствие оперативной группы врагу. Ян немедленно повернул в нужную часть океана. Фитц заметил их первым - пятнышко в самой дальней точке видимости. Ян рванул вперед. Чиппи немедленно выключил маяк. Вскоре после этого он и его команда оказались на борту «Хамфри», лодка была разрезана и затоплена.

Чиппи и его патруль были обнаружены в невероятной дали от места, где их высадили накануне вечером, в шестидесяти двух милях от берега. Позиция находилась на значительном удалении от входов в заливы Стромнесс и Камберленд. Видимость на всем протяжении была плохой. Кроме одной короткой вспышки SARBE с его скромным радиусом действия, ни вертолет, ни лодка не передавали никаких других сигналов. Скорее всего, поиски прошли бы для него незамеченными. Приняв решение хранить радиомолчание, Чиппи и его команда рисковали погибнуть в бескрайней пустоши Южной Атлантики. Их беззаветная преданность была слишком болезненной, чтобы о ней думать. О другой лодке не было никаких новостей. Мы опасались худшего.

В то время как эскадрон пытался выйти на цель, SBS испытывали аналогичное разочарование. Выбранный ими маршрут выглядел достаточно простым. Они должны были стартовать с *Endurance*, их план был основан на подробных знаниях корабля о местности. Он отличался элегантной простотой. Капитан Баркер и его штурман предложили SBS высадиться на берег в бухте Хаунд, используя корабельную шлюпку. Они знали, что выбранное место высадки укрыто от непогоды и вряд ли будет патрулироваться противником. Оттуда разведгруппа могла осторожно продвигаться пешком через долину Сёрлинг к восточной части залива Камберленд. Как только они убедятся, что в этом районе нет противника, лодки патруля будут переброшены вертолетом. Если бы это прошло незамеченным, они продолжили бы движение, в конце концов, добравшись до целевого района по водам залива Камберленд.

Если бы не лед, проникновение, скорее всего, удалось бы. С частотой, которую невозможно было предсказать, он откалывался от ледника

Норденшельд в залив Камберленд большими, распадающимися на части кусками, многие из которых были размером с дом, выталкивая огромные волны. Даже без этих волн риск того, что лед повредит лодки, был бы очень велик. Лед образовал почти сплошной слой, сковавший южную часть залива. При ударе одного из периодических «цунами» повреждение любого небольшого судна было бы почти гарантировано, а заливание и опрокидывание еще более вероятны. Выжить в такой холодной воде было бы невозможно, это вопрос нескольких минут. Тем не менее, патруль предпринимал неоднократные, доблестные попытки прорваться. В конце концов, с неохотой, им пришлось смириться с неизбежным и отменить попытку.

Запрос патруля SBS на эвакуацию поступил в оперативный штаб *Antrim* вскоре после спасения Чиппи. Гладко это не прошло. Было выказано некоторое недовольство со стороны пары планировщиков. Слишком много, кто-то был настроен решительно. Было ли это действительно необходимо? Не лучше ли им остаться на земле еще на некоторое время, чтобы попробовать еще раз?

К нам это имело мало отношения, если вообще имело, но ни Дэнни, ни мне не нравились эти сомнения. В полку мы всегда шли навстречу человеку. Мы только что, довольно драматично, продемонстрировали свой подход. Мы молчали, поглядывая на Кертиса Ли, офицера связи SBS, который приводил аргументы в пользу просьбы патруля, молча выражая свое сочувствие, как только могли. Он был опытным, зрелым оператором, его суждения отличались здравомыслием. Он знал своих людей. Если они говорили, что этого нельзя сделать, значит, этого нельзя было сделать. Не было смысла желать обратного. Как может кто-то в тылу возражать против этого? Патруль на земле был бы так же предан делу, как и любой из нас. Нелегко «отменить время», часто морально легче продолжать. Они бы постарались сделать все возможное, прежде чем «поставить точку».

Я чувствовал, что в спорах есть что-то еще. Дэнни и я казались частью этого, хотя мы были вне конкретной обсуждаемой тактической ситуации и держались в стороне. Казалось, в этом вопросе кроется что-то, о чем, возможно, не говорят открыто, - о неудачах эскадрона: скорее всего,

Фортуна, и подвели эти чертовы подвесные моторы в заливе Стромнесс. Между SBS и SAS всегда существовало здоровое соперничество. Только в этот момент я уловил непривлекательное подводное течение. Возможно, это отражало решимость одного или двух из SBS избежать того, чтобы их службу в сознании ВМС относили к одной категории с нами. Это было бы разочаровывающе, но вполне объяснимо, учитывая то, что мы все пережили за предыдущий день или около того.

Вскоре здравый смысл возобладал, Кертис выиграл свое дело, и были даны инструкции по возвращению патруля. Это был неприятный эпизод. Мне не очень понравилось, что Кертису пришлось так настойчиво отстаивать просьбу патруля. Еще меньше мне понравилось то, что это могло говорить о наших собственных усилиях, включая возможное падение уважения и доверия ко мне лично. Возможно, это было просто давление, которое начало проявляться, когда наши соответствующие планы и теории подвергались испытанию. Но определенно, за последние двадцать четыре часа или более беззаботное общение во главе вступивших войск уступило место менее легкому состоянию. Существовало подводное течение, которое трудно изолировать, определенное напряжение, которое будет сохраняться.

Мы с Дэнни нашли тихий уголок. Он раскрутил свой кубик Рубика, а затем так же быстро собрал его обратно. Я так и не узнал, как он это делает. И он никогда не показывал мне; и это было не из-за отсутствия недостатка в просьбах! Никто из нас не чувствовал себя особенно оптимистично, Дэнни скрывал свое беспокойство лучше, чем я. Я чувствовал себя очень подавленно. Наряду со всем остальным, мои мысли постоянно крутились вокруг пропавшего патруля Теда. Я надеялся, что мое мрачное настроение не слишком заметно. Я изо всех сил старался их сдерживать. Он пытался подбодрить меня, чувствуя мое уныние. Он был прав. Могло быть и хуже. Мы могли только сделать все возможное. И да, действительно, у нас были подразделения на позиции. Это помогло. Я взял себя в руки. Он снова раскрутил свой кубик.

Следующий день начался достаточно хорошо, за исключением пропавшего патруля. За ночь Теду удалось добраться до «материка». С утомительной периодичностью его подвесные моторы барахлили. С

трудом преодолевая узкий участок воды, они высадились на берег на полпути между Стромнесс и Лейтом и обнаружили вдоль берега спутанное месиво из металла - обломки китобойных станций. Добавьте к этому скользкие камни, и им было нелегко вытащить себя и резиновые лодки на сушу без происшествий. Это заняло у них целую вечность, испытывая их терпение почти до предела. Несмотря на потерю времени, они придерживались своего плана: одна группа двинулась к Стромнесс, другая - к Лейту, третья осталась охранять спрятанные лодки и запасы.

Стромнесс оказался чистым от противника, жутковатым городом-призраком, постоянно вздыхающим и гудящим на ветру. В крайнем случае, он мог бы послужить местом, где можно укрыться от стихии, если бы возникла такая необходимость. Вероятность быть обнаруженным среди его многочисленных зданий была невелика. Патруль отбросил эту мысль и вернулся к лодкам.

Тед и его патруль направились в Лейт, заняв наблюдательную позицию в районе Харбор Пойнт. Внизу виднелись огни. Там было какое-то движение, странная фигура, проходящая перед окном. По ветру разносилось ровное «донк-донк» дизельного генератора. Двигатель заглох в ранние часы, когда аргентинцы расположились на ночлег. Было уже поздно, два часа ночи. Тед на мгновение задумался, объясняя это тем, что латиноамериканцы предпочитают поздние ночи, но потом вспомнил, что оперативная группа работает по ЗУЛУ (время по Гринвичу). Таким образом, мы опережали местное время на четыре часа.

Решение перевести всю оперативную группу на ЗУЛУ было принято оперативным штабом флота с разумной, хотя и обыденной целью - держать всех на одной «вахте», независимо от текущего часового пояса. Это упростило бы управление для всех: координацию встреч, планирование мероприятий, аннотирование документов, регистрацию сигналов. Даже личные часы будут выровнены. Все и вся будут находиться в едином боевом ритме. Это внесло далеко идущий вклад, выходящий за рамки управленческих удобств. Непредвиденное, дополнительное преимущество заключалось в том, что мы постоянно опережали противника на четыре часа. Мы вставали и завтракали

задолго до начала их дня, каждый день. Аргентинцы так ничего и не поняли.

Не все в Лейте спали. В какой-то момент часовой открыл автоматный огонь, напуганный падением камня в его тылу. Патруль, смотревший вниз, заметил его позицию. С рассветом весь гарнизон встал на свои оборонительные позиции: все шестнадцать человек. Офицер совершал обход, останавливаясь у каждого окопа, чтобы перекинуться парой слов. Может быть, и добросовестно, но при этом он точно дал определить местоположение каждого окопа: миномет, еще один пулемет, а вон там радиостанция, предположительно командирский окоп.

Тед отметил, что представленная ему схема охватывала подходы со стороны моря, практически исключая все остальные направления, при этом не особенно умело. Имелась ограниченная глубина, рудиментарная взаимная поддержка между окопами и скудная маскировка. Миномет был «наклонен вперед», смотрел в сторону моря и береговой линии, более или менее перекрывая наши предполагаемые, наиболее вероятные пути продвижения. Хуже, хотя с нашей точки зрения это было лучше, окружающая, более высокая местность оставалась без присмотра. Тем не менее, с нее открывался вид на все. При условии, что враг будет придерживаться своего плана позиционной обороны, можно будет перебить почти весь гарнизон с того места, где патруль стоял на наблюдении.

Это должна была быть работа плохого тактика с минимальным пониманием теории обороны, любителя. Да и войска не отличались особой осторожностью. Вскоре Тед составил карту: каждый окоп, укрытие, другие заметные позиции, распорядок дня противника и рекомендуемый метод атаки. Он не чувствовал необходимости продвигаться дальше; просто вел наблюдение за местностью с того места, где он находился. Отмечайте любые изменения. Он передал все это обратно в оперативный штаб *Antrim*. Мы были воодушевлены. Отчет прояснил ситуацию. Для разгрома врага в Лейте лодочному отряду потребуется лишь незначительное подкрепление. Мы могли сосредоточить оставшиеся силы эскадрона на Грютвикене, если бы это потребовалось. Одновременные или почти одновременные атаки на

Лейт и Грютвикен были вполне осуществимы. Отчет помог уменьшить боль и разочарование предыдущих дней, подчеркнув ценность хорошей, актуальной разведки целей. Он должен был оказаться весьма полезным. Но этого не произошло, поскольку он оказался фактически ненужным из-за всего того, что должно было произойти.

4. Поиск до уничтожения

В конце концов, противник начал играть более активную роль, с которой он так и не смог справиться, поскольку мы реагировали одним способом, а они не смогли эффективно противодействовать другим. Утром 23 апреля, вскоре после того, как доклад Теда поступил в оперативный отдел, *Endurance* обнаружил то, что оказалось одним из двух аргентинских самолетов Hercules C 130 в этом районе. К счастью, корабль избежал обнаружения. Не так повезло *Plymouth*, *Tidespring* и *Brambleleaf*. Их обнаружили далеко к северо-востоку от острова, когда они проводили столь необходимую дозаправку. Третий вражеский самолет, также выполнявший роль наблюдателя, Boeing 707, позже был замечен летящим на низкой высоте над восточным побережьем Южной Георгии. Если воздушная активность не вызывала достаточного беспокойства, то затем *Endurance* перехватил радиопередачу, которая могла исходить только от подводной лодки. Вся эта активность должна была быть связана. Так оно и было. Эти события совпадали с сверхсекретной разведывательной информацией из Нортвуда, предупреждавшей, что враг намерен победить нас на море, используя подводную лодку, находящуюся сейчас в этом районе. ВМС держали большую часть этой информации «в секрете», поэтому некоторое время десантные силы оставались в блаженном неведении относительно угрозы со стороны подводных лодок.

Янг должен был почувствовать, что инициатива перешла к противнику. Вне всякого сомнения, он утратил элемент оперативной внезапности. Аргентинцы знали, что мы находимся в море. Но усилия Теда в Лейте показали, что все еще возможно достичь тактической внезапности на местном уровне, на суше, по крайней мере, в заливе Стромнесс. Чтобы усилить давление, он и его заместитель недавно были опрошены вышестоящим командованием по поводу отсутствия прогресса на берегу и, надо полагать, зыбкой роли спецназа во всем этом. Это побудило его и Гая рассмотреть возможность раннего наступления на Лейт, задействовав эскадрон для использования разведданных Теда, оставив Грютвикен на потом. Когда меня спросили о моем мнении, я предложил, что мы, конечно, можем взять Лейт, если они хотят, не раньше раннего утра следующего дня, если позволит погода. Нам, вероятно, придется

использовать корабельные шлюпки, чтобы скрытно добраться до берега, поскольку мы хотим подобраться к врагу незаметно, начав атаку с первыми лучами солнца, чтобы застать его на известных позициях.

Фактически Лейт выглядел подходящим вариантом в любое время при условии, что он останется таким, каким его нашел Тед. Можно было ожидать, что его ранняя потеря для врага подорвет дух в Грютвикене, их предполагаемом главном месте. Но, с другой стороны, может ли движение против любой менее значительной цели быть истолковано как признак нашей слабости, а не силы, как недостаток уверенности? Может ли это укрепить решимость противника? И чего именно можно добиться, взяв Лейт без Грютвикена? Мы могли понести потери и раскрыть еще больше своих карт без ощутимого выигрыша, потому что на каком-то этапе нам обязательно придется взять Грютвикен. Взятие Лейта на ранней стадии и в одиночку, казалось, ничего не добавляло. В конце концов, было решено, что мы должны продолжать действовать на суше, как и раньше: разведка, предшествующая штурму Грютвикена морской пехотой в качестве основной операции, а Лейт должен быть вписан в нее как можно лучше. Как и следовало ожидать, большая часть меня находила идею о том, что эскадрон даст ранний результат при скромном риске, очень привлекательной, компенсируя некоторые из предыдущих разочарований.

Командир оперативной группы с его более широкими обязанностями чувствовал себя обязанным в первую очередь устранить растущую морскую угрозу, а дела на суше должны были подождать. Это должно было быть правильным; неудача на море грозила полным поражением. Это было мудрое решение. Янг принял решение, предупредив свои корабли, чтобы они приготовились к решительной противолодочной борьбе. Сухопутные войска он оставил продолжать разведку. Так мы и поступили, большинство из нас на тот момент еще не знали о существовании подводной лодки.

Если капитан Янг и сомневался в своих приоритетах, то они развеялись на следующее утро, когда Всемирная служба Би-би-си передала аргентинское сообщение о присутствии двух военных кораблей и транспортного корабля у берегов Южной Георгии. Это сообщение

фактически подтвердило, что военно-морские и военно-воздушные силы противника обнаружили нас, если не полностью, то уж точно частично. К тому времени *Tidespring*, наш жизненно важный танкер RFA с ротой Королевской морской пехоты, был выведен в безопасную зону в 200 милях к северо-востоку.

Endurance с 16 отрядом держался вблизи берега, где любой подводной лодке было бы трудно его обнаружить, не говоря уже о том, чтобы вступить с ним в бой. В море его шумные дизельные двигатели, не соответствующие военным стандартам, должны были выдать себя. Скрываясь среди фьордов, он оставался мощной угрозой, готовый нанести удар своими вертолетами WASP, вооруженными ракетами класса «воздух-поверхность».

Antrim тоже отступил, чтобы занять более выгодную позицию для проведения ПЛО-поиска. Естественно, у SHQ и горного отряда не было другого выбора, кроме как идти с ним, чтобы стать совершенно ненужными сторонними наблюдателями. Такова природа морской войны для десантных сил.

По оценкам Нортвуда, оперативной группе предстояло сразиться с *Santa Fe*, бывшей океанской подводной лодкой ВМС США класса «Гуппи» времен Второй мировой войны. Ее дизель-электрическая силовая установка позволяла ей при необходимости зависать и оставаться неподвижной в погруженном состоянии. Это позволяло ей выполнять тонкую и осторожную работу в прибрежной зоне. Возможно, лежать в засаде. И она была достаточно тихой. Ее было бы трудно найти. Может быть, старинная, но вооруженная современными торпедами, лодка-ветеран, вполне подходящая для такой работы. Шансы были равны.

Подводная лодка вышла из Мар дель Плата десятью днями ранее. По расчетам разведки флота, она должна была оказаться в районе Южной Георгии примерно 24-25 апреля. Радиоперехват *Endurance* подтвердил эту оценку. Принимая во внимание всю имеющуюся информацию, включая то, что мы знали о Лейте, оперативный штаб *Antrim* считал, что субмарина, скорее всего, направится к Грютвикену, ночью выгрузит подкрепление и припасы, а затем снова выйдет в море, чтобы атаковать

нас. Если они были правы, мы могли ожидать, что она выйдет из залива Камберленд рано утром следующего дня!

Нортвуд держал в курсе событий командующего главной оперативной группы контр-адмирала Сэнди Вудворда. Сам подводник, он понимал опасности, грозящие силам операции «Paraquet». Он видел, что нам не помешало бы больше вертолетов, не только для переброски войск, чтобы восполнить потери на Фортуне, но и для ПЛО. Он послал HMS *Brilliant*, фрегат типа 22. Под командованием Джона Коварда он оказался не только блестящим по названию, но и блестящим по характеру на протяжении всей войны, всегда оказываясь на месте, когда это было необходимо.

Brilliant настиг оперативную группу как нельзя вовремя. Он привез два вертолета Lynx и еще один гидролокатор, установленный на корпусе, - самое современное оборудование ВМС для ПЛО. Было бы легко не заметить этого, списав такое развитие событий на удачу. На самом деле, ее своевременное прибытие было результатом разведки в сочетании с профессиональным предвидением и абсолютно решительным осуществлением запланированного вмешательства. Капитан Ковард примчался на место происшествия, доведя свой корабль до предела, зная, что у него в запасе мало времени. Удача имела к этому мало отношения.

План командира оперативной группы был прост. Он держал Лейт под наблюдением Теда, который наверняка сообщит о появлении любой подводной лодки. Поэтому он сосредоточится на Грютвикене и заливе Камберленд, как предполагала разведка. Однако, чтобы запутать ситуацию, пришло еще одно сообщение с полевой станции Британской антарктической службы, расположенной на острове Берд, на самой северной оконечности Южной Георгии. Ученые утверждали, что видели два вражеских военных корабля и реактивные самолеты. Янг отнесся к этому скептически, правильно полагая, что за предыдущие дни они наверняка видели элементы оперативной группы, приняв их за аргентинцев. Тем не менее, он учел в своих планах вероятность того, что отчет окажется правдивым. Его военные корабли должны были двигаться ко входу в залив Камберленд, проводя ПЛО по мере

продвижения. Учитывая расстояния, они не успеют вовремя поймать любую подводную лодку, выходящую на поверхность с первыми лучами солнца на следующее утро. Для этого ему придется полагаться на свои вертолеты.

В распоряжении Янга теперь было шесть летательных аппаратов, но только его собственный, почтенный Wessex III, вездесущий «Хамфри», был оптимально оборудован для противолодочных операций. Слава Богу, вертолет и его экипаж прошли через Фортуны. *Brilliant* мог предоставить два современных Lynx. Они имели ограниченные возможности для поиска ПЛО, но были вооружены самонаводящимися торпедами. Наконец, *Endurance* и *Plymouth* могли предложить три вертолета WASP; они не имели возможности поиска за пределами видимости, но были вооружены ракетами AS 12. Примитивная по современным стандартам «выстрелил и забыл», AS 12 должна была наводиться на цель вручную оператором с помощью джойстика. Это требовало виртуозности в благоприятных условиях и героического уровня устойчивости во время операций.

И снова судьба будет зависеть от профессиональных навыков и возможностей авиации флота. Действительно, наши жизни, не говоря уже об оперативном успехе, находились в их руках. Они знали это. Ничто не было оставлено на волю случая. Все было перепроверено: вертолеты, оружие, тактика, координационные инструкции. Ничто не было упущено из виду. Они полностью осознавали задачу и ее ужасающую серьезность. Невозможно сделать ничего другого, кроме как уничтожить вражескую подводную лодку, если она обнаружена и намеревается атаковать. Взять на бордаж - не вариант. Призывать ее к сдаче также нецелесообразно. Вражеская подводная лодка должна быть обнаружена, а затем уничтожена - никаких «если», никаких «но». В военно-морском флоте есть выражение для этой работы, недвусмысленное, бескомпромиссное, если не сказать архаичное: «поиск до уничтожения».

Ян Стэнли и его команда должны были возглавить и контролировать поиск с воздуха. Стартовав с восьмидесяти миль от берега, они намеревались войти в залив Камберленд с первыми лучами солнца 25 апреля, вооружившись двумя глубинными зарядами - оружием

практически того же класса, что и подводная лодка, которую они надеялись найти. Одновременно два Lynx с *Brilliant* должны были проверить район второстепенной важности у залива Поссешен. Они должны быть готовы прийти на помощь «Хамфри» в случае необходимости, захватив с собой самонаводящиеся торпеды. Вооруженные WASP AS 12 должны были оставаться на палубе в состоянии боевой готовности, готовые усилить тот район поиска, в котором будет обнаружен «товар».

Я узнал о «поиске до уничтожения» рано утром того дня. Впервые я почувствовал это, лежа в своей койке. Это разбудило меня. Что-то случилось. Корабль шел вперед, целенаправленно, уверенно, с легким ryzyканием по волнам. В выраженном, непрерывном и ритмичном движении чувствовалось нетерпение, явное ощущение целеустремленности. Странно, как машины могут приобретать личные качества; в тот момент корабль чувствовал необычайное стремление, полную концентрацию на неотложном деле. Это заставило меня встать с постели. По пути в кают-компанию за пивом, толкаясь от движения, все, мимо кого я проходил, казались более оживленными, чем обычно. Волнение было осязаемым. Я быстро перекусил сэндвичем с беконом и кружкой чая, а затем отправился узнать больше, но персонал кают-компания не смог предложить ничего, кроме подводной лодки и Камберлендской бухты.

В нашей оперативной комнате были известны только самые общие контуры. Военно-морской флот был уверен: где-то там находится вражеская подводная лодка. Мы направлялись к заливу Камберленд, наиболее вероятному месту ее обнаружения. От нас уже поднялся «Хамфри», а Lynx с *Brilliant*. Он только что прибыл на подкрепление. Пока ничего не обнаружено. Инстинктивно я направился к нижнему мостику, чтобы полюбоваться видом. Место было в моем распоряжении. Это не должно было удивлять. Смотреть было бы не на что. Кроме того, экипаж был на своих боевых постах, укомплектовывая свою часть корабля, теперь уже явно единую, сложную машину морской войны, нацеленную на разрушительные цели. Снаружи все выглядело как всегда мрачно: серо, ветрено, волны покрыты барашками, но в кои-то веки волна относительно легкая, под обычными плотными низкими облаками,

изредка пробивающимися лучами зимнего солнца. Залив Камберленд лежал в семидесяти милях от нас, и мы находились далеко в море, вне видимости суши.

Через некоторое время ко мне присоединился морской офицер, не находящийся на вахте. Он должен был отдыхать. Но ему тоже нужно было осмотреться. Он подтвердил то, что я уже знал: у нас почти наверняка есть подводная лодка, возможно, у Грютвикена. Мы стояли в товарищеской тишине, расставив ноги, наслаждаясь стремительным, нетерпеливым продвижением *Antrim*, его нос методично поднимался и опускался, брызги взлетали вверх, уносимые ветром. Он делал то, для чего был создан: сражался. И он наслаждался этим, освобождением, чувством уверенности, которое приносит действие, море в кои-то веки позволяло ему беспрепятственно идти вперед.

Затем капитан Янг приказал поднять боевой флаг.¹⁸ Я понял намек без слов, но мой спутник все же объяснил: атака началась. Мы обнаружили врага и приближались к нему, чтобы убить. Вертолеты могли возглавлять атаку, находясь за пределами видимости корабля, но они были нашими, частью системы вооружения *Antrim*. Следовательно, и сам корабль был задействован, вел бой. Мы шли туда. Это было захватывающе, почти опьяняюще. Я не знал, чего ожидать. В памяти всплывали сцены из мальчишеских фильмов: «Жестокое море», «Потопить «Бисмарка», «Битва за Ривер Плейт». Я представлял, как Янг в исполнении Джека Хокинса стоит там, наверху, суровый, с горящими глазами-фонарями, в плащ-палатке, с биноклем на шее, в одном из тех темных головных уборов с козырьком, которые теперь, к сожалению, почему-то исчезли из гардероба ВМФ, и ведет нас на встречу с судьбой, наклоняясь к

¹⁸ Военный флаг (боевой флаг, штандарт, флаг армии, флаг вооружённых сил) — вариант государственного флага, используемый сухопутными вооружёнными силами страны.

Военный флот, как правило, имеет отдельный военно-морской флаг. В настоящее время большинство стран используют в качестве военного флага государственный флаг. Прим. перев.

летающим брызгам. На *Antrim*, конечно, был закрытый мостик – и тем не менее!

Ян Стэнли вошел в залив Камберленд с первыми лучами солнца, погода была относительно спокойной для Южной Георгии (Карта 3). Бодрый прибрежный ветер гнал рваные клочья тумана, видимость то возрастала, то сокращалась и, вероятно, улучшалась по мере появления слабого солнца. Крис контролировал действия ASW. Он решил не использовать свой радар, опасаясь предупредить подводную лодку. Вместо этого весь экипаж использовал «Mark 1 Eyeball», Ян и Стюарт наблюдали спереди, Крис - через иллюминатор, а Фитц - через дверь. Это не сработало. Они искали маленькое темное пятнышко подводной лодки на поверхности, скрытое мраком и дрейфующим туманом. Крис предложил дать единственный импульс своего радара, буквально одну-две секунды. Это могло бы сыграть решающую роль и ускользнуть от внимания любого вражеского слушателя.

К тому времени Ян уже влетел далеко в залив, параллельно его восточному побережью, держась как можно дальше от Грютвикена, маскируя «Хамфри» на фоне серого берега позади. Крис посоветовал им вернуться ко входу в залив, чтобы посмотреть на радар. Это позволит увидеть море, а также оба рукава Камберлендского залива, восточный и западный. Ян повел «Хамфри» по кругу, плавно поворачивая. Уклоняясь от тумана, они вскоре достигли наилучшей позиции. Ян сообщил об этом Крису, который включил и сразу же выключил радар. Мгновенно на экране появились всплески, которые медленно исчезали. Айсберги. Как и ожидалось. Он следил за их перемещением в течение предыдущих дней, присвоив каждому свое обозначение. Все они были там, где должны были быть, за исключением одного небольшого эха. Он знал, что у него что-то есть. Оно не вписывалось, точно находилось не в том месте. Он предупредил Яна, указав пеленг и расстояние.

Ян осторожно вывел «Хамфри» на заданный курс. Через минуту или около того Ян объявил своему экипажу ровным, спокойным тоном, мягко, без намека на волнение: «Подводная лодка впереди». Он оттянул назад регулятор, уменьшив обороты, чтобы поднять нос вертолета вверх, сбрасывая скорость, чтобы держать его на значительном расстоянии от

лодки, «Хамфри» - хищник, подкрадывающийся к своей замеченной добыче. Ян и Крис быстро посоветовались, перебрасываясь скупыми фразами по внутренней связи. Они согласились, вне всяких разумных сомнений, что это должна быть подводная лодка класса «Гуппи», точно по прогнозу: *Santa Fe* вышла из залива Камберленд точно в срок.

Ян еще немного сбросил скорость и перешел в состояние почти зависания, держась далеко за кормой, чтобы слиться с серым туманом и фоном побережья Южной Георгии. Крис быстро подсчитал параметры, вычисляя точку сброса глубинных бомб. Он бы сказал, что математика была простой, он был умным человеком и однажды станет адмиралом. Он указал Яну скорость и высоту, на которой нужно двигаться, сообщив ему, что глубинные бомбы должны быть выпущены в тот момент, когда они пройдут над рубкой подводной лодки. Это позволило сделать бросок вперед. Ян опустил «Хамфри» на рекомендованную высоту, расположив его прямо за целью. Подводная лодка продолжала свое целенаправленное движение в море, не обращая внимания на угрозу.

Когда все было готово, «Хамфри» сделал шаг, ускоряясь для атаки. Крис откинул предохранительный колпачок тумблера сброса бомб. Теперь они находились на точно рассчитанной высоте и скорости. Он мог различить темное море, стремительно проносящееся внизу, между его ногами, через щель между корпусом гидролокатора и каркасом вертолета. Он видел легкую волну, усеянную белыми брызгами, странно знакомую при совершенно необычных обстоятельствах. «Хамфри» перешел на малую скорость: ровно 100 узлов. И вот оно, в одно мгновение море, а затем черный, зловещий металл корпуса подводной лодки, проплывающий внизу. Крис нажал на спуск, когда Ян отдал приказ. Две имеющихся глубинных бомбы понеслись по дуге вперед. Одна из них задела ограждение рубки, проносясь мимо, и упала перед лодкой, обе погрузились на глубину тридцать футов, когда подводная лодка прошла мимо.

Два взрыва, как и было задумано, ударили в середину корпуса подводной лодки. Лодку подкинуло вверх и накренило на один борт, корма полностью вышла из воды, гребные винты на мгновение затрепетали. Внизу, в один момент, царил порядок, тишина, экипаж

готовился к погружению, отвечая на тихо переданные приказы о том, что война переходит к нам, а в другой - суматоха: тела разлетались, свет мерцал, лампочки разбивались, кабели и шкафы срывались с переборок, искры трещали, трубы лопались, струи пара и обжигающей воды, запах и дым горячей проводки. В одно мгновение успокаивающее занятие - прохождение хорошо отработанных действий - превратилось в жестокую борьбу за выживание. Все было перевернуто.

Ян и его команда знали, что лодка, должно быть, повреждена и почти наверняка не сможет безопасно погрузиться. Она металась туда-сюда, сначала в борьбе за управление, потом в попытке уйти от невидимых нападавших. Но нападавших было не сбросить. Они также не могли проявить жалость или сострадание. Это могло быть позже. Пока же подводная лодка должна перестать быть угрозой. Никаких сомнений, никаких «может быть», все должно закончиться уничтожением субмарины. Ян отошел на 400 метров от пораженной субмарины, чтобы Фитц вступил в бой со своим GPMG, пытаясь уничтожить сонары, мачты антенн и иным образом удерживать вражеский экипаж внизу, откуда они не смогут хорошо видеть, чтобы ориентироваться. Он передал на *Antrim* доклад о ситуации и вызвал остальные вертолеты. В этот момент по всей оперативной группе раздались боевые сигналы.

Первым прибыл один из *Lynx* с *Brilliant*, пилотируемый Ником Батлером и Барри Брайантом. «Хамфри» передал им управление боем, а сам ушел на *Antrim* для дозарядки. К этому времени *Santa Fe* успела развернуться. Медленно погружаясь кормой и сильно кренясь, она пыталась бежать в относительную безопасность аргентинского гарнизона в Грютвикене. Ее командир, капитан Бикейн, вполне порядочный, мягкий и культурный человек, как нам предстояло узнать, увидел в перископ приближающийся *Lynx*. Он с ужасом наблюдал за падением торпеды. Он знал, что это должна быть Mark 46, способная наводиться на цель, отслеживать подводную лодку на глубине 1000 футов, прежде чем взорваться в корпусе своей жертвы. У этого оружия была смертоносная репутация, оно считалось одним из лучших в своем роде. Ему и его команде, вероятно, оставалось жить считанные минуты.

Бикейн сохранял спокойствие, скрывая свои знания и страхи от экипажа. Ни он, ни они не могли сделать многого, чего уже не было сделано. Остаться на ходу. Вернуться в Грютвикен. И верить, что лодка будет слишком близко к поверхности, чтобы торпеды могли добраться до них. Его вера принесла дивиденды. Торпеда стартовала достаточно охотно, «выныхивая» свою добычу, бросаясь туда-сюда, в какой-то момент пройдя прямо под кормой подводной лодки, а затем ушла куда-то за ее пределы. Неважно, Батлер и Брайант были довольны. Они ожидали этого. Они продемонстрировали угрозу. Это должно было удержать подводную лодку на поверхности для WASP, оснащенных AS 12, которые уже были на подходе. Они продолжили атаку, используя установленный на двери GPMG, подражая усилиям «Хамфри» по уничтожению датчиков подводной лодки и другого открытого вспомогательного оборудования. Огонь лился внутрь и ограждения рубки, снаряды отскакивали от бронированного корпуса.

Затем прибыли три WASP, все жаждали ввязаться в бой, BMC не были настроены сдерживаться, поскольку их «поиск до уничтожения» приближался к своей кульминации. Lynx сохранили тактический контроль над действиями, поочередно направляя вертолеты вперед. Аргентинским зрителям на берегу они показались роем, воздух был наполнен вертолетами. WASP сосредоточили свою цель на стыке ограждения рубки с корпусом, под которым находится нервный центр субмарины. Несколько ракет не взорвались, пройдя через легкое стекловолокно ограждения, материал которого был недостаточно твердым для детонации боеголовки. Вертолет за вертолетом, их экипажи отстреливали все, что попадалось под руку, когда ракеты были израсходованы: дверные GMPG, винтовки. На одном из этапов пилот даже достал свой пистолет, но потом одумался и убрал его в кобуру.

Santa Fe героически отбивалась изо всех сил. Рубка подверглась настолько сильному обстрелу, что командиру пришлось остаться внизу, чтобы ориентироваться с помощью перископа, как и предполагали нападавшие. В отчаянии вверх был послан моряк, чтобы попытаться отбиться от нападающих вертолетов с помощью пулемета. Стреляя через узкий проем, он оказал бесполезное, поистине доблестное сопротивление, но был неминуемо ранен, потеряв ногу от

неразорвавшегося AS 12. Бедняга упал обратно в оперативный отсек, что еще больше усилило ощущение беды.

Наконец, подводная лодка, с трудом ковыляя, добралась до причала в Кинг Эдвард Пойнт в Грютвикене. Вертолеты начали обстреливать осажденный гарнизон, так как солдаты неистово пытались помочь своим товарищам на пострадавшей лодке. Ян Стэнли вернулся с «Хамфри», что позволило Крису снова взять в свои руки управление односторонним сражением. Он и Ян увидели, что подводная лодка повержена и больше не является реальной целью. Они объявили отбой.

5. Вход

Позднее многие могли бы заявить, что они распознали решающий момент, момент, когда инициатива полностью перешла к нам, когда правильная реакция позволила бы нанести поражение нашему врагу. Возможно, все они были бы правы, так как военная организация является странной органической структурой, мысль или чувство иногда возникают быстро и почти бессознательно. Однако я считаю, что мой морской товарищ распознал это раньше меня.

Мы вдвоем, все еще находившиеся на нижнем мостике и глядящие через нос корабля, могли только ощущать события, разворачивающиеся перед нами, на виду у аргентинского гарнизона в Грютвикене. Однако, обратившись ко мне, он предположил, что это должно все изменить. Мы показали свои карты, потеряли оперативную внезапность. Зачем еще ждать завершения разведки передовыми силами? Разве враг не был в состоянии шока? Предположительно, они рассчитывали, что подводная лодка нанесет нам поражение. Теперь у них не было средств победить. Они должны увидеть, что игра окончена. Конечно, нам нужно сделать немного больше, чем просто приплыть и вернуть это место.

Возможно, несколько неуверенный после наших неудач, я ответил, что было бы неплохо узнать больше об обороне Грютвикена, прежде чем решиться на штурм среди бела дня. Есть ли на мысах орудия, способные повредить приближающийся военный корабль? Были ли мины на суше или в море? Я проанализировал неблагоприятные относительные преимущества. Рота морской пехоты была в нескольких часах пути. И если бы мы пошли с одним только эскадронном, численное преимущество противника было бы еще больше. Всегда существовала проблема соотносимых сил, отсюда и наша решимость добиться тактической внезапности. Я продолжал болтать в довольно снисходительном тоне. И тут меня осенило. К черту тщательность штаба и любую осторожность, проистекающую из недавнего несчастья, если проблема в этом. Нужно взять себя в руки. Не сдерживаться. Это был момент, когда нужно было действовать инстинктивно, быстро и яростно, действовать так, как говорят немцы - *Fingerspitzengefühl* - кончиками пальцев, интуитивно. Мой флотский товарищ попал в точку. Я так ему и

сказал. Не надо больше возиться. Ситуация решительно изменилась. Появилась возможность. Воспользуйся ею. Я отправился на поиски Гая Шеридана, зная, что только он сможет достучаться до капитана Янга в разгар поисков на уничтожение.

Вскоре я нашел Гая. Я не берусь предполагать, были ли у него такие же мысли или нет. Но он тоже понял, что время пришло. Он должен был выбрать момент, чтобы подойти к командиру. Он знал флот. Они будут поглощены *Santa Fe*. Возможно, у него будет только одна возможность сделать свое предложение. Тем не менее, мы решили предупредить войска о возможном быстром перемещении.

К позднему утру все вертолеты вернулись на корабли, а экипажи заслуженно сияли от успеха. Они были великолепны, «Хамфри» - бесподобен. Они нашли угрозу и преследовали ее с абсолютной решимостью. Мы гордились ими и были благодарны. Одним махом они устранили смертельную опасность и привели нас к победе. Еще один рывок, и день будет за нами. Работа сделана!

Но началось казавшееся бесконечным «подведение итогов», когда все были опрошены, чтобы установить точный статус подводной лодки и возможную более широкую морскую картину. Даже экипажи самолетов стали проявлять нетерпение. Время шло. Было трудно добиться того, чтобы голос с суши был услышан. Ярость угасала. Проходит ли момент? Прошел ли он уже?

Это был разочаровывающий эпизод. Полностью освободившись от необходимости концентрироваться на других вопросах, кроме морских, десантные силы изменили свое мышление. Мы отказались от тактической внезапности в пользу шокового оперативного воздействия. Тактическая внезапность была потеряна, но мы должны были воспользоваться моральным превосходством флота над противником. Аргентинский гарнизон, должно быть, находится на грани психологического коллапса, их надежды разбиты, их оборонительная стратегия разрушена. Нам нужно было добить их. Они только что стали свидетелями потери своей передовой и главной линии обороны из-за роя вертолетов. Бог знает, что они думают о том, что их ждет за этим. Мы

должны подпитать их страх, войти, пока они не успели опомниться, угрожать им всем, что попадется под руку. Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Военно-морской флот, безусловно, разделял это стремление, просто будучи гораздо более взвешенным в этом вопросе. Их забота имела смысл. Им нужно было убедиться, что подводная лодка больше не представляет опасности, что поблизости нет другой морской угрозы, благодаря чему они смогут отвлечься от подступов к морю и полностью сосредоточиться на Грютвикене. Ошибетесь, и ошибка может привести к потере корабля, а возможно, и к провалу всей операции.

Возможно, это говорило о разнице между военно-морским способом ведения боевых действий с кораблей и других платформ и более индивидуально распределенной формой ведения боевых действий сухопутных сил. Одна ошибка в море - и последствия могут быть катастрофическими, что в мгновение ока приведет к потере всего экипажа. Допуски часто были точными, многие риски, очевидно, поддавались измерению. Война на суше несла свои опасности, а также инструменты и дисциплины для их смягчения; но ее физика, казалось, предоставляла больше возможностей исправить ошибку. Просто на суше не так легко одним махом потерять целое подразделение тактически рассредоточенных людей, как на море. Это не значит, что морские силы не могут или не будут идти на риск, руководствуясь инстинктом. Королевский флот, безусловно, может пойти на просчитанный риск, и у него есть блестящая история, когда он делал именно это. Но есть различия, и во время кризиса, каким бы незначительным он ни был, они могут неприятно сказаться, особенно в случаях, где взаимодействующие силы незнакомы друг с другом.

В конце концов, все пришло в равновесие, были подсчитаны затраты и выгоды, морские императивы уравнены, потребности и предпочтения сухопутных войск совпали: капитан Янг приказал атаковать с воздуха, моря и суши, чтобы вернуть Южную Георгию тем же днем.

Были рассмотрены различные варианты штурма. Артиллеристы предполагали просто войти в залив Камберленд, чтобы разнести

противника в пух и прах. В какой-то момент Гай высказался за то, чтобы броситься на врага, воспользовавшись его предполагаемой полной деморализацией. Нам, спецназовцам, это было не очень интересно, мы предпочитали оказаться на земле в относительно безопасном месте, а затем двинуться туда, чтобы развить ситуацию от того положения, в каком мы ее обнаружили, что должно было смягчить недостаток разведки целей у оперативной группы и потерю тактической внезапности. План, в конечном итоге принятый и утвержденный капитаном Янгом, демонстрировал необходимую степень осмотрительности, отражая его основательный и осторожный характер.

У противника, вероятно, было до 100 человек на подготовленных оборонительных позициях, использующих целый ряд неприятных устройств: мины, проволочные заграждения, стационарные пулеметы, заранее пристрелянные минометы и тому подобное. Мы не знали, как именно они расположились, но их позиции должны были быть взаимоподдерживающими, охватывать все вероятные подходы и располагаться так, чтобы иметь возможность поглотить атаку и разбить ее. Если бы они были достойны своей цены, они бы выставили заслон, чтобы засечь нас при приближении. Они бы использовали это, чтобы сформировать нашу атаку, втягивая нас в выбранные ими зоны поражения. Нельзя было сбрасывать со счетов и экипаж подводной лодки; по крайней мере, они могли бы укрепить тылы, занять позиции для отступления.

Рота Королевской морской пехоты на RFA *Tidespring* находилась за пределами района, на расстоянии 200 миль. В остальном, сухопутные силы располагали примерно семьюдесятью пятью бойцами из числа доступных боевых кораблей, что значительно меньше, чем у противника, и лишь 25% от числа, необходимого для штурма, если действовать в обычном соотношении 3:1. На каждом корабле имелся небольшой отряд пехотинцев, всего около дюжины. В остальном, из своих первоначально высаженных сил Гай смог собрать одну минометную группу, несколько разведгрупп, две группы содействия артиллерии BMC (NGA) и группу SBS. К счастью, у него были и мы - эскадрон SAS из трех отрядов, лодочный отряд находился в Лейте. Штурмовые силы, возможно, и были случайными, но их ядро - SAS. Эскадрон прибыл закаленным,

сплоченным и привыкшим к неожиданностям. У нас также было много поддержки: вертолеты с ракетами и два военных корабля со скорострельными 4,5-дюймовыми орудиями. Огромная, неудержимая мощь, этого должно быть достаточно.

Мы разбили штурм на две части, играя на нашем уверенно предполагаемом моральном превосходстве и оставаясь верными указаниям Нортвуда, чтобы избежать ненужных человеческих жертв и ущерба имуществу. В первую входили «пехотинцы», во вторую — «боевая огневая поддержка», артиллерия и вооруженные вертолеты. Обычно их рассматривали бы как две части одного целого, огневая поддержка помогает пехоте достичь своей цели. В каком-то смысле так и осталось. Но в данном случае мы обнаружили, что полезно видеть различие, рассматривать их как работающие обособленно и взаимодополняющим образом, по крайней мере до тех пор, пока не возникнет необходимость объединить их для достижения единой тактической цели.

Таким образом, эскадрон должен был десантироваться на сушу, чтобы целенаправленно и методично теснить врага. В то же время пушки будут стрелять по другим целям, чтобы продемонстрировать угрозу нашей подавляющей мощи. Только если у десанта возникнут проблемы, они объединятся. Затем, после подавления любого локального сопротивления, процесс возобновлялся. По сути, мы проявили бы сдержанность, применяя прямую силу только по мере необходимости, а уровень эскалации выбирали бы они, а не мы, в зависимости от степени их сопротивления; как говорится, для танго нужны двое. Таким образом, мы надеялись, что нам удастся избежать боя лицом к лицу, что наш враг поступит достойно и сдастся. Мы, конечно, предоставим им все возможности.

Прежде чем продвигать войска вперед, чтобы создать условия для «прессинга», необходимо начать движение с места, находящегося далеко позади и вне зоны контакта. Ни в коем случае наши передвижения по местности не должны позволить противнику вернуть инициативу. Мы не должны быть втянуты в равное противостояние или даже хуже. Что касается плана огня, орудия должны были начать с

интенсивной концентрации на коротком, но безопасном расстоянии от Кинг Эдвард Пойнт, главной позиции противника. В противном случае они и вооруженные вертолеты будут в приоритете, чтобы поддержать наступающие войска, если потребуется.

Ввиду нехватки времени и прочего, эта концепция так и не была сформулирована таким образом в командном составе оперативной группы. Впрочем, это не имело значения. Эскадрон должен был возглавить наступление на суше. Я знал, как мы это сделаем, и бойцы тоже. Как единственное сформированное маневренное подразделение на земле, мы должны были определить основную тактику и руководить ближней огневой поддержкой; по крайней мере, я так думал.

Изучение карты показало ровную местность, Хестеслеттен, примерно в 2000 метрах к югу от Грютвикена. Она выглядела свободной от подготовленных вражеских позиций, что делало ее вероятной зоной высадки (LZ) для наступления. Между возможной зоной высадки и Грютвикеном находилось значительное препятствие - гора Браун с отходящим от нее хребтом, спускающимся к морю. Гора закрывала зону высадки от противника со стороны Кинг Эдвард Пойнт, но с нее также открывался вид на зону высадки и южные подходы к поселению. Фактически, с нее открывался вид на всю окружающую территорию. Нам это не нравилось, совсем не нравилось, потому что тот, кто удерживал гору, удерживал эту часть Южной Георгии. С военной точки зрения это была «жизненно важная земля»¹⁹. Следовательно, противник должен был непременно удерживать ее. И если они это сделали, нас могли ожидать тяжелые времена.

Мы изучали карту в поисках других вариантов. Мы проконсультировались с *Endurance*. Их не было. Учитывая срочность ситуации, необходимость одержать верх над дрогнувшим противником, мы должны были обойтись тем, что у нас было, высадившись как можно южнее и дальше от горы Браун. Чтобы еще больше снизить риск, район зоны высадки и склоны, с которых открывается вид, будут подвергнуты

¹⁹ Vital Ground, специальный термин, относящийся к местности такой важности, что она должна быть удержана или контролируема для успеха миссии.

профилактическому обстрелу непосредственно перед высадкой. Это позволит нам высадиться на берег. Однако оставался хребет. Нам все равно придется иметь с ним дело. Но как только мы окажемся на вершине, для противника все должно было закончиться. Мы будем смотреть вниз на Грютвикен и его окрестности. Я действительно не хотел вовлекать эскадрон в то, что могло быть равносильно полной лобовой атаке роты традиционного образца. Но гора Браун была ключом, и если это было то, что требовалось для победы, то мы так и поступим - не раньше, чем я применю всю имеющуюся огневую мощь, включая вооруженные вертолеты, чтобы выбить все найденные вражеские окопы.

Мы планировали переправлять десант на берег с помощью двух Lynx с корабля *Brilliant* и «Хамфри», что давало нам возможность перебрасывать двадцать четыре человека за вылет. Корабли должны были находиться близко к берегу, в трех или четырех милях от зоны высадки, что давало бы короткое плечо доставки. Но даже в этом случае, чтобы доставить все силы на берег, может потребоваться до часа, что более чем достаточно для реакции противника. Вместо того чтобы ждать, пока все прибудут на зону высадки, я предпочел смелость, чтобы двигаться быстро и с теми, кто прилетел первой партией, чтобы направиться прямо к хребту. Только если бы мы столкнулись с сильным и собранным противником, мы бы стали ждать всех, прежде чем расчищать площадку.

Возможно, у нас была слишком общая концепция операции, но мы не слишком задумывались о том, «что если». Времени на это практически не было. Что, если мы обнаружим мины в зоне высадки? Что, если они попытаются лишить нас зоны высадки с помощью непрямого огня? Что если нам не удастся взять хребет горы Браун? Что, если мы не встретим их, пока не войдем в китобойную станцию? Что, если бы они заминировали подходы к Кинг Эдвард Пойнт? Что, если они будут сражаться упорнее, чем ожидалось, а наши предположения относительно их морального духа оказались неверными? Что, если флот был бы вынужден отступить, чтобы противостоять морской угрозе, оставив нас на берегу без поддержки?

В устном приказе эскадрону я объяснил, как мы будем продвигаться к противнику на расстояние пулеметного выстрела, а затем выцеливать отдельных людей. Если дело дойдет до драки, мы также применим морскую артиллерию, минометы, ПТРК MILAN и AS 12. Это может показаться осторожным, но должно сработать. Я подчеркнул важность горы Браун, что нам, возможно, придется штурмовать ее. Когда я закончил, Дэнни спросил, может ли он сказать несколько слов. Он выступил вперед, чтобы подчеркнуть необходимость сдержанности. Он напомнил нам всем, что противник - это солдаты, как и мы, они тоже выполняют приказы и имеют семьи. Хотя их следует бить, когда это необходимо, здесь не должно быть места беспричинному насилию. Одно дело - жесткая атака, совсем другое - неоправданное убийство.

В итоге мы выдвинулись примерно в 14:30 часов по ЗУЛУ при идеальной погоде для этой работы. У нас оставалось не так много светового дня, возможно, пять или шесть часов. Горный отряд должен был идти первым. Они уже полностью восстановились после Фортуны и были готовы приступить к работе. Я решил присоединиться к ним, взяв с собой связиста. Это может оказаться самой сложной частью всего дела; лучше всего быть на месте с самого начала. Предстояло принять одно или два важных, ранних решения. Дэнни останется на *Antrim*, чтобы держать нас на связи с командиром оперативной группы. Гай Шеридан и командир роты морской пехоты тоже намеревались высадиться, так что у нас не было командиров для тактического управления моим небольшим отрядом «штурмовиков». Я не думал об этом.

Поскольку эскадрон должен был возглавить «атаку», будучи единственным доступным сформированным подразделением, мы могли бы быть назначены тактической главной силой. Но было не так. Тогда мы все еще только нащупывали свой путь, не имея опыта в искусстве совместного боя. Действительно, очень немногие из нас ранее участвовали в чем-то подобном разворачивающейся операции: высадка группы спецназа, маскирующегося под стрелковую роту, и некоторых других «на подмоге», осуществляемая на вертолетах, оптимизированных для морской войны, на удерживаемое противником побережье, с военных кораблей, не подготовленных специально для амфибийных операций. Действительно, различные элементы объединенных сил

Оперативной группы никогда не действовали вместе до этого момента, за исключением тайных разведывательных операций. Это была импровизация в самом крайнем ее проявлении. Мы действовали без репетиций, не имея никаких общих знаний даже об основах того, что мы пытались сделать. Что могло пойти не так?

Когда мы отходили от кораблей, огонь морской артиллерии готовил зону высадки к нашему прибытию. За несколько минут до высадки огонь переключился на гору Браун, огонь вел Крис Браун с воздушного ОП. Когда пришло время переносить огонь на гору, Крис столкнулся с трудностями, связанными с узостью линии хребта. Если он немного отклонял огонь, снаряды проскальзывали за хребет и безвредно взрывались за ним или внизу. Он сделал несколько попыток, прежде чем предложил перенести огонь на более выгодные цели ближе к видимому противнику на Кинг Эдвард Пойнт. Он посоветовал мне самому разобраться с хребтом, используя в первую очередь миномет, заверив, что в случае необходимости он быстро перенесет огонь. Это звучало разумно. Я одобрил корректировку плана огня, отметив, что он явно был на высоте, с четким пониманием принципов операции и ее приоритетов.

Мы мчались к береговой линии, зона высадки располагалась в ярдах за ней. Проносаясь в футах над морем на скорости около 100 узлов, напряжение нарастало; привычный восторг от полета был утрачен. В этот момент «быстро и низко» превратилось из развлечения в просто самое безопасное занятие, и чем быстрее, тем лучше. Мы были набиты битком. Никто особо не заботился об этой части операции, мы полностью зависели от пилотов. Мы были уязвимы, нам не терпелось выбраться и заняться своими делами. Часть меня сомневалась в том, что есть смысл идти на потенциально «горячую» зону высадки так нагло и при свете дня! По крайней мере, в этот раз решение было общим, а не только моим. Это помогло. И, кроме того, какая была альтернатива? Это тоже помогало. Я очистил свой разум, оглядывая кабину со своего места, прислоненного к спинке сиденья правого пилота. Там были они, безмятежные лица, которые я видел раньше в других, едва ли сравнимых случаях, без эмоций, их спокойствие контрастировало с грохотом вертолетов.

Береговая линия мчалась к нам, странно твердая, странно знакомая после всех этих дней в море. Я приготовился к сигналу, который означал быстрое замедление, спуск, а затем приземление. Я посмотрел на свою винтовку, на предохранитель. Готов к старту.

В этот момент мы резко накренились, неожиданно навалившаяся сила «г» выбила дыхание из наших легких. Мы бросились обратно в море. Как ошпаренные кошки, мы мчались прочь.

«Что за черт?» - воскликнул я по внутренней связи, сбитый с толку, не зная, что и думать. Никто не ранен. Не стреляют. Лица повернуты в мою сторону. Другие отворачивались. - «Что, черт возьми, происходит?»

Через мою гарнитуру доносился треск отрывистых слов, которые трудно было разобрать: что-то связанное с тем, что мы столкнулись с собственным огнем. Я не видел никакого огня по зоне высадки. Пилот ничего не видел. Крис руководил огнем. Я знал, что он держит все под контролем, его воздушные наблюдатели давали ему четкий обзор. Он уже должен был перенести орудия с зоны высадки на новые цели. Проёб. Кто-то подстраховывал нас, пытался помочь, но этим самым мешал; первый признак того, что в работе слишком много поваров? Что-то подобное должно было случиться.

Все было быстро улажено. Мы вернулись обратно, пилот извинился, хотя и не был виновен. Мы были на берегу, снова на «суше», снова в своей стихии. Чувствовали себя хорошо. Было знакомое ощущение потери ориентации, те несколько секунд, когда вертолеты улетали; затем слабая, первоначальная тревога от неподвижности после суматохи полета. Текстура земли, растительность, запахи, звуки - все это регистрировалось чувствами, обостренными предвкушением борьбы.

После постоянного движения кораблей наши ноги отвыкли от земли. Потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к уверенности шагов. Отряды выстроились в подобие тактического порядка, быстро удаляясь от мест высадки. Это был уязвимый момент. Быстрый взгляд вокруг показал, что Джон был на высоте. Его солдаты веером разбежались, чтобы проверить зону высадки. Все чисто от противника и препятствий. Мы доложили Дэнни. У следующих партий был свободный

ход; они придут в безопасную зону. Мы повернулись лицом к горе Браун, которая неприступно возвышалась перед нами. Нам нужно было идти.

Миномет морпехов был установлен под управлением командира их роты прямо рядом с нами. Мы слышали вдалеке стрельбу морской артиллерии, много, но не видели ее. Я предполагал, что они работают по зоне вокруг Кинг Эдвард Пойнт, как советовал Крис, но на хребте точно ничего не было. Я вызвал минометчиков, чтобы они прикрыли хребет, прежде чем мы отправимся в путь. Я хотел знать, что у нас есть огонь на случай, если он понадобится. Это означало предварительную регистрацию цели, известной точки на холме, с которой мы могли бы вести корректировку. Я не искал подготовительного огня для обработки, а только уверенности в том, что миномет будет в тот момент, когда он нам понадобится. По мере приближения к подножию холма мы становились уязвимыми, рискуя быть разбитыми на части, когда мы окажемся в пределах досягаемости шквального огня из стрелкового оружия любого противника, находящегося выше. Миномет был идеальным оружием для этой цели, смертоносным и быстро приводимым в действие.

Мы не получили миномет, запрос отклонили, внезапно отрезали, занятые целью. Пришлось бы ждать. Но как это могло быть? Кто, кроме нас, мог вызвать минометчиков. Какова цель? Мы не видели врага и не слышали вражеского огня. Что делал миномет? Что может быть важнее главного усилия атаки? Черт, мы и были им. Других «усилий» на земле не было. Все это было настолько абсурдно, что я подумал, что, должно быть, ослышался. Я повторил просьбу. Командир роты морской пехоты вернулся и снова объяснил, что они заняты целью, и нам придется подождать своей очереди. Отказано! Я сказал ему пару крепких слов насчет его глупости, и чтобы он взял себя в руки. Последовали повторные отказы, пока в конце концов мне не сказали, что я засоряю эфир, и чтобы я ушел с частоты; и если это не было достаточно шокирующим, то это была частота моего собственного чертового эскадрона!

Очевидно, когда минометная группа заняла позицию, они заметили движение там, где хребет упирается в море. Командир роты взял управление на себя, чтобы открыть огонь по несчастной группе морских слонов, вероятно, по старику и его гарему. Мы уже отметили их как безобидных. Они не представляли никакой опасности для миссии, кроме, возможно, самоповреждения. Но ничто не могло отвлечь командира миномета от его самостоятельных усилий. По правде говоря, ему было тяжело. Его рота, которая должна была возглавить штурм, все еще находилась за сотни миль на *Tidespring*. Разочарование было сильнее, чем многие могли вынести.

Какими бы ни были «если» и «но», этот второй случай рассогласования заставил меня сорваться. Опустился красный туман. Если это имело какое-то отношение к результатам работы эскадрона, моим результатам или мне лично, то к черту все. Мы проведем эту атаку по-своему, и в одиночку, если до этого дойдет дело - за исключением Криса, его артиллерии и вооруженных вертолетов. Все остальное может пропасть. Мы не могли позволить себе больше никаких задержек, ненужных осложнений или споров. Нравится нам это или нет, но эскадрон находился на переднем крае этого наступления. Все, кто не видел этого и не мог поддержать нас, должны были убраться с нашего пути. Я сказал Джону, чтобы он начинал действовать, поднимался на гребень как можно скорее. Мы потеряли достаточно времени. Я проверил, чтобы Крис был на связи с артиллерией и вооруженными вертолетами. Так и было. Для пущей убедительности я велел ему взять под контроль миномет. Он не должен был поражать никакие цели без разрешения его или меня. Я подбадривал Джона. Ему это было не нужно.

Я связался по радио с Дэнни, приказав ему передать остальным членам эскадрона, чтобы они догоняли его, как только смогут. Они не должны ждать в районе зоны высадки. 16-й отряд должен взять с собой пару треног для GPMG; они могут пригодиться, чтобы увеличить дальность действия пулеметов. Я помчался за горным отрядом, когда начал подходить второй вертолет, а миномет все еще занимался обезвреживанием некомпатантов в виде морских слонов.

Вскоре мы достигли подножия хребта, и моя ярость утихла, когда я взглянул на угрожающую вершину над головой. Никто из нас не задерживался. Мы все знали, что нужно как можно скорее добраться до вершины. Следующие несколько минут могли определить исход или, по крайней мере, его характер. Скорость была крайне важна. По-прежнему не было ни встречного огня, ни «треска и грохота» от скрытого врага. Но мы заметили тревожную особенность дальше по горе. Она выглядела как подготовленная оборонительная позиция, оснащенная шестом или антенной. Она была безмолвной, но находилась в плохом месте. Я попросил Джона дать по ней ракетой MILAN. Лучше перестраховаться. Кроме того, не помешает показать противнику в Кинг Эдвард Пойнт или Грютвикене, на что мы способны - обстреливать их позиции ракетами из-за пределов досягаемости стрелкового оружия. Ракета MILAN, покачиваясь, поднялась на холм и с приятным грохотом врезалась в предполагаемый бункер. Остальные тем временем продвигались вперед; мы были почти у цели.

Это был крутой подъем. Нобби Кларку приходилось нелегко. Обычно он работал на складе вместе с Грэхемом, который разрешил ему сойти на берег, чтобы взять с собой MILAN. Почему бы и нет? В конце концов, это был случай «все руки к насосам». У Нобби был прекрасный послужной список, он служил в Дофаре, на Борнео и в Кении, а также в Малайзии, как хотелось верить нам, «молодым». Свободно владея суахили и малазийским, он имел репутацию бойца в джунглях, обладал навыками работы с окружающей средой, не слишком востребованными в Антарктике. Но он с готовностью шагнул вперед, взвалив на плечи ПТРК, мужественно преодолевая нагрузку, делая один болезненный шаг за другим вверх по склону, демонстрируя каждый год своего преклонного возраста. Он не собирался пропускать эту прогулку, ни за что на свете. Я добрался до гребня раньше него, но ненамного.

Когда мы покидали *Antrim*, ВМФ кристально четко дал понять, что рассматривает поврежденную подводную лодку как незаконченное дело. Если у нас будет возможность, нужно уничтожить ее, сделать это раз и навсегда. По их мнению, противотанковая ракета в оперативный отсек, где ограждение рубки соединяется с корпусом, должна сработать. Я посмотрел вниз с вершины на Грютвикен, а там, у причала в Кинг-

Эдвард-Пойнт, стояла *Santa Fe*, черная, зловещая, слегка накренившись. И тут появился Нобби с тем, что нам было нужно - ПТРК. Пошатываясь, он поднялся на вершину. Я помахал ему рукой. Он плюхнулся рядом со мной, оценив мягкий, приветливый дерн.

- Зифти бум валлах по самую капалу, босс.²⁰ Никто из нас не знал, что это значит. Вероятно, в данном случае это означало, что он чувствует себя вымотанным.

- Ты знаешь, как пользоваться этой штукой? - спросил я, ткнув большим пальцем в его MILAN.

- Вроде того.

- Тогда быстро, как только сможешь, засади ее в эту чертову подводную лодку.

Он заметно оживился.

- Куда-то конкретно? - Это было впечатляюще. Похоже, он знал, что делает!

- Туда, где ограждение рубки соединяется с корпусом.

Тут раздалось настойчивое похлопывание по моему плечу.

- Босс, босс.

- Не сейчас, - огрызнулся я, все еще нетерпимый к любым задержкам, неважно от кого.

- Долго еще?

Я посмотрел на Нобби. Раскладывается, но недостаточно быстро. Я подстегнул его. Мы продолжим наше продвижение сразу после того, как займемся подводной лодкой. Надо торопиться.

- Давай, Нобби.

²⁰ Чудовищная мешанина слов на разных языках, общий смысл – черт возьми, прим. перев.

- Босс, босс, послушай. - Это был Лофти Арти. Его голос стал настойчивым, повелительным, от него нельзя было отмахнуться.

- Какого черта?

- Они сдались!

Я отвел глаза от Нобби и подводной лодки. Черт возьми, они сдались. Повсюду белые флаги и простыни. Как я мог пропустить это. Я оттеснил Нобби от его ракеты. Он выказал удивление, затем разочарование.

- Зифти бум валлах.

Слава богу, что бойцы трезво оценили ситуацию, что хотя бы один из нас все правильно понял: враг в Грютвикене, его белые флаги, подводная лодка, Нобби и его MILAN, и босс с его явной фиксацией на подводной лодке. Лофти не просто наблюдал, у него хватило ума действовать, и таким образом он предотвратил потенциально серьезную катастрофу.

Что насчет пушек? Я ничего не слышал. Крис, должно быть, остановил их. Быстрая проверка подтвердила, что он остановил пушки и минометы пятью минутами ранее, когда мы поднимались на хребет и заметили белые флаги. Пока все хорошо.

По идее, нельзя идти к сдавшемуся противнику. Это значит подвергать себя опасности. Все должно быть наоборот. Однако самый беглый взгляд на эту землю показывал, что теорию трудно применить. Они находились на Кинг Эдвард Пойнт, это за Грютвикеном в обход бухты, на расстоянии добрых двух миль, около 1000 метров по прямой через воду. Если мы пройдем почти весь путь, то можно будет подать им сигнал, чтобы они вышли на дорогу и встретили нас недалеко от китобойной станции. Мы могли бы оставаться под прикрытием зданий, а они - на открытой местности. Но даже это казалось сложным: связь на расстоянии, на дороге, да еще и язык. И даже если бы нам удалось найти способ справиться со всем этим, что бы мы тогда с ними делали? На самом деле они прекрасно выглядели там, где находились, уязвимые и хорошо сдерживаемые. Возможно, по такому случаю мы должны пойти к ним.

Я не был склонен передавать этот вопрос наверх. План выполнялся лучше и быстрее, чем ожидалось. Я знал, что должно быть достигнуто, и имел наилучшее представление о ситуации на месте. Я не чувствовал нужды в помощи при принятии, казалось бы, очередного тактического решения. Насколько это настроение было вызвано разочарованием от недавних событий, включая то, что мы потерпели на Хестеслеттене, трудно сказать. Но мы наслаждались свободой действий и не собирались останавливаться, пока работа не была полностью выполнена.

Если посмотреть через бухту на Кинг Эдвард Пойнт, то там было не так уж много интересного: несколько человек на открытом месте, но большинство из них держали головы опущенными. Они выглядели ухоженными, повсюду белая ткань. Бог знает, как я мог это пропустить. Я чувствовал, что им просто нужно было как-то официально оформить окончание открытых военных действий. Возможно, не было лучшего способа, чем пойти и поговорить с ними об этом напрямую. Я решил так и поступить. В конце концов, вся операция была основана на использовании предполагаемого морального превосходства. Так что нужно отправиться туда и воспользоваться им.

Я приказал Джону расставить своих людей вдоль линии хребта, пополняя свои ряды остальными по мере их прибытия с зоны высадки. Он должен был зарегистрировать все потенциальные цели, выделив для каждой из них средство поражения. Как ни странно, он должен был время от времени делать одного или двух человек видимыми, чтобы убедить противника, что он действительно столкнулся с подавляющей силой, что они находятся под прицелом, буквально глядя в стволы нашего оружия. По сути, он должен был убедить противника в том, что разумным вариантом будет сдача. Это должно помочь мне в любых переговорах.

Если противник откроет по нам огонь, нарушив предполагаемое перемирие, он должен был выполнять мои приказы. Если я по какой-либо причине не смогу связаться с ним, он должен вступить в бой и начать методично обстреливать вражеский гарнизон, пока они снова не сдадутся. Он должен попытаться сделать это, избегая ненужного ущерба

имуществу, в частности, зданиям Британской антарктической службы. Я не ожидал, что он двинется вперед, даже для того, чтобы вытащить меня из западни. Это могло бы лишить нас инициативы, втянуть в инцидент, вероятно, не имеющий отношения к выполнению задачи. Он не должен забывать о подводной лодке. Почему бы не начать с нее? Устроить чертовски большой взрыв, чтобы шокировать их и заставить сдаться. Зачем портить нашу собственность, если мы можем испортить их собственность, чтобы вернуть их на путь истинный?

Затем я связался по радио с Дэнни на *Antrim*, сообщив ему о наших намерениях и попросив передать их капитану Янгу и Гаю. Все было сделано, Джон занялся расстановкой своих солдат, и мы отправились вниз по холму в сторону Грютвикена.

Мы были небольшой группой, каждый из нас был добровольцем: Джорди, старшина связистов эскадрона, Стью, еще один связист, и Сид Дэвидсон, очень приветливый, добродушный человек из горного отряда, немного владеющий испанским языком, так он меня заверил. Никто из нас не имел четкого представления о том, как действовать дальше, кроме поиска места на дальней стороне Грютвикена, откуда мы могли бы вызвать вражеского офицера для переговоров. Казалось, что лучше всего держать врага на Кинг Эдвард Пойнт, где они будут сдерживаемы, защищены от непогоды и под нашим прицелом; но я не должен был привлекать эскадрон к караульной службе. У нас были незаконченные дела в Лейте.

Мы мало сомневались. Враг, похоже, был психологически раздавлен. Я оглянулся назад. Да, отлично, мы выглядели соответствующе. Мне не нужно было ничего никому говорить. Мы все знали теорию, фольклор: трудно стрелять в человека, который улыбается. Мы должны выглядеть уверенными, спокойными, не угрожающими. Мы вышли, если не улыбаясь, то, по крайней мере, выглядя приветливыми; ну, может быть, кроме Джорди с его почти вечной хмуростью. Я снова повернулся, чтобы улыбнуться ему, но в ответ получил лишь пустой взгляд. Осторожно, он мог подумать, что я ищу поддержки. Я прибавил шаг.

Старая китобойная станция стонала и вздыхала, превратившись в город-призрак. Ржавые листы гофрированного железа звенели на ветру. Мы заглядывали в окна, когда спешили мимо, на столы, все еще заваленные бумагами, на верстаки с инструментами, как будто все ушли в один миг. Сблaзн сделать паузу, остановиться и осмотреться оказался почти непреодолимым. Маленькая белая часовня, обшитая досками, стояла на небольшом возвышении в достойном одиночестве, выделяясь из окружающей серости. *Petrel*, старое китобойное судно, лежал на берегу, ржавея, но в остальном явно готовый, как будто ожидая, чтобы продолжить с того места, где он остановился. Все это время не покидало ощущение присутствия Шеклтoна. Он был с нами еще до Фортуны и никогда не покидал нас. Если бы у нас будет время, мы должны посетить его могилу.

Через китобойную станцию, не останавливаясь, мы вчетвером продолжили путь к Кинг Эдвард Пойнт. Здесь не было удобного укрытия, из которого можно было бы вызвать противника на переговоры. К тому же это уже не казалось хорошей идеей, слишком легкомысленной в данных обстоятельствах, да и ненужной, ведь Джон только что сообщил, что гарнизон расположился на открытой местности и, предположительно, ждет нас. Мы шли вперед, шагая быстро и уверенно, как будто владели этим местом, что в некотором смысле так и было, это же была Британия, а наша маленькая группа представляла Корону. Я перестал улыбаться. Она казалась слишком принужденной, неправдоподобной и глупой. Кроме того, у меня начало болеть лицо. Вместо этого я взял винтовку за плечо, пытаюсь передать доверие к врагу и его капитуляции. Сид поднял свою винтовку в североирландском стиле «хай-порт» в знак того же.

Подводная лодка стояла рядом с причалом, зловещая, покрытая шрамами, но все еще угрожающая в своей мрачной манере. И там стоял наш враг, как на параде. Оставалось около 200 метров, мы не сбавляли темпа, глядя прямо перед собой. Мы все знали, что нужно сохранять атмосферу абсолютной уверенности в сочетании с авторитетом, избегая излишнего чувства превосходства. Я надеялся, что все будет происходить на строго профессиональном уровне, без эмоций. Мы победили, они проиграли, давайте просто обсудим последствия. Пулеметное гнездо

находилось слева, двое аргентинцев все еще стояли в нем, хотя и с поднятыми руками. Сид махнул им рукой, чтобы они присоединились к остальным, собравшимся у близлежащих зданий. Они присоединились. Хорошо. Все, как и должно быть. В этот момент, когда до цели оставалось метров 100, возможно, меньше, но точно почти среди них, вмешался Джорди. Очевидно, Гай хотел, чтобы мы остановились.

- Что? Почему?

- Там мины.

Мы были начеку в поисках мин, но не обнаружили никаких признаков вмешательства на дороге. Мы зарегистрировали возможное присутствие самодельных устройств с управляемым подрывом, то сбоку, то сзади, но в остальном ничего.

- Нет, их нет.

В ярдах от нас виднелись белки их глаз. Сейчас было не время для колебаний. В любом случае, мы должны пройти через любое минное поле. К черту. Я сказал Джорди игнорировать сигнал. Мы не могли остановиться. Вместо этого мы вышли на импровизированный парадный плац аргентинцев и встали в ряд перед нашим противником. Я сказал Джорди, что он может сообщить Гаю о нашем появлении.

- Поблагодари его за предупреждение. И скажи ему, насколько мы можем судить, на пути нет мин.

Лучше не расстраивать босса; но вернемся к непосредственному делу.

Противник выглядел в хорошей форме, выстроившись в три шеренги и стоя «вольно». Большинство из них смотрели на нас с изучающим любопытством. Они выглядели дисциплинированными и спокойными, хорошо одетыми, в те элегантные костюмы оливкового цвета в стиле армии США 1950-ых, которые в то время предпочитали латиноамериканские армии, в комплекте с касками GI. Их оружие, очевидно, было чистым и хорошо смазанным. Вперед шагнул майор, насколько я понял. Мы обменялись приветствиями. Он подтвердил их желание сдаться, произнесенное на довольно хорошем английском

языке. Я сказал ему, что это очень порядочно с его стороны, и, естественно, мы примем его капитуляцию, но он может предпочесть официально предложить ее моему командиру, который должен прибыть в ближайшее время. Он произвел хорошее впечатление, порядочный человек, гордый, но не надменный. Похоже, что все это было для него довольно сложно, и он искал утешения в предполагаемой процедуре. У меня не было полномочий обсуждать условия. Это должен был делать он, его командир и те, кто выше меня. Но я надеялся, что, сосредоточившись на основах, проявив внимание и должную учтивость, он найдет у меня то, что ему нужно, и вместе мы сможем продвинуться вперед. Это было очень деликатное дело, и, оглядывая собравшуюся массу вражеских солдат, я начинал чувствовать себя в меньшинстве. Я предложил, пока мы ждем Гаю, начать с того, чтобы его люди сложили свое оружие, гранаты, ножи, все, включая оружие, находящееся в распоряжении экипажа подлодки. К счастью, он повернулся, чтобы сделать это. Пока он это делал, я заметил его кобуру. Я обратился к нему, чтобы предложить, что он и его офицеры могут оставить свое оружие на время, если они хотят. Я подумал, что это продемонстрирует наше уважение и доверие к ним. Это не было совсем уж альтруистичным: офицерам было бы легче сохранить контроль над своими солдатами. Оценив жест, если не суть, он приступил к распоряжениям.

И каким-то образом, поскольку я никого не вызывал вперед, у флагштока появился огромный, внушающий уверенность Лоуренс. С помощью пары противников, поскольку он мог очаровать любого, он снимал аргентинский флаг, а затем поднял «Юнион Джек». Он взвился на сильном ветру, великолепный, его красный, белый и синий цвета гордо возвышались на фоне серого цвета вокруг, провозглашая, что в этом стихийном уголке мира все снова стало так, как должно быть. Покончив с этим, он помахал мне рукой, широко улыбнулся и поднял большой палец вверх.

Вскоре прибыл Гай с морпехами. Он казался немного отстраненным, возможно, злился на меня. Я списал это на нашу вольную интерпретацию управления операциями и на то, что эскадрон, как только он развернулся, разогнался во всю мощь. Я решил держаться от него подальше, не желая снова вступать в перепалку, уж точно не с Гаем.

Он мне слишком нравился для этого. На протяжении всего эпизода эскадрон всегда знал, что делать, точно просчитывал риски и был готов к их выполнению. На самом деле победила непреодолимая мощь флота. Мы просто закрепили все на берегу. Не было необходимости перебирать в памяти дальнейшие события, не сейчас. Наслаждайся моментом. Я оставил его и аргентинского командира наедине. Они были представлены друг другу. Дальше он мог действовать вместе с морпехами. Конечно, мы поможем, если понадобится. Но мои мысли вернулись к Лейту и нашему пропавшему патрулю.

Тем временем Джорди отправился с капитаном подводной лодки, чтобы получить коды с *Santa Fe*. На вопрос, где они находятся, аргентинец ответил:

- За бортом, чего вы ожидали?

- Ничего другого, - пробурчал Джорди с широкой, несвойственной ему ухмылкой.

В товарищеском молчании они вернулись на причал, снова вышли на свежий, чистый, влажный воздух, Джорди сжимал в руках охапку бумаг и документов, которые заинтересовали его, несмотря на чарующие заверения капитана. Они будут переданы офицеру связи на *Antrim*, тоже занимающемуся сбором информации, который, в свою очередь, передаст их и многое другое в разведку флота, которая действительно сочла их все интересными.

Близился вечер, свет медленно угасал, все окрасилось в серые тона. Я подумал о сигарете, но вместо этого съел печенье. Быстрый взгляд в сторону зданий показал Лоуренса с горсткой бойцов эскадрона, помогающих морпехам с пленными, сортирующих оружие, перебирающих оборудование. Джорди направлялся в радиорубку, чтобы продолжить поиски разведывательной информации. Гай, окруженный морпехами, беседовал с небольшой группой аргентинских офицеров.

Казалось, все было под контролем. Итак, горстка нас, тех, у кого не было срочной работы, пошла на кладбище, чтобы отдать дань уважения Шеклону. Это было правильное решение.

С захватом Грютвикена в наших руках оставался небольшой аргентинский гарнизон в Лейте под командованием капитана Альфредо Астиса.²¹ Позже тем же вечером в ходе краткого, контролируемого радиообмена между ним и капитаном Бикайном, капитаном подводной лодки, предполагаемым старшим аргентинцем на Южной Георгии, было установлено, что Астис не сдастся. Он будет сражаться до смерти. Это звучало неправдоподобно, слишком много бахвальства, но Гай Шеридан и Брайан Янг вместе разработали план, как обязать его.

Он предусматривал использование тех элементов эскадрона, которые уже находились на борту *Plymouth* и *Endurance*, последний из которых заходил в бухту Стромнесс во время штурма Грютвикена. Высадка войск должна была произойти в начале следующего дня, не позднее. Но Тед и его отряд уже были на месте. Они могли бы воспользоваться тактическим планом, присланным ранее. Он был вполне разумным. Значит, будет предложено нечто большее, чем просто приплыть и, возможно, высадиться на берег. Командовать операцией будет капитан Пентрит с *Plymouth*. Я не встречался с ним лично, но знал достаточно, чтобы доверять ему в разумном использовании моих людей. Тем не менее, я договорился с Тедом соединиться с SHQ как можно скорее, намереваясь прибыть до начала любого штурма.

Я был уверен в Тедде; только я чувствовал, что должен быть там, чтобы командовать любым значительным усилием. Дэнни уже отдал приказ о том, что SHQ прибудет с дополнительными войсками, подчеркнув ставшие уже привычными условия относительно пропорциональности.

²¹ Астис был плохим человеком, его разыскивали для допроса несколько полицейских служб за его участие в некоторых из наиболее чрезмерных мероприятий по обеспечению внутренней безопасности Аргентины, связанных с исчезновением иностранных и аргентинских граждан. Франция и Швеция были особенно заинтересованы в беседе с ним. Со временем он будет репатрирован Великобританией в строгом соответствии с Женевскими протоколами.

Операция должна быть направлена на убеждение, а не на уничтожение, на достижение капитуляции противника. Тед был проинформирован о событиях в Грютвикене, о том, как враг капитулировал перед угрозой насилия. Я хотел добиться успеха без фактического сближения с противником, при необходимости обстреливая его позиции с господствующей линии хребта. Теду было рекомендовано не атаковать и не форсировать штурм на уровне эскадрона, пока я не присоединюсь к нему для контроля. Однако он имел право действовать и командовать силами SAS в Лейте в случае, если я не смогу присоединиться к нему вовремя или ситуация потребует иного, получив такой приказ от капитана Пентрита.

Прибыв в Лейт, я обнаружил, что Астис выбросил полотенце почти сразу перед моим прибытием, при виде *Plymouth*, входящего в залив Стромнесс, чтобы присоединиться к *Endurance*. Все было кончено. И в довершение всего к позднему утру флот обнаружил Томми Трентона и его людей, наш пропавший патруль, в районе Джейсон Пойнт в устье залива Стромнесс. *Plymouth* отметил их местоположение, когда входил в залив тем утром. Увидев корабль, патруль подал сигнал бедствия; до этого момента Томми и его команда, как и Чиппи, хранили радиомолчание, пока не убедились, что иное не поставит под угрозу операцию. Их судьба была тяжелым бременем для всех нас. Безусловно, это повлияло на мой темперамент. Дух взлетел.

Таким образом, мы победили без потерь²², за исключением двух вертолетов и некоторого дискомфорта. Это действительно была неплохая работа для оперативной группы, впервые действующей вместе в одной из самых негостеприимных сред на планете. Когда настал момент, мы удачно объединили силы, применив их на достойном уровне сложности. Оперативная группа могла наслаждаться своим достижением.

²² Был один погибший, аргентинский подводник Феликс Артузо. Военно-морской флот похоронил его со всеми воинскими почестями на китобойном кладбище в Грютвикене.

Капитан Янг сообщил об этом стране и всему миру по радиосвязи через своего командира, контр-адмирала Сэнди Вудворда:

- Рад сообщить Ее Величеству, что в Грютвикене, Южная Георгия, белый флаг развевается рядом с флагом Объединенного Королевства. Боже, храни Королеву.

Возможно, старомодный, возможно, нельсоновский, его голос звучал звонко; он отражал наш восприятие происходящего. Мы навели порядок в Южной Георгии чисто британским способом: иногда с сумбуром, но в основном со спокойным профессионализмом, со вспышками гениальности, примерами героизма и всегда с порядочностью.

У нас практически не было времени для празднования. Штаб RHQ хотел, чтобы мы вернулись для участия в стратегически главном усилии - возвращении Фолклендских островов. Мы были готовы к этому. Мы все инстинктивно чувствовали необходимость в постановке задач, более соответствующих нашим способам и средствам: менее ограниченных потребностями, взаимодействием и необходимым контролем на тактическом уровне, когда мы тесно связаны во времени и пространстве с обычными силами и их непосредственными целями.

Нам было приказано подняться на борт *Brilliant* и отойти на север к оперативной группе, чтобы попасть на борт флагманского корабля адмирала Вудворда, авианосца HMS *Hermes*. В этот самый момент он и его авианосная группа приближались к Фолклендскому архипелагу, чтобы ввести зону полного отчуждения (ЗПИ) - мероприятие, призванное продемонстрировать, что Великобритания считает Фолкленды, их воды и окружающие море зоной боевых действий. Корабли и суда любой страны, вошедшие в зону, подлежали обстрелу без предупреждения. Это не мешало Великобритании предпринимать действия за пределами ЗПИ в соответствии с правом на самооборону, закрепленным в 51-й статье ООН; это давало потенциал для выполнения некоторых задач стратегического уровня, что было заманчивой перспективой. Нам нужно было встать рядом с командующим силами и посмотреть, что он может предложить нам.

Джон Коуард также оказался под давлением необходимости быстро отойти. Оперативной группе был нужен его корабль для непосредственной противовоздушной обороны *Hermes*, поскольку *Brilliant* нес самую современную зенитную ракету ВМФ - Sea Wolf. В результате, несмотря на сложный сеанс пересадки, осложненный относительной нехваткой вертолетов и предсказуемо злобной погодой, мы вскоре взяли курс на север.

Отъезд был омрачен сожалением. У нас появилось много новых друзей. Нам было жаль расставаться с ними. Большинство из нас глубоко привязались к своим кораблям. Мы желали друг другу успехов, просили беречь себя, обещали встретиться где-нибудь, как-нибудь, когда-нибудь. В частности, нам было неприятно покидать *Antrim*. Мы не могли быть простыми ни для ее капитана, ни для ее экипажа, ни для оперативной группы в целом. Большую часть времени мы были источником беспокойства, но, когда наступал момент, мне нравилось думать, что мы были там, чтобы заполнить пробел. Мы всегда делали там все, что могли, даже больше, чем следовало, сказал бы критик. Бойцы продолжали действовать, не дрогнув.

Попав на борт *Brilliant*, мы воспользовались возможностью отдохнуть и насладиться перерывом от непосредственной оперативной деятельности. Это дало нам время для размышлений. Я обсудил все с Дэнни, Лоуренсом, Джорди, Грэхемом и командирами отрядов, чтобы определить извлеченные уроки, которые могли бы послужить основой или изменить наш подход к тому, что будет дальше.

Если и было что-то совершенно новое для нас, то это война вместе с ВМС и в условиях субантарктической зимы. Поэтому в первую очередь мы обратили внимание на море и погоду. И то, и другое практически уже было сделано за нас.

В то время у нас были очень редкие контакты с SBS; мы были частью армии, а они - небольшим специализированным подразделением Королевской морской пехоты ВМС. Тем не менее, существовало негласное взаимопонимание. Полк поддерживал базовые навыки управления лодками, достаточные для того, чтобы мы могли приходить

и уходить по морю или закрытым водам. Но когда дело доходило до действий на воде, это было для SBS. Недавний опыт показал, что это весьма важное различие. Мы всегда с уважением относились к морю, или нам так казалось. Теперь мы знали, что оно требует к себе внимания, выходящего за рамки простого уважения, и гораздо большего, чем случайные тренировки у кенийского побережья или в бассейне в лагере. Наша база прошла серьезную проверку на антарктических широтах и была признана несостоятельной.

Мы пришли к выводу, что полк должен пересмотреть весь свой подход к воде и что это должно включать его отношения с нашими коллегами из морской пехоты.²³ Но многое из этого должно было подождать. Пока же нам предстояла война, и мы должны были идти с тем, что у нас было. В связи с этим мы решили оставить воду для SBS до конца этой войны, если это возможно. Мы будем передвигаться на вертолетах. Если бы нам пришлось пересекать воду, мы бы постарались привлечь специалистов. Мы бы точно не стали снова использовать наши лодки. Если бы нам действительно пришлось выходить на воду самостоятельно, мы бы использовали байдарки Klepper и полагались на мускульную силу. Это означало спокойную воду, не более того. Если же альтернативы не было, а задача требовала, то, разумеется, мы выходили на воду.

Что касается погоды, то нам особенно не повезло. Оба захода проходили в исключительно сложных условиях даже по меркам изменчивой и свирепой Южной Георгии. Нам нужны были более точные прогнозы. И никто в эскадроне D не мог упустить из виду важность «погодостойчивых» планов и всего остального в максимально возможной степени.

Сухопутные войска противника, казалось, подчинялись погодным условиям, в то время как мы пытались справиться с ними, если не использовать их в тактических целях. Поразительно, но они ориентировались на то, что казалось наиболее очевидным. В Лейте они

²³ Через несколько лет SAS и SBS были объединены в единое командование под руководством директора спецназа. Это решение было принято «поколением Фолклендов» в документе, подготовленном по заказу командира 22 SAS (Энди Мэсси), и это наследие сохраняется до сих пор.

проводили большую часть времени в помещениях, укрываясь от непогоды. И в Лейте, и в Грютвикене их оборонительные сооружения смотрели в основном на море. Теория обороны, похоже, была плохо усвоена. Отдельные позиции были расположены неудачно, обеспечивая малую глубину, ограниченную взаимную поддержку и скудное прикрытие от посторонних глаз. Хуже того, они не предпринимали никаких попыток защитить свои «жизненно важные позиции».

Их ВВС и ВМС были менее легко читаемы. Они четко понимали необходимость совместной работы, самолеты наблюдения появлялись практически в тот же момент, что и подводные лодки. Но насколько хорошо эти элементы действительно работали вместе, сказать невозможно. Были свидетельства здорового новаторства: C 130 и Boeing 707 имели подходящую дальность и продолжительность полета, ни один из них не был разработан специально для морского наблюдения. Была и храбрость - выставить незащищенные самолеты против ракетных систем Королевского флота; точно так же выставить старинную подводную лодку времен Второй мировой войны против одного из самых хорошо оснащенных и практикующих ПЛО флотов НАТО.

Подводя итог нашему первоначальному представлению о противнике, мы увидели серьезные недостатки в его сухопутных войсках, которые демонстрировали рудиментарный уровень компетентности. Их организация была грубой, стилизованной и тактически неполноценной. Это свидетельствовало о низком уровне военного образования и подготовки, возможно, исключающем все, кроме самых базовых уровней владения всеми видами вооружений. Это не означало недооценки нашего противника. Они наверняка сохранили способность удивлять. Только, учитывая рудиментарную компетентность войск, их старшие командиры поступили бы мудро, если бы упростили план сражения на Фолклендах.

Мы отметили довольно озадачивающее, половинчатое качество их усилий. Мы не хотели придавать этому слишком большое значение. Возможно, им приказали оказать лишь символическое сопротивление, а может быть, подводная лодка действительно была тем самым моментом, что после ее поражения все было потеряно. Возможно, на

Фолклендах, где от аргентинцев можно ожидать большей духовной отдачи, все будет иначе. Однако мы задались вопросом, не свидетельствует ли эта пассивность о глубоко укоренившемся чувстве профессиональной неполноценности. Если да, то что нужно сделать, чтобы комплекс неполноценности перешел в откровенное пораженчество.

Астис заложил самодельное взрывное устройство (СВУ) под вертолетной площадкой в Лейте. Ни одна атакующая сила не стала бы приземляться в таком очевидном месте. Должно быть, оно было установлено для того, чтобы поймать неумеху, прилетевшего, например, во время переговоров. Мы надеялись, что это был единичный случай, не более чем дилетантское поведение низкого и развращенного человека, а не свидетельство более широкого аргентинского невежества или пренебрежения правилами и конвенциями войны. Отмечая, насколько горячим может стать этот вопрос, руководству эскадрона напомнили о необходимости строго придерживаться Женевских конвенций, особенно в случае провокации, когда речь идет о неправомерном поведении противника, бесцеремонном или ином.

Возвращаясь к военно-воздушным и военно-морским силам, можно сказать, что большая часть их техники устарела, но похоже, что они могут использовать то, что у них есть, с воображением, решимостью и некоторым талантом. Действительно, любой базовый потенциал с высоким уровнем укомплектованности профессиональными офицерами и старшими унтер-офицерами, скорее всего, будет работать достаточно хорошо, независимо от службы или рода войск. Но насколько хорошо они могут взаимодействовать для совместных или общевойсковых операций, остается неясным: вероятность не очень велика. Тем не менее, мы будем продолжать уважать их всех.

Капитан Янг был осторожным командиром, который понимал преимущества хорошей разведки цели перед наступлением. Мы были с ним в этом солидарны, понимая, что чем лучше разведка цели, тем больше шансов на успех, что подтверждало нашу веру в предварительную разведку. Однако наше предпочтение начинать с разведки не осталось неоспоренным. Так была ли разведка, проводимая

силами специального назначения на местности, вполне уместной в условиях полномасштабной войны, или она больше подходила для конфликтов низкой интенсивности? Проявлял ли он чрезмерную осторожность? Предвосхищало ли это успех? Было ли это помощью или помехой?

Поначалу в нашем менталитете присутствовал элемент информационной точности, стремление к самым высоким уровням разведки цели. Одним из первых примеров этого было то, как открывались двери на объектах Британской антарктической службы в Грютвикене, как будто это могло иметь значение. Не все шло гладко. Но, несмотря на разочарования, мы все же достигли цели, и высокая ценность разведданных была снижена лишь неожиданным развитием событий. Импровизированный характер возможного нападения также не должен опровергать важность разведки передовых сил. Атака была ответом на быстро меняющиеся обстоятельства, вопросом использования, казалось бы, мимолетной возможности. Решение идти напролом было основано на расчете, но в нем таилась доза инстинкта, вероятно, основанного на впечатлениях, полученных от наблюдений Теда за Лейтом. Мы сделали вывод «за», зная, что имеющиеся в распоряжении оперативной группы технологии наблюдения и захвата целей были плохой заменой хорошо проведенной, управляемой разведке, выявляющей более широкие факторы, как Тед так замечательно проделал в Лейте.

Таким образом, нам нужно было улучшить наше взаимодействие с флотом; оставаться рядом с SBS; улучшить нашу координацию в обычном боевом пространстве; привести все в соответствие с потребностями Южной Атлантики зимой; и продолжать уважать врага. И мы будем придерживаться разведки как обязательного условия.